

Йен Макдональд

РЕКА БОГОВ

«Магазин» в жанре киберпанк»
Village Voice

Йен Макдональд

Река Богов

Серия «Индия», книга 1

*Сканировал Vened, распознал и вычитал Философский Вомбат на
Лыжах*

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=160270

*Река Богов: Издательства: АСТ, АСТ Москва, Транзиткнига; Москва;
2006*

ISBN 5-17-036885-2, 5-9713-2286-9, 5-9578-4175-7

Оригинал: IanMcDonald, "River of Gods"

Перевод:

Сергей Минкин

Аннотация

Индия.

Новая Мекка компьютерных технологий...

Новый рай для любителей экстремальных развлечений,
признанных незаконными во всем остальном мире...

Страна, вновь расколовшаяся на десятки крошечных
независимых княжеств, постоянно балансирующих на грани
вражды и открытой войны – войны, в которой «пушечным мясом»
становятся не люди, а мехи, а полководцами и стратегами –
искины.

Индия. Матерь Богов.

Земля, где на берегах священного Ганга появляются новые
мехадеви – боги, созданные машинами и для машин.

Боги, созданные компьютерным брахмой для одного из
бесчисленных обитаемых миров – мира виртуального.

Но виртуальность вот-вот станет сильнее реальности...

Содержание

ГАНГА МАТА	5
1	5
2	16
3	38
4	51
5	73
6	92
7	103
8	119
САТ ЧИД ЭКАМ БРАХМА	141
9	141
10	150
11	166
12	208
13	231
Конец ознакомительного фрагмента.	240

Йен Макдональд

Река Богов

ГАНГА МАТА

1

Шив

Тело поворачивается в потоке воды. Там, где новый мост пересекает Ганг пятью асфальтовыми пролетами, вокруг опор виднеются гирлянды из палок и пластиковых сучьев – плоты из речного мусора. Какое-то мгновение кажется, что тело может стать его частью, темной бесформенной грудой в черном потоке. Ровное движение воды несет его, переворачивает с боку на бок, протаскивает ногами вперед под стальной аркой, где грохочет бесконечный поток автомобилей. Там, наверху, режут тяжелые грузовики, несущиеся высоко над рекой. День и ночь блестящие хромированные конвои могучих машин с яркими изображениями богов на бортах мчатся по мосту в город, а из громкоговорителей, установленных на крышах кабин, раздается оглушительная киномузыка. Воды Ганга дрожат от отвращения.

Стоя по колено в реке, Шив с наслаждением затягивается сигаретой. Священный Ганг!.. Ты достиг мокши.¹ Ты свободен от кармы. Венки из бархатцев обвивают его ноги в насквозь промокших брюках. Шив наблюдает за тем, как уплывает тело, затем щелчком выбрасывает окурок, улетающий с фейерверком мелких искр, и идет назад к своему «мерседесу», который тоже наполовину погрузился в воду.

Слуга протягивает ему туфли. Хорошие туфли. Хорошие носки. Итальянские носки. Не всякое там индийское дерьмо. Слишком хорошие обувь и носки, чтобы их можно было пожертвовать Гангу, позволив стать частью ила и грязи. Шив включает зажигание. Загораются фары, и видно, как тоненькие фигурки разбегаются по белому песку. Чертова ребятня! Он им покажет.

«Мерседес» выезжает на берег, едет по грязи к белому песку пляжа. Шиву никогда не приходилось видеть, чтобы уровень воды в реке настолько понижался. Конечно, он не принадлежал к числу тех, кто поклоняется богине Ганга – Ганга Дэви, – пусть этим занимаются женщины, раджа должен быть разумным человеком, иначе какой он раджа... Но смотреть, как низко опустилась вода в Ганге, понимать, что река ослабела, – тяжело и мучительно, словно наблюдать за тем, как из раны на руке друга густой струей хлещет кровь, и не иметь возможности ему помочь. Кости трещат под покрышками автомобиля. «Мерседес» разбрасывает в разные

¹ Индийские реалии (здесь и далее по тексту) см. в *Глоссарии* в конце книги

стороны угольки костра, который разводили здесь мальчишки.

Затем слуга Шива, Йогендра, бросает машину вперед, и они въезжают вверх по берегу, прорезав две глубокие борозды на лужайке, заросшей бархатцами. А ведь всего пять лет назад Шив был таким же бездомным мальчишкой, жившим за счет реки, вечерами сидевшим на корточках у костра, копошившимся в песке, просеивавшим ил в поисках какого-нибудь старья, которым можно пожить. Когда-нибудь он снова окажется там – в конце пути. Да, здесь Шив закончит свой земной путь. В этом он всегда был уверен. Все заканчивают там. Река уносит всех и вся. Грязь и человеческие останки.

Течение вертит тело, треплет шелк сари и медленно раскручивает ткань. Приближаясь к низкому понтонному мосту под давно заброшенным фортom у Рамнагара, труп в последний раз переворачивается и освобождается от оков земной одежды. Змейка из шелка цепляется за округлый выступ понтона и, подхваченная течением, вьется с обеих его сторон. Этот мост построили британские саперы в той стране, которая существовала до той страны, что предшествовала нынешней.

Пятьдесят понтонов, соединенных узкими полосками стали. Здесь проезжает более легкий транспорт. Фатфаты, мопеды, мотоциклы, велорикши, изредка какой-нибудь «марути», пробирающийся между велосипедами. Истошно гудят

автомобильные сирены: здесь всегда масса пешеходов. Понтонный мост – настоящая звуковая дорожка, бесконечная магнитофонная лента с записью шума колес и шагов человеческих ног. Лицо обнаженной женщины покачивается на поверхности воды на расстоянии всего нескольких сантиметров от колес авторикш.

За Рамнагаром восточный берег расширяется, переходя в песчаный пляж. Здесь обнаженные садху строят свои поселения из лозняка и бамбука и предаются предельной аскезе до того момента, как рассвет начинает вливаться в священный город. За их кострами на фоне широкого неба виднеются громадные веера дыма и пара, возносящиеся из труб больших транснациональных предприятий по переработке сырья. Они отбрасывают длинные дрожащие тени на черную реку, освещая блестящие спины буйволов, сбившихся в кучу в воде под разрушающейся Ази Гхат, первой из священных гхат Варанаси. На воде вдруг вспыхивают огоньки – это несколько паломников и туристов пускают в реку дийя в маленьких блюдечках из листьев манго. Они будут плыть много километров, гхат за гхатом, пока река не превратится в сплетение водного потока и световых полос, сложный узор, в котором мудрецы прозревают дурные предзнаменования, предвестия великих переворотов и судьбы целых народов.

Свечки, проплывая мимо, бросают отсветы на обнаженное тело женщины. Освещают лицо, не старое и не молодое. Обычное лицо – лицо, о котором не вспомнят, одно из один-

надцати миллионов лиц этого города. Существует пять классов людей, которых не разрешено предавать кремации, а следует просто бросать в реку: прокаженные, дети, беременные женщины, брахманы и умершие от укуса королевской кобры. Одежда женщины свидетельствует о том, что она не принадлежит ни к одной из упомянутых каст. Поток проносит ее, никем не замеченную, мимо суеты и мельтешения туристических лодок. Ее бледные руки нежны, не привычны к тяжелой работе.

Большие погребальные костры пылают на Маникарника-гхате. Участники похоронной процессии несут бамбуковые носилки по усыпанным пеплом ступенькам, по засохшей и потрескавшейся грязи к кромке воды. Они опускают тело, облаченное в одежды цвета шафрана, в очищающие воды реки так, чтобы все оно омылось водой. Затем несут его к костру. А пока неприкасаемые складывают погребальные поленья поверх закутанного в ткани тела, маленькие фигурки стоят по колено в Ганге и процеживают воду сквозь мелкие корзинки из ивняка, пытаясь среди пепла сожженных трупов отыскать золото.

Еженощно на гхате, где Брахма-творец принес жертву из десяти лошадей, пятеро брахманов приносят аарти богине Ганга. Владельцы местного отеля платят каждому из них по двадцать тысяч рупий в месяц за совершение этого ритуала, что никак не влияет на молитвенное рвение. Они возносят огненную пуджу богам, моля о дожде. Со времени последне-

го муссона прошло три года. Нечестивая плотина Авадха в Кунда Кхадар превратила остатки крови в жилах Ганга Мата в прах. И теперь даже неверующие и агностики бросают лепестки роз в воды священной реки.

А в той другой реке, реке из колес, не знающей засух, Йогендра ведет огромный «мерседес» сквозь пелену нестерпимого шума, вечную чакру транспорта Варанаси. Он непрерывно сигналил, проносясь мимо фатфатов, огибая рикш на велосипедах, выезжая на встречную полосу, чтобы не наехать на корову, спокойно жующую какую-то старую куртку. Шиву наплевать на любые правила уличного движения, но он в самом деле боится наехать на корову.

Проезжая полоса и тротуар сливаются в единое мутное пятно; мимо проносятся ларьки, киоски, храмы, уличные алтари, увешанные гирляндами из цветов. «Дайте нашей реке течь свободно!» – гласит написанный от руки плакат противника строительства плотины. Группка юношей-проституток в идеально чистых рубашках и брюках, вышедших на охоту за клиентами, оказывается прямо перед автомобилем. Их грязные руки касаются блестящих боков машины. Йогендра не может удержаться от восклицания при виде подобной наглости. Поток прохожих становится все гуще, все многочисленней: наконец женщинам и паломникам приходится прижиматься к стенам и дверям, чтобы пропустить Шива. От испарений спиртового автомобильного топлива начинает кружиться голова. Они едут горделиво, будто в королевской по-

возке. Сжимая в руке ледяную металлическую флягу, Шив въезжает в город своего имени и наследия.

Первым был Каши – первородный из городов. Сестра Вавилона и Фив, пережившая их. Город света, где Йотирлинга Шивы, божественная творящая энергия, вышла из земли в виде светоносного столпа. Затем пришло время Варанаси, самого священного из всех городов, супруга богини Ганга, города смерти и паломников, пережившего множество империй, царств, повелителей и великих народов, жизнь которого течет сквозь время, подобно тому, как его река течет по великой равнине северной Индии. За ним вырос Нью-Варанаси. Бастионы и крепости новых жилых районов и взмывающие к небесам штабы из стекла и бетона, принадлежащие межнациональным корпорациям, громоздящиеся позади дворцов и паутины узких улочек с тех пор, как мировые доллары полились в бездонный колодец рабочих ресурсов Индии.

И вот возникли новая страна и новый народ, а Старый Варанаси вновь стал Каши из легенды. Пуповина возрожденного мира. Это город-шизофреник. На переполненных улицах паломники смешались с японскими секс-туристами. Похоронные процессии проносят мертвецов мимо клеток с девочками-проститутками. Отощавшие европейцы и американцы, давно обосновавшиеся в Индии, увешанные бусами и заросшие бородами, предлагают массаж головы, а местные деревенские девицы толкуются в брачных агентствах, хищным взором впиваясь в данные о доходах возможных претендентов

на их руку и сердце.

Привет, привет... какая страна? Ганджа, ганджа Храм Непали? Хотите повидаться с молоденькой девочкой, туда-сюда?

Хотите посмотреть, как в женщину входит маленький американский футбольный мяч? Десять долларов. От этого ваш член станет таким большим, что всех напугает. Карты джанампатри, хора чакра, жирные красные тилаки, которые наносят на лоб туристам. Гуру-близнецы. Давай! Давай! Фильм последнего месяца, озвученный одним человеком, одним голосом в спальне вашей двоюродной сестры; истощенные рабочие, что трудятся чуть ли не целый день напролет, и прожигатели жизни; самопальные джин и виски, изготовленные на старых сыромятнях («Джонни Э. Уокер», самая уважаемая марка). А со времени последнего муссона также еще и вода. В бутылках, чашках, просто глотками, из баков, цистерн, на подносах и в пластиковых бутылках, в рюкзаках и козьих мехах. Эти бенгалыцы с их айсбергом, как вы думаете, они поделятся с нами хоть одной каплей здесь, у нас в Бхарате? Покупайте и пейте...

Мимо пылающего гхата и храма Шивы, медленно опрокидывающегося в ил, нанесенный Варанаси, река течет дальше на северо-восток. От третьего ряда мостовых опор на реке возникают водовороты. На поверхности появляется сильная рябь. Рябят и огни, отраженные в зеркале воды, огни скоростного шатабди, пересекающего реку по направлению

к станции Каши. Изящный современный экспресс с тяжелым грохотом пролетает по мосту как раз в тот момент, когда вода выносит из-под его опор труп женщины.

За Каши и Нью-Варанаси есть еще и третий Варанаси. Новый Сарнат, он появляется на планах и в пресс-релизах архитекторов и компаний, занимающихся их пиаром, живущих за счет славы древнего буддистского города. Для всех остальных он называется Ранапуром. Недостроенная столица молодой политической династии. Но как бы ее ни называть, это самая крупная стройка Азии. Тут никогда не гаснут огни. Работа не прекращается ни на секунду. Шум повергает в ужас. Здесь постоянно трудятся сто тысяч человек, начиная от подсобных рабочих и кончая инженерами. Небоскребы немыслимой красоты и конструкторской смелости взмывают вверх из коконов бамбуковых лесов. Бульдозеры торят широкие бульвары и проспекты, которые украсят тенистые деревья с измененной генной структурой. Новым государствам требуются новые столицы, и Ранапур станет витриной культуры, промышленности и перспектив развития Бхарата. Культурный центр Саджида Рана. Центр общественных форумов Раджива Рана. Телекоммуникационная башня Ашока Рана. Музей современного искусства. Система скоростных перевозок. Министерства и различные государственные учреждения, посольства, консульства и все другие атрибуты столицы. То, что англичане сделали для Дели, Рана сделают для Варанаси. И название самого главного здания во всей

этой стройке: «Бхарат Сабха» – лотос из белого мрамора, – здание парламента и правительства Бхарати, «премьер-министерство» Саджида Рана.

Стройка отражается в реке. Новые гхаты могут быть сделаны из мрамора, но дети реки – настоящие обитатели Варанаси. Резко поднимаются головы. Там что-то есть. Что-то легкое, яркое, отливающее светом. Гасятся сигареты. Обитатели берега прыгают в воду, во все стороны разлетаются брызги. Они идут по прибрежной полосе по колено в мелкой, теплой как кровь воде, окликая друг друга. Нечто. Тело. Женское тело. Обнаженное женское тело. Для Варанаси это не в новинку, но мальчишки вытаскивают труп на береговой песок. Возможно, им удастся чем-то поживиться. Какие-нибудь драгоценности. Золотые зубы. Что-нибудь еще, имеющее цену. Ребята шествуют по воде через полосы света, отбрасываемые прожекторами с великой стройки, и тянут за собой свою добычу, тащат ее за руки по песку. У нее на шее мерцает серебро. Жадные руки тянутся к медальону-тришул – трезубцу, который носят почитатели Господа Шивы. С приглушенными криками мальчишки отскакивают.

От грудины до лобка тело женщины распорото. Кольца кишок и прочие внутренности сверкают в полосе света, что отбрасывает стройка. Двумя короткими грубыми разрезами начисто удалены яичники.

Сидя в шикарной немецкой машине, Шив бережно при-

держивает на коленях серебряную флягу с капельками конденсата влаги на ней, а Йогендра мчит его сквозь густой поток автомобилей.

2

Господин Нандха

Господин Нандха, Сыщик Кришны, едет сегодняшним утром в поезде, в вагоне первого класса. Господин Нандха – единственный пассажир в вагоне первого класса на электропоезде-экспрессе шатабди на железной дороге Бхарат. Состав несется по специально построенной сверхскоростной линии со скоростью триста пятьдесят километров в час, время от времени поворачивая на некрутых виражах. Деревни, дороги, города, поля, храмы сливаются в одно туманное пятно в предраассветной дымке, которая никак не хочет оставлять долину. Но господин Нандха ничего этого не видит. Он сидит у затонированного окна, полностью погрузившись в виртуальные страницы «Бхарат таймс». Статьи и видеорепортажи проносятся над столом – лайтхёк вводит данные прямо в зрительные центры его мозга. А в слуховом центре звучит Монтеверди, «Вечеря Пресвятой Девы», в исполнении венецианской «Камераты» и хора Святого Марка.

Господин Нандха очень любит музыку итальянского Возрождения. Господин Нандха обожает любую музыку европейской гуманистической традиции. Господин Нандха считает себя человеком Ренессанса. Поэтому о чем бы он сейчас ни читал – рассуждения о возможной войне, репортаж о демонстрации у статуи Ханумана или сообщение о предпола-

гаемом строительстве станции метро у Старкханда, последние скандалы и светские сплетни, спортивные новости, – сокровенная часть зрительной коры его больших полушарий, та, которой никогда не сможет достичь лайтхёк, любителю piazza² и sampanile³ Кремоны семнадцатого столетия.

Господин Нандха никогда не бывал в Кремоне. Он вообще никогда не бывал в Италии. Воображаемые картины Кремоны – суть кадры, взятые из планетарного телеканала «История», перемежающиеся с собственными воспоминаниями господина Нандхи о Варанаси, его физиологической родине, и о Кембридже, его родине интеллектуальной.

Поезд пролетает мимо сельского кирпичного завода. Дым от печей для обжига и сушки лежит поверх слоя тумана. Ряды сложенных кирпичей производят впечатление развалин какой-то так и не появившейся на свет цивилизации. Внизу стоят дети: они смотрят на проносящийся мимо поезд, подняв руки в молчаливом приветствии, замороженные невероятной скоростью. Состав убегает вдаль, и дети устремляются к линии в поисках монеток-пайса, которые при его приближении заложили в стыки рельсов. Скоростные экспрессы вдавливают монетки в рельс. Конечно, на монетку можно что-нибудь купить, но может ли какая угодно покупка сравниться с возможностью увидеть, как монета становится мутным пятнышком?..

² площадь (*ит.*).

³ колокольня (*ит.*).

Проводник, покачиваясь, проходит по вагону.

– Саиб?..

Господин Нандха протягивает ему чайный пакетик, покачивающийся на нитке. Проводник кланяется, берет пакетик, опускает его в пластиковую чашку и наливает кипяток из специального приспособления. Господин Нандха вдыхает аромат чая, кивает и передает проводнику влажный горячий пакетик. Господин Нандха страдает от грибковой инфекции. Чай – аюрведический, приготовлен по его собственной рецептуре. Господин Нандха также старается избегать злаковых, фруктов, пищи, при приготовлении которой использовался процесс брожения (включая алкоголь), а также соевых и молочных продуктов.

Ему позвонили в четыре часа утра. Господин Нандха только что уснул после приятных занятий любовью со своей прелестной женой. Он попытался встать, не потревожив ее, но она никогда не могла спокойно спать, когда супруг бодрствовал, и потому тоже поднялась, принесла его дорожную сумку, за которой по ее указанию внимательно следил слуга, постоянно наполняя свежими продуктами. Она проводила мужа до министерского автомобиля.

Машина обогнула привокзальную площадь, запруженную фатфатами и рикшами, ожидающими прихода поезда из Агры, и подвезла господина Нандху, минуя ту часть станции, где происходила сортировка вагонов, прямо к платформе, у которой ждал длинный блестящий состав скоростного элек-

тропоезда. Чиновник Бдаратской железнодорожной компании проводил важного пассажира к зарезервированному для него месту в зарезервированном для него вагоне. Тридцать секунд спустя поезд туманным призраком скользнул за пределы вокзала Каши. Все триста метров его длины были предоставлены в полное распоряжение Сыщика Кришны.

Господин Нандха в воспоминаниях возвращается к занятиям любовью с женой и вызывает ее на своем палме. Она появляется в зрительных зонах мозга. Он не удивляется, увидев ее на крыше. С тех пор как начались работы по разведению сада, Парвати все больше времени проводит на самом верху их дома. За бетономешалкой, кучами блоков, мешками с компостом и трубами для увлажнителя почвы господин Нандха видит зажигающийся свет в окнах квартир в домиках, расположившихся на узких улочках. Цистерны с водой, солнечные батареи, спутниковые антенны, ряды гераней в горшках вырисовываются на фоне тусклого туманного неба. Парвати закладывает за ухо выбившуюся прядку волос, искоса бросает взгляд в «бинди».

– Все в порядке?

– Все хорошо. Я приезжаю через десять минут. Просто захотелось тебе позвонить.

Она улыбается. Сердце господина Нандхи замирает.

– Спасибо, это так приятно... Тебя беспокоят твои дела?

– Нет, обычная экскоммуникация. Нам необходимо взять все под контроль до того, как распространится паника.

Парвати кивает, прикусив нижнюю губу. Она делает так всегда, когда задумывается над какой-нибудь важной проблемой.

– А чем ты будешь заниматься сегодня?

– Ну, – отвечает она, оглядываясь на сад, – появилась одна идея. Только, пожалуйста, не сердись, но, как мне кажется, нам не нужно так много кустов. Я бы предпочла овощи. Несколько грядок бобов, томаты, перец. Они будут очень мило выглядеть. Может быть, следует посадить даже бхинди и бринджал. И травы – я обожаю выращивать травы: тулси, кориандр и хинг.

Сидя на своем месте первого класса, господин Нандха улыбается:

– Настоящая маленькая городская фермерша.

– О, тебе не придется за меня краснеть. Всего несколько грядок, пока мы еще не переехали в загородный дом. Я смогу выращивать те самые овощи для салатов, которые тебе нужны. Это сэкономит массу денег, ведь их привозят на самолетах из Европы и Австралии, я сама видела этикетки. Ну как, ты согласен?

– Как пожелаешь, мой цветок.

Парвати хлопает в ладоши от восторга.

– О, хорошо! Знаешь, я уже набралась наглости запланировать поход с Кришаном к торговцу семенами.

Господин Нандха часто задается вопросом, правильно ли он поступил, привезя очаровательную жену в жестокое и ли-

цемерное общество Варанаси, привел простенькую сельскую девушку туда, где гнездятся кобры. Все те игры, в которые склонны были играть жители города – его коллеги, те, кого он считал равными себе, – ужасали его. Перешептывания, многозначительные взгляды, слухи, все всегда так любезны, так воспитанны, но постоянно наблюдают, взвешивают, измеряют. Очень ненадежное равновесие добродетели и порока. Для мужчин в этом нет ничего страшного. Ищи себе жену такую, какую сможешь, если вообще сможешь. Но господин Нандха нашел себе жену гораздо лучше многих, лучше, чем Арора, его начальник в министерстве безопасности, лучше, чем большинство его современников. Хороший прочный брак Каяста-Каяста, однако, похоже, старые условности более не имеют значения в новом Ранапуре. Жена Нандхи? А вы слышали акцент? А вы видели руки? А как насчет цветов, которые она предпочитает, а стиль одежды? И вообще, знаете ли, она не умеет разговаривать. Вообще не умеет. Ей просто не о чем говорить. Открывает рот, и оттуда с жужжанием вылетает муха. Сразу видно, глухая деревушка или маленький городок. Захолустье. До сих пор боится сесть на унитаз – влезает на него с ногами.

Господин Нандха чувствует, как сжимаются у него кулаки от гнева при мысли о том, как Парвати закручивает водоворот этих жутких салонных игр с перешептываниями «мой муж то-то...», «мои дети там-то...», «мой дом такой-то...». Ей не нужен загородный домик, два автомобиля, пять слуг

и дизайнер. Подобно всем современным невестам, Парвати прошла необходимую финансовую проверку и генное сканирование, по их брак всегда был союзом, основанным на уважении и любви, а вовсе не результатом прыжка за первой приглянувшейся приманкой на дарвинистском брачном рынке Варанаси. В былые времена женщина приходила в семью с приданым. Мужчина считался благословением, он был сокровищем. Это создавало определенные проблемы. И вот теперь, по прошествии более чем четверти века применения эмбриональной селекции в тихих, не слишком бросающихся в глаза пригородных клиниках, мужское население среднего класса в Бхарате по численности в четыре раза превосходит женское. Господин Нандха чувствует изменение в скорости экспресса. Поезд замедляет ход.

– Любовь моя, мне нужно выходить. Мы подъезжаем к Наваде.

– Тебе там ничего не угрожает? – спрашивает Парвати. Глаза ее широко открыты: она так боится за мужа.

– Что мне может угрожать? Я исполнял десятки подобных поручений.

– Я люблю тебя, супруг мой.

– Я люблю тебя, мое сокровище.

Супруга господина Нандхи исчезает из его зрительных зон. Я сделаю это для тебя, думает он. Я буду думать о тебе, когда расправлюсь с ним.

Миловидная женщина-джемадар из местного отделения

Гражданской обороны встречает господина Нандху на нижней платформе. Два ряда джаванов сдерживают зевак с помощью бамбуковых дубинок. Здесь же находится и эскорт.

Навада – агломерат, образовавшийся из четырех грязнуших городишек. Однажды прямо с небес на них посыпались крупные гранты на развитие, на строительство дорог, в кратчайшее время были возведены заводы, центры связи и «фермы данных». Стоит лишь соединить все кабелем и спутниковой связью, подключить к единой энергосистеме, и проект начнет приносить вам горы рупий. Именно здесь, среди рифленого алюминия и карбоновых конструкций строек Навады, творится будущее Бхарата, а вовсе не там, где взмывают ввысь небоскребы Ранапура. В армейском «хаммере» господин Нандха проносится мимо небольших магазинов и автомастерских. Он чувствует себя наемным убийцей, въезжающим в город. Скутеры с деревенскими девицами, примопившимися на задних сиденьях, отскакивают с дороги.

Эскорт сворачивает на узкую улицу между двумя спусками, своими сиренами освобождая путь для автомобиля, везущего господина Нандху. Столб линии электропередачи сгибается под тяжестью незаконных отводок. Сидящие на корточках женщины угощают друг друга чаем и завтраком рядом с громадным бетонным кубом без окон. Мужчины собираются кучкой – насколько позволяет геометрия квартала – покурить. Господин Нандха поднимает голову и смотрит на распростертые благословляющие длани солнечного энер-

гоцентра «Энергия луча». Приветствие солнцу.

– Выключите сирены, – приказывает он миловидной женщине-джемадару, которую зовут Сен. – Эта штука обладает неким зачаточным разумом – по крайней мере на уровне животного. Она способна к выработке рефлексов.

Сен опускает окно и выкрикивает приказ. Сирены умолкают.

Автомобиль – настоящая душегубка. От пота брюки господина Нандхи прилипают к виниловому покрытию сиденья, но он слишком горд, чтобы подвинуться даже на дюйм. Он сдвигает хёк поближе к уху, устанавливает сенсорный преобразователь над зоной наилучшего восприятия и открывает коробку с аватарами.

Ганеша, Повелитель Благоприятных Начинаний, Устранитель Препятствий, восседающий в повозке, возносится над плоскими крышами и антеннами Навады, громадный, как грозовое облако. В руках он держит свои атрибуты: стрекало, петлю, сломанный бивень, клетку из рисовой муки и горшок с водой. В его выпирающем животе – вселенные киберпространства. Ганеша – это портал. Господин Нандха наизусть знает все шаги, необходимые для вызова каждой аватары. Движением руки он вызывает летящего Ханумана с его булавой и горой. Шива Натараджа. Бог Танца, на расстоянии одного шага от вселенского распада и возрождения. Темная Дурга, богиня праведного гнева: каждая из десяти ее рук сжимает оружие. Бог Кришна с флейтой и ожерельем. Кали

Разрушительница с поясом из отрубленных рук. В воображении господина Нандхи божественные агенты министерства низко склоняются над крошечной Навадой. Они готовы. Они полны нетерпения. Они голодны.

Конвой сворачивает в служебный проезд. Несколько полицейских пытаются сдерживать толпу. Пространство запружено самыми разными средствами передвижения: здесь и карета «скорой помощи», и полицейская патрульная машина, и электроджип срочной доставки. Под передним колесом грузовика что-то лежит.

– Что здесь происходит? – требует объяснений господин Нандха, который проходит сквозь строй полицейских, высоко подняв министерское удостоверение.

– Сэр, у одного из рабочих с фабрики случился припадок, он выбежал на улицу и попал прямо под... – отвечает сержант. – Он кричал что-то о джинне... Джинн находится на фабрике и хочет ими всеми завладеть.

Вы называете его джинном, думает господин Нандха, осматривая место. Я называю его «мемом». Нематериальные репликаторы. Шутки, слухи, обычаи, детские считалки. Психовирусы. Боги, демоны, джинны, суеверия. То, что сейчас находится на фабрике, вовсе не сверхъестественное существо, не какой-нибудь дух огня, а вне всякого сомнения, просто нематериальный репликатор...

– Сколько внутри?..

– Двое мертвых, сэр. Была ночная смена. Остальным уда-

лось бежать.

– Немедленно очистите зону от людей, – приказывает господин Нандха.

Джемадар Сен передает приказание джаванам. Господин Нандха проходит мимо трупа, лицо которого закрыто кожаной курткой, мимо дрожащего водителя грузовика, который сидит на заднем сиденье полицейского автомобиля. Господин Нандха осматривает место происшествия. В этом металлическом сарае производят макароны «тикка». Им владеет семейство эмигрантов из Англии, из Бредфорда. Возвращаются домой и создают новые рабочие места. В этом суть Навады. Макароны «тикка» вызывают у господина Нандхи чувство омерзения, но азиатская кухня в исполнении британской диаспоры – настоящий гвоздь нынешнего сезона.

Господин Нандха, прищурившись, смотрит на коробку телефонного кабеля.

– Пусть кто-нибудь перережет кабель.

Пока полицейский бежит в поисках приставной лестницы, господин Нандха находит менеджера ночной смены, толстого бенгальца, нервно цепляющего ногтем заусеницы на пальцах. Бенгалец источает сильный запах, который господин Нандха идентифицирует как аромат макарон «тикка».

– У вас есть сотовая или спутниковая связь?

– Да-да, внутренняя сеть сотовой коммуникации, – отвечает бенгалец. – Для роботов. И одна из тех штук, что отражает сигналы от метеорных хвостов. Чтобы общаться с

Бредфордом.

– Офицер Сен, пусть кто-нибудь из ваших людей позаботится о спутниковой антенне. Возможно, у нас еще есть время для того, чтобы остановить самовоспроизводство этой мерзости.

Полицейским наконец удастся оттеснить народ к концу проезда. Джаван машет рукой с крыши – работа выполнена успешно.

– Пожалуйста, выключите все устройства связи, – приказывает господин Нандха.

Джемадар Сен и местный сержант Сандер сопровождают его на фабрику, «захваченную демоном». Господин Нандха поправляет свою куртку в стиле Неру, одергивает манжеты и, наклонив голову, проходит под свертывающуюся штору на «поле боя».

– Держитесь поблизости от меня и в точности выполняйте мои команды.

Размеренно дыша в соответствии с техникой пранаямы, которой в министерстве безопасности обучают всех Сыщиков Кришны, господин Нандха совершает первоначальный визуальный осмотр местности.

Типичное предприятие, созданное на деньги гранта по экономическому развитию. Пластиковая тара с исходным сырьем с одной стороны, основная переработка производится в середине, паковка и транспортировка – в другом конце. Никакой техники безопасности, никакой защитной одеж-

ды, никакого оборудования по снижению уровня шума, никаких кондиционеров. Одна душевая для мужчин и комната отдыха для женщин. Все направлено на то, чтобы предельно сэкономить. Минимальная роботизация. Человеческие руки в подобных агломератах, образованных из бывших деревень, всегда были значительно дешевле. Справа в нескольких пластиковых кубках размещены офисы и системы поддержки сарисинов – устройств с САМОРазвивающимся ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТом. Водоохладители и вентиляторы не работают. Солнце уже высоко. Все здание представляет собой настоящую металлическую печь.

Вильчатый погрузчик находится у самой стены слева от господина Нандхи. Труп едва различим между платформой и перегородкой из рифленого металла. Он зажат почти в вертикальном положении. Кровь, в которой копошатся мухи, уже засохла под колесами. Зубцы погрузчика пронзили человека насквозь на уровне живота. Губы господина Нандхи изгибаются в гримасе отвращения.

Повсюду камеры слежения. Теперь с этим ничего не поделаешь. Они наблюдают...

За три года работы в качестве охотника за вышедшими из-под контроля сарисинами господин Нандха видел достаточное количество жертв столкновения людей с искусственным интеллектом. Он вынимает пистолет. Глаза джемадара расширяются. Пистолет господина Нандхи большой, черный, тяжелый и выглядит так, будто его изготовили в аду. На

нем имеются все необходимые Сыщику Кришны приспособления, он самонаводящийся и двойного действия. Нижний ствол поражает плоть – разрывными пулями. Один выстрел при попадании в любую часть тела смертелен. Не случайно Думдум⁴ – район Калькутты. Верхний ствол убивает «дух». Его действие основано на электромагнитном импульсе. Луч гугльваттной мощности изрыгается в течение трех миллисекунд. Протеиновые чипы превращаются в чипсы. Квантовые процессоры дематериализуются. Углеродные нанотрубки испаряются. Именно этот пистолет и предназначен для уничтожения неконтролируемых сарисингов. Направляемый гироскопами, ориентируемыми глобальной системой позиционирования и управляемый визуальной аватарой Индры, бога грома и молний, пистолет господина Нандхи никогда не дает промаха.

Навязчивый запах бредфордских макарон «тикка» начинает действовать на желудок господина Нандхи. Как на подобное дерьмо может возникать мода?.. Одна большая чаша из нержавеющей стали опрокинулась, и ее содержимое вылилось на пол. Рядом лежит второй труп. Верхняя его часть покрыта тестом. Господин Нандха чувствует запах обожженной человеческой плоти, вынимает носовой платок и зажимает им рот. На трупе изящные брюки, дорогие туфли, выглаженная рубашка. Это, по-видимому, инженер по информационным технологиям. Господину Нандхе хорошо извест-

⁴ Место, где впервые были изготовлены разрывные пули

но по опыту, что сарисины, как и собаки, сперва набрасываются на своих хозяев.

Он манит к себе Сен и Сандера. Местный полицейский явно нервничает, зато джемадар решительно поднимает оружие.

– Он может нас слышать? – спрашивает джемадар Сен, поворачиваясь.

– Вряд ли. Сарисины первого уровня редко обладают способностью к пониманию речи. То, с чем мы имеем дело, скорее всего обладает интеллектом обезьяны.

– И яростью тигра, – добавляет сержант Сандер.

Господин Нандха вызывает Шиву из пространства фабрики, складывает руки в мудру, и Шива оживает, питаемый энергией информационных каналов. Шиве требуется всего одно мгновение для того, чтобы получить доступ к интранету фабрики, отследить сервер – маленький, ничем не примечательный куб в углу стола – и проникнуть сквозь брандмауэр в информационную систему фабрики. На границе сознания господина Нандхи словно в тумане проносятся списки файлов. Вот оно! Пароль. Он вызывает Ганешу. И сразу же Устранитель Препятствий наталкивается на квантовый ключ. Господин Нандха раздосадован. Он отпускает Ганешу и призывает Кришну. За квантовой стеной может скрываться джинн. Но с той же вероятностью там могут оказаться три тысячи фотографий китайнок, занимающихся любовью со свиньями. Больше всего господин Нандха боится,

что неуправляемый сарисин уже успел размножиться. Всего один способен расплодиться в таком количестве, что потребуются недели, чтобы все вычистить. Кришна сообщает, что протокол исходящего трафика чист. Значит, эта штука все еще где-то в здании. Господин Нандха прерывает связь, отключает сервер и сует его под мышку. Сотрудникам министерства придется разгадывать его тайны.

Он останавливается и принюхивается. Кажется, вонь макарон «тикка» становится сильнее и резче?.. Господин Нандха кашляет, что-то застряло у него в горле... жжет, как красный перец... Он видит, как принюхивается Сен. Слышит гудение: такой звук издают оборванные электрические провода под высоким напряжением.

– Всем покинуть помещение! – кричит господин Нандха, и в то же мгновение двигатель на металлической шторе начинает работать: одновременно взрывается второй чан, расширяя вокруг черный удушающий дым с резким запахом чили.

– Быстрее, быстрее! – командует Сыщик Кришны, смахивая горячие слезы и прижимая платок ко рту.

Он следует за всеми, в последний момент ныряет под опускающуюся штору. Уже на улице господин Нандха с раздражением стряхивает с идеально отутюженного костюма пыль и грязь.

– В высшей степени неприятно, – говорит он. Потом, обращаясь к работникам фабрики, спрашивает: – Эй, вы там,

есть другой вход?

– Да, нужно обойти вокруг, господин, – отвечает подросток с каким-то кожным заболеванием, с которым, по мнению господина Нандхи, нельзя и близко подпускать к производству пищи.

– Нельзя терять времени, – говорит Сыщик Кришны, поднимая свое оружие. – Возможно, он предпринял ложный маневр, чтобы сбежать. Следуйте за мной.

– Я туда больше не пойду, – решительно заявляет Сандер, положив руки на бедра. Он человек средних лет, с намечающимся животиком. Полиция Навады подобными делами не занимается. – Я не суеверен, но должен сказать, что там у нас засел самый настоящий джинн.

– Джиннов не существует, – говорит господин Нандха.

Сен следует за ним. Ее маскировочный костюм в точности повторяет цвет макарон «тикка». Они прикрывают лица, протискиваясь по вонючему боковому проходу, заброшенному сигаретными окурками, и врываются в здание фабрики через пожарный выход. Воздух обжигает запахом перца. Господин Нандха чувствует, как чили царапает ему горло, пока он ищет среди своих аватар самую мощную программу – Кали Разрушительницу. Сыщик Кришны входит в фабричную сеть и запускает ее в систему. Программа проникнет в сеть, во все проводные и беспроводные устройства, размножится в мобильных и стационарных электронных устройствах. Она отыщет все незаконное, отметит его и уничтожит. К то-

му времени, когда Кали закончит работу, от «Паста Тикка Инк.» останутся только лохмотья. Именно для работы с Кали господин Нандха приказал изолировать фабрику от связи с внешним миром. Стоит впустить Разрушительницу в глобальную сеть, как она за несколько секунд устроит погром на несколько миллиардов рупий. Самый лучший охотник за сарисинами – другой сарисин. Господин Нандха поглаживает свое оружие. Одного «запаха» Кали, мангусты, устремившейся за змеей, часто бывало достаточно, чтобы выманить затаившегося сарисина из его укрытия.

При полном разрешении лайтхёка Кали производит устрашающее впечатление: с поясом из отрубленных рук, с поднятым ятаганом, с высунутым языком и широко открытыми глазами, возвышающаяся над оседающим облаком чили, а вокруг нее одна за другой проступают конstellляции данных. Такой, наверное, всегда бывает смерть, думает господин Нандха. Постепенно голубоватое свечение информационного потока начинает мерцать и исчезает. Нервные импульсы теряют силу, ощущения угасают, сознание распадается.

Испуганная тем, что звуки работающих агрегатов внезапно замолкают, Сен подходит поближе к господину Нандхе. Здесь действуют силы и сущности, которые она не способна понять. Выждав минуту, в течение которой не было слышно ни одного нового звука, Сен спрашивает:

– Вы думаете, их больше нет?

Господин Нандха проверяет сообщение, поступившее от Кали.

– Я стер двести подозрительных файлов и программ. Если хоть один процент из них – самовоспроизведения сарисинов...

Господин Нандха умолкает: что-то значительно более сильное, чем острое жжение перца, начинает давить на его органы чувств.

– Но что заставляет их вести себя таким образом? Почему они ни с того ни с сего становятся неуправляемыми? – продолжает задавать вопросы Сен.

– Я убежден в том, что корень всех компьютерных проблем – в слабости самого человека, – отвечает господин Нандха, медленно поворачиваясь и пытаясь понять, что же вызвало его беспокойство. – Думаю, наш друг приобретал нелегальные гибриды сарисинов у сундарбанов. По собственному опыту знаю, что ничего хорошего от информационных гаваней ждать не приходится.

Сен хочет задать еще один вопрос, однако господин Нандха жестом заставляет ее замолчать. Он ощущает едва заметное движение. Кали оставила нетронутым определенное количество офисных аппаратных средств, необходимое для того, чтобы Шива мог подключиться к системе защиты. На видеокамерах, как и ожидал господин Нандха, ничего нет, но что-то шевелится в диффузном инфракрасном мире. Он резко поворачивает голову к порталу крана в задней части

прохода.

– Я тебя вижу, – произносит он, сделав жест в сторону Сен.

Женщина направляется к одному концу портала, господин Нандха – к другому. Нечто, по всей вероятности, находится где-то у потолка. Они движутся по направлению друг к другу.

– Полагаю, – говорит господин Нандха, – что эта штука скопировала себя в робота и намерена ускользнуть таким образом. Ожидает чего-нибудь небольшого по размеру и быстро движущегося.

Господин Нандха уже явственно слышит посторонний шум. Что-то скребется у самой крыши, пытаясь выбраться. Сыщик Кришны поднимает руку, давая понять джемадар Сен, что она должна двигаться крайне осторожно. Он чувствует, что находится прямо под ним. Господин Нандха поднимает голову и смотрит на сплетение проводов и труб. Камера слежения на стреле устремляется на него. Господин Нандха отскакивает. Сен поднимает оружие и, не задумываясь, стреляет в потолок. Какой-то предмет падает на пол, настолько близко к господину Нандхе, что почти задевает его. Нечто – как будто сплошь состоящее из движущихся конечностей, которые хаотически дергаются. Это инспекционный робот – маленькое неуклюжее создание, напоминающее одновременно и паука, и крошечную обезьянку. Отдельные компании, как правило, не могут себе их позволить, но круп-

ные корпорации обычно держат одного такого робота, чтобы обслуживать всех сотрудников в блоке. Агрегат подобного типа имеет доступ ко всем устройствам в данной промышленной зоне.

Машина отступает, потом вновь устремляется на господина Нандху, затем поворачивается и неуклюжими зигзагами мчится по portalу к Сен. Единственное, что оно понимает, – это то, что два создания, находящиеся здесь, хотят его уничтожить, а оно страшно хочет жить. В панике от собственного выстрела Сен в тот момент, когда *нечто* несется на нее, мгновенно утрачивает все свои воинские навыки. Она лихорадочно дергает затвор винтовки. Господин Нандха с четкой и спокойной ясностью понимает, что ее паника убьет его самого.

– Нет! – кричит он и выхватывает оружие.

Индра прицеливается и стреляет.

Перегрузку мгновенно чувствует даже хёк господина Нандхи. Все вокруг исчезает в ослепительной вспышке. Робот несколько раз дергается и падает, рассыпая большие желтые искры. Его конечности судорожно сокращаются, «глаз» вылезает наружу. Он замирает и как будто успокаивается. Из всех отверстий начинает маленькими струйками подниматься дымок. Но господин Нандха вовсе не удовлетворен достигнутым. Он подходит к мертвому сарисину и внимательно рассматривает его, затем опускается на колени и подключает «коробку аватар» к контактному гнезду. Ганеша всту-

пает во взаимодействие с операционной системой: Кали стоит рядом с поднятым мечом.

Сарисин мертв. Экскоммуницирован. Господин Нандха встает, стряхивает с себя пыль. Убирает оружие. Слишком грязная работа. Он не удовлетворен. Кроме того, остается масса вопросов. На многие из них будет найден ответ, когда «Группа пятнадцатого этажа» вскрыет сервер, но невозможно стать Сыщиком Кришны, не обладая особой интуицией, а интуиция господина Нандхи подсказывает ему, что это хитросплетение металла и пластика – начало новой и очень запутанной истории. Он прочтет ее до конца, он разрубит все ее хитроумные узлы, проанализирует все события и доведет дело до логического конца, но в данный момент его гораздо больше заботит, как избавиться от запаха горелых макарон «тикка», который вьелся в его костюм.

3

Шахин Бадур Хан

Шахин Бадур Хан смотрит вниз на антарктические льды. С высоты в две тысячи метров лед выглядит просто цветным пятном на географической карте, белым островком, Шри-Ланкой, вдруг почему-то взбунтовавшейся и побелевшей. Океанские буксиры, пришедшие сюда из Персидского залива, – самые крупные, самые мощные, самые новые, но отсюда они кажутся паучками, плетущими паутину под куполом цирка, тянущими шелковую канатную растяжку. Теперь остается лишь наблюдать. Юго-западное муссонное течение зацепило айсберг и влечет его на северо-восток со скоростью пять морских миль в день. Но здесь, в океане, на расстоянии пятисот километров к югу от дельты, единственное, за что может зацепиться глаз, – только лед, небо и густая синева океанских глубин. Здесь полное ощущение неподвижности. С какой же силой должны тянуть буксиры, чтобы заставить его остановиться в нужном месте? Шахин Бадур Хан задумчив. Он представляет, как айсберг вгоняют в Гангасагар, устье священной реки, и над мангровыми деревьями возвышаются горы льда.

По указанию бенгальских политиков и их гостей-дипломатов из соседнего и когда-то совсем не дружественного штата Бхарат самолет, принадлежащий штату Бенгал, дела-

ет рывок и поднимается вверх от плавучей льдины. Шахин Бадур Хан успевает заметить, что ее поверхность испещрена выемками и пересечена бороздами, расселинами и котловинами, в которых блестит вода. Ручьи проделали большие впадины в стенках, с выступов айсберга изливаются потрясающие по красоте водопады.

– Он постоянно смещается, – говорит энергичный климатолог Бангла. – С потерей массы изменяется центр тяжести. Нам следует поддерживать равновесие, внезапное значительное смещение может оказаться катастрофическим.

– И других цунами в дельте не понадобится, – откликается Шахин Бадур Хан.

– Если он вообще когда-нибудь достигнет дельты, – подает голос министр водоснабжения и энергетики Бхарата, кивая в сторону айсберга. – Скорость, с которой он тает...

– Господин министр... – начинает Шахин Бадур Хан, но главный бенгальский климатолог перебивает его, он не может упустить возможности блеснуть познаниями.

– Все продумано до последнего грамма, – говорит он. – Мы не выходим за параметры микроклиматических сдвигов.

Это произносится с демонстрацией блеска зубов – дорогой работы дантиста. Климатолог сжимает большой и указательный пальцы, чем желает подчеркнуть четкость и точность выполненной работы. Безупречность. Шахин Бадур Хан чувствует сильнейший стыд, когда один из его высокопоставленных чиновников на людях демонстрирует невеже-

ство, в особенности же перед всегда вежливыми и спокойными бенгальцами. Он уже давно убедился в том, что в политике не нужны ни какой-то значительный талант, ни мастерство, ни ум. Для всего перечисленного существуют советники. Мастерство политика как раз и заключается в том, чтобы вовремя воспользоваться чужими мыслями и выдать их за собственные. Шахину Бадур Хану неприятно думать, что у кого-то может сложиться мнение, будто он недостаточно добросовестно относится к своим обязанностям. По-езжай с ними, Шах, попросила его премьер-министр Саджида Рана. Не позволяй Шринавасу слишком часто демонстрировать идиотизм.

Бенгальский министр, занимающийся транспортировкой айсберга, неуклюже идет по проходу, улыбаясь медвежьей улыбкой. Из своих источников Шахину Бадур Хану известно о территориальных войнах, которые ведутся между различными учреждениями бенгальского правительства из-за контроля над этими десятикилометровыми кусками ледового шельфа. Напряжение, существующее между объединенными столицами, всегда можно использовать в интересах Бхарата. Министерство охраны окружающей среды в конце концов уступило министерству науки и техники (при некоторой помощи со стороны министерства развития и промышленности) возможность заключить основные контракты, и вот теперь руководитель министерства стоит в проходе, обхватив руками спинки кресел. Шахин Бадур Хан чувствует его

горячее дыхание.

– Ну и что? И вся наша работа... Мы ездили к американцам не для того, чтобы решать проблемы с водоснабжением, как делали те, в Авадхе, со строительством своей плотины. Вы и без меня об этом наслышаны.

– Ганг когда-то делал нас единой страной, – замечает Шахин Бадур Хан. – А теперь мы превратились в вечно ссорящихся между собой детей нашей Матери-Реки: Авадх, Бхарат, Бенгал... Голова, руки и ноги.

– Как там много птиц, – говорит Шринавас, посмотрев в иллюминатор. За айсбергом тянется заметный хвост, похожий на дым паровозных труб: стайки морских птиц, тысячи сильных крылатых хищников, с жадностью бросающихся в воду за серебристыми сардинами.

– Это только еще раз доказывает наличие циркуляции холодных потоков, – объясняет климатолог, стараясь быть замеченным всеми. – Мы ввозим даже не столько айсберг, сколько целую экосистему. Некоторые следуют за нами от самого острова принца Эдуарда...

– Министр хочет знать, когда следует ожидать получения реальной пользы от нашего предприятия? – спрашивает Шахин Бадур Хан.

Найпол начинает на все лады расхваливать необычайный прогресс, достигнутый технологиями воздействия на климат в Бенгале, но штатный климатолог перебивает его. Шахин Бадур Хан морщится при этом непростительном нарушении

этикета. Неужели у бенгальцев вообще нет ни малейшего представления о протоколе?

– Климат – вовсе не старая корова, которую можно гнать, куда захочешь, – говорит климатолог по имени Винаячандран. – Климат – тонкая наука о едва заметных сдвигах и изменениях, которые со временем приводят к грандиозным последствиям. Представьте снежный ком, катящийся с горы. Падение температуры на полградуса здесь, смещение в океанском термоклине на несколько метров, перемена в давлении на один-единственный миллибар...

– Вне всякого сомнения... но министр хочет знать, сколько времени проходит, прежде чем все ваши мелкие последствия приводят к формированию этого... снежка... – подает голос Шахин Бадур Хан.

– На основании наших моделей мы полагаем, что возвращение к климатической норме должно произойти в течение шести месяцев, – отвечает Винаячандран.

Шахин Бадур Хан кивает. Министр получил все возможные подсказки. Теперь пусть сам делает выводы.

– Итак, все это, – говорит министр водоснабжения и энергетики Бхарата Шринавас, указывая в сторону чужой льдины, плывущей по Бенгальскому заливу, – придет слишком поздно. Еще один неудавшийся муссон. Возможно, если бы вы его растопили и прислали нам по трубопроводу, получилось бы больше толку... Можете ли вы заставить Ганг повернуть течение вспять? Наверное, только нечто подобное дало

бы нужные результаты.

– Он может гарантировать стабильный приход муссонов на следующие пять лет для всей Индии, – настаивает министр Найпол.

– Министр, не знаю, как вы, но мой народ уже сейчас страдает от жажды, – говорит В. Р. Шринавас прямо в объектив камеры, снимающей происходящее для программы новостей и, словно дурно воспитанный уличный мальчишка, подглядывающей за высокопоставленными пассажирами из-за спинки сиденья.

Шахин Бадур Хан складывает руки, довольный тем, что эти слова появятся во всех вечерних газетах от Кералы до Кашмира. Шринавас почти такой же шут, как и Найпол, но он способен на яркие высказывания.

Красивый современный самолет вновь делает вираж, разворачивается, выравнивается и летит в сторону Бенгала.

Таким же новым, изящным и современным выглядят и сам недавно построенный аэропорт в Дакке, и его диспетчерская система. Из-за этого всем важнейшим правительственным и дипломатическим рейсам приходится ждать посадки по полчаса, а приземляются они на противоположной от аэробуса «Бхарат эйр» посадочной полосе. Обычная проблема взаимодействия человека и компьютера. Агрегаты, которые работают здесь, наделены «разумом» первого уровня, что означает наличие интеллекта, инстинкта, автономности

и нравственности примерно кролика, а это намного превышает – как заметил один из корреспондентов «Бхарат таймс» – возможности среднего авиадиспетчера в Даке.

Шахин Бадур Хан подавляет улыбку, но никто ведь не станет отрицать, что экономика Объединенной Восточной и Западной Бенгалии отличается высоким техническим уровнем, смелостью, стремлением к прогрессу, научной изощренностью и во многих отношениях не уступает самым передовым державам мира. Это то, о чем ведутся высокопарные беседы на проспектах и в портиках Ранапура, но чему так разительно противоречат грязь, развалины и нищета Каши.

Но вот появляются автомобили. Шахин Бадур Хан следит за политиками. От асфальтового покрытия исходит нестерпимый жар. Влажный воздух убивает все воспоминания о льде, океане и прохладе. Удачи им с их ледяным островом, думает Шахин Бадур Хан, представляя себе бенгальских инженеров, карабкающихся на айсберг в теплых канадских куртках с отороченными мехом капюшонами.

Сидя на переднем сиденье автомобиля министра Шринаваса, Шахин Бадур Хан закладывает за ухо хёк. Рулежные дорожки, аэробусы, крытые переходные мосты между аэровокзалами и самолетами, грузоперевозчики соединяются с интерфейсом его офисной системы. Программы-сарисины отсортировали его почту, но осталось еще более пятидесяти писем и сообщений, которые личному парламентскому секретарю Саджиды Раны нужно обязательно прочесть: сооб-

щения о состоянии боеготовности воинских частей Бхарата, пресс-релизы о дальнейших ограничениях на потребление воды, просьба от Эн Кей Дживанджи о проведении видеоконференции... Руки движутся, как у изящной танцовщицы, исполняющий танец-катак. Перед Шахин Бадур Ханом появляется его блокнот. Держите меня в курсе событий. У меня дурное предчувствие по поводу подобных просьб.

Шахин Бадур Хан родился, живет и думает, что и умереть ему придется в Каши, но до сих пор он не может понять страсть и злобу, отличающие грязных индийских богов. Его восхищают религиозные установки и аскетизм индуизма, но как мало эти божества дают в обмен на поклонение им и как много требуют от большинства своих ревнителей. Каждый день по пути в Бхарат Сабху он на правительственном автомобиле проносится мимо маленькой палатки из пластика, установленной на одном из перекрестков улицы леди Каслрей, где в течение пятнадцати лет некий садху поднял руку и ни разу за все годы не опустил ее. Шахин Бадур Хан готов держать пари, что аскет не сможет опустить свою высохшую костлявую конечность, даже если бы кто-то из его богов повелел ему.

Бадур Хан не принадлежит к числу демонстративно религиозных людей, но яркие кричащие бутафорские статуи с обилием рук, символов, атрибутов, каких-то непонятных изображений – так, словно скульптор хотел в каждой из них вместить весь непостижимый комплекс индуистского бого-

словия, – оскорбляют эстетические чувства Шахина. Сам он принадлежит к утонченной, в высшей степени цивилизованной, экстатической и мистической школе ислама. Оскорбительные для глаз и чувств ярко-розовые тона чужды ей. Его религия не размахивает своим пенисом на публике. Тем не менее каждое утро тысячи и тысячи спускаются по отрогам гор рядом с балконами его хавели, чтобы смыть с себя грехи в водах высыхающего Ганга. Вдовы тратят последние рупии на то, чтобы тела их мужей были сожжены у вод священной реки, дабы покойные достигли вечного блаженства. Каждый год множество молодых людей бросаются под колесницу Пури Джаганнат, хотя еще большее их число погибает в давке в толпе. Тысячи юношей штурмуют мечети, голыми руками разнося их по камню, потому что, по их мнению, мусульманские строения оскорбляют величие Божественного Рамы – а человек в палатке из пластика все сидит и сидит себе на мостовой, подняв руку, словно шест. А на транспортной развилке в новом Сарнате стоит статуя Ханумана из крашеного бетона. Ее поставили там менее десяти лет назад, а теперь говорят, что нужно перенести в другое место, так как здесь будет строиться новая станция метро. И сейчас там появились группы молодых людей в белых рубашках и дхоти, потрясающие кулаками, бьющие в барабаны и гонги. Подобные представления всегда заканчиваются смертями, думает Шахин Бадур Хан. Мелочи собираются в большой снежный ком. Эн Кей Дживанджи и его фундаменталистская индуистская

партия Шиваджи своей колесницей раздавит еще множество человеческих жизней.

В центре приема высокопоставленных гостей заметна необычная суета. Оказывается, для двух важных групп, прилетающих в аэропорт, заказан один и тот же зал ВН137. Шахин Бадур Хан узнает об этом среди сутолоки репортеров, грохота громкоговорителей, мелькания микрофонов у входа в холл. Министр Шринавас пыжится, но объективы кинокамер направлены со всем в другую сторону.

Шахин Бадур Хан вежливо протискивается сквозь толпу к диспетчеру, высоко подняв удостоверение.

– Что здесь случилось?

– А, мистер Хан... Небольшая путаница.

– Никакой путаницы. Министр Шринавас вместе со своей группой возвращается в Варанаси на одном из самолетов вашей компании. Какие могут быть причины для недоразумений?

– Одна знаменитость...

– Знаменитость, – повторяет Шахин Бадур Хан с таким презрением в голосе, что слово в его устах превращается в грубое оскорбление.

– Одна русская. Модель, – продолжает диспетчер в полном замешательстве. – С очень громким именем... В Варанаси готовится какое-то шоу. Приношу извинения за беспокойство, мистер Хан.

Шахин Бадур Хан жестом направляет своих людей к про-

ходу.

– Что такое? – спрашивает министр Шриванас, проходя через толчею.

– Какая-то русская модель, – отвечает Шахин Бадур Хан тихим отчетливым голосом.

– А! – провозглашает министр Шринавас, широко открыв глаза. – Юли!..

– Простите?

– Юли, – повторяет Шринавас, вытянув шею, чтобы разглядеть знаменитость? – Ньют.

Слово звучит словно удар храмового колокола. Толпа расступается. Перед Шахином Бадур Ханом открывается вход в зал для VIP-гостей. И он останавливается – замороженный, видя высокую женскую фигуру в длинном, изысканного покроя пальто из белой парчи, расшитой орнаментом из танцующих цапель. Женщина стоит к нему спиной, Шахин Бадур Хан не видит ее лица, только абрис фигуры. Изящные движения длинных и тонких пальцев. Элегантный изгиб затылка, безупречные очертания лишенного волос черепа.

Женщина поворачивается к нему. Шахин Бадур Хан шумно выдыхает, но во всеобщей суматохе его никто не слышит.

Нет... Нельзя смотреть на это лицо, иначе он будет заморожен, проклят, отвержен Богом. Толпа снова начинает двигаться, и человеческие фигуры скрывают от него то, что он не должен был увидеть. Шахин Бадур Хан стоит в оцепенении, не в силах пошевелиться.

– Хан. – Это голос... Да, голос министра. – Хан, с тобой все в порядке?

– А... да, господин министр. Легкое головокружение. Здесь, наверное, слишком большая влажность.

– Да, чертовым бенгальцам надо заняться своими кондиционерами.

Чары разрушены, но, провожая министра по крытому переходу, Шахин Бадур Хан ловит себя на мысли, что теперь ему больше никогда не знать покоя.

Охранник получает подарки от министра Найпола. На термосах герб Объединенных Штатов Восточной и Западной Бенгалии. Пристегнув ремень и задвинув шторы на иллюминаторе в аэробусе «Бхарат эйр», неуклюже подпрыгивающем на неровном асфальте, Шахин Бадур Хан открывает термос. Внутри – кубики льда из ледника для слингов Саджиды Раны. Шахин Бадур Хан снова закрывает термос. Аэробус набирает скорость. Наконец его колеса отрываются от бенгальской земли, а Шахин Бадур Хан прижимает к себе термос так, словно холод способен исцелить его душевную рану. Но ее уже ничто не сможет излечить. Никогда.

Шахин Бадур Хан отдергивает шторку и смотрит в иллюминатор, но ничего не видит. Перед его глазами проплывает белоснежный купол черепа; изгиб шеи; бледные изящные руки, элегантные, словно минареты; скульпы, обращенные к нему, подобны архитектурным деталям несравненной красоты. Танцующие цапли...

Так долго ему казалось, что он пребывает в абсолютной безопасности. Абсолютной... Шахин Бадур Хан прижимает к себе термос с куском ледника и ласково проводит по нему рукой, закрыв глаза в молчаливой молитве, и сердце его пылает в несказанном экстазе.

Наджья

Лал Дарфан, звезда первой величины «мыльных опер», дает интервью в «хауде» дирижабля, изготовленного в форме слона и движущегося вдоль южных склонов Непальских Гималаев. На нем великолепная рубашка и широкие свободные брюки. Он склонился на мягкую подушку на низеньком диване. Позади него стяги из кучевых облаков расцвечивают белым небесную голубизну. Горные вершины очерчивают неровную границу, создавая естественную преграду на пути устремляющегося в бесконечность взгляда. Края «хауды» со множеством кисточек треплются на ветру. Лала Дарфана, Бога Любви самой большой и самой популярной «мыльной оперы» студии «Индиапендент продакшнз» под названием «Город и деревня», развлекает павлин, который стоит у изголовья его дивана. Он кормит птицу крошками рисового крекера. Сам Лал Дарфан на диете с низким содержанием жиров. Об этом трезвонят все таблоиды.

Диета, думает Наджья Аскарзада, – неплохой повод для звезды телекитча подкормить свое тщеславие. Она делает глубокий вдох и начинает интервью.

– Нам, живущим на Западе, трудно поверить, что «Город и деревня» может быть столь невероятно популярен. Тем не менее, здесь к вам как к актеру интерес ничуть не меньший,

нежели к вашему персонажу, Веду Прекашу.

Лал Дарфан улыбается. Его зубы действительно так невероятно, ослепительно белы, как говорят на всех телеканалах.

– Значительно больше, – отвечает Лал. – Но, как мне кажется, ваш вопрос состоит в следующем: почему персонажу-сарисину нужен актер-сарисин? Иллюзия внутри иллюзии, ведь так?

Наджье Аскарзаде двадцать два года, она журналист, свободный от формальных и неформальных связей и обязательств. Вот уже четыре недели она находится в Бхарате, и только что ей удалось заполучить возможность взять интервью, которое может дать настоящий толчок карьере.

– Подавление любых сомнений в нереальности происходящего, – замечает Наджья.

До ее ушей доносится гул моторов дирижабля, каждый из которых установлен в одной из громадных ног «слона».

– Дело обстоит вот как. Просто роли, просто персонажа публике всегда мало. Ей нужна роль, скрытая за ролью, будь это я, – Лал Дарфан с каким-то нарочитым самоуничижением касается руками своей вздымающейся диафрагмы, – или вполне реальный, из плоти и крови, голливудский актер, или поп-звезда. Позвольте мне задать вам вопрос. Что вам известно о, скажем, такой западной поп-звезде, как Блошан Мэттьюз? Только то, что вы видите по телевизору, то, что читаете в «желтой» прессе и узнаете из светских сплетен. А что вам известно о Лале Дарфане? Практически то же самое.

Все эти персонажи для вас не более реальны, чем я, но и ничуть не менее реальны.

– Но ведь люди всегда могут случайно столкнуться со знаменитостью где-нибудь на улице, встретить на пляже, в аэропорту или даже в обычном магазине...

– Неужели? Знали вы кого-нибудь, кто вот так, как вы говорите, случайно сталкивался со знаменитостями?

– Ну, я слышала... А...

– Вы понимаете, что я имею в виду? Мы получаем информацию обо всем через тот или иной носитель. И чего греха таить, я – настоящая знаменитость, и моя слава также вполне реальна. Более того, полагаю, что в наши дни именно слава творит реальность. Вы согласны со мной?

В голосе Лала Дарфана звучат ноты из бесконечного сериала с его героем. Это голос, созданный для того, чтобы соблазнять, и он уже обвивает Наджью кольцами искушения. Лал вопрошает:

– Можно мне задать вам личный вопрос? Он совсем простой. Какое самое раннее ваше воспоминание?

Она всегда так близка, та ночь огня, хаоса и страха... Отец берет ее с кровати, несет куда-то на руках, по всему полу разбросаны бумаги, в доме страшный шум, в саду мечутся какие-то огни. В основном она помнит только это. Конусы света фонарей, покачивающиеся над розовыми кустами. Бегство по поселку. Проклятия отца, заглушаемые звуком мотора. Он все поворачивает машину, поворачивает и поворачи-

чивает. А свет фонарей – ближе и ближе. Отец ругается, но проклятия его звучат как-то уж слишком вежливо – ведь полиция явно пришла за ним.

– Я лежу на заднем сиденье автомобиля, – говорит Наджя. – Я лежу, вытянувшись всем телом. Вокруг ночь. Мы очень быстро едем по Кабулу. Машину ведет отец, мать сидит рядом с ним, но я не вижу их из-за высоких спинок передних сидений. Я понимаю, что они беседуют, а их голоса доносятся откуда-то издалека. Да, еще включено радио. Родители хотят что-то услышать, но я не могу ничего разобрать... – Теперь она знает, что это должно было быть сообщение о нападении на дом и том, что выписан ордер на их арест. До того, как полиция закроет аэропорт, оставалось всего несколько минут. – Я вижу, как мимо меня проносятся уличные фонари, нахожу в их чередовании удивительный, хоть и однообразный ритм: вначале свет каждого из них освещает меня, за тем спинку моего сиденья, а потом исчезает в окне...

– Потрясающий образ! – восклицает Лал Дарфан. – Сколько вам тогда было лет? Три или четыре года?

– Еще не было четырех.

– У меня тоже есть одно очень раннее воспоминание. Именно благодаря ему я знаю, что я не Вед Прекаш. Помню шаль «пейсли», развевающуюся на ветру. Небо было голубым и безоблачным, и край шали вился где-то сбоку. Мне все это видится словно в кадре, однако основное действие

проходит за ним. Да, только край шали, и сильный ветер, но вижу с предельной отчетливостью... Мне говорят, что все происходит на крыше нашего дома в Патне. Мама взяла меня наверх, чтобы уберечь от испарений, отравляющих все внизу на уровне первого этажа, и я лежу на одеяле, а надо мной зонтик.

Шаль незадолго перед тем выстирали, она висит на веревке и сушится. Странно, я помню, что веревка шелковая. Воспоминание о том, что она шелковая, не менее яркое, чем все остальное. Мне было самое большее два года. Вот. Два воспоминания... Вы, конечно, скажете: ваше выдуманно, а мое – настоящее. Но... кто знает? Вполне возможно, вам что-то рассказали, а вы с помощью воображения превратили чужой рассказ в собственное воспоминание, однако оно может быть и ложным, искусственно созданным и имплантированным в сознание.

Сотни тысяч американцев считают, что их разум оккупирован серыми человечками-инопланетянами, которые загнали им специальный механизм в задний проход и таким манером контролируют их сознание. Фантазия – и, вне всякого сомнения, ложные воспоминания, но неужели из-за этого они становятся нереальными, поддельными людьми? В конце концов, из чего состоят наши воспоминания? Из белковых молекул с разным зарядом. В этом мы все вряд ли сильно отличаемся друг от друга, как я полагаю. Дирижабль в виде громадного слона, глупая диковинка, которую сделали

по моему заказу; наше представление о том, что мы летим над Непалом. Все перечисленное – не более чем различные сочетания по-разному заряженных молекул белка. Хотя подобное можно сказать о чем угодно. Вы называете то, о чем я говорю, иллюзией, а я называю это фундаментальным основанием моей вселенной. Полагаю, что я вижу ее весьма отличным от вас образом... впрочем, откуда мне знать? Откуда мне знать, что то, что кажется мне зеленым, вы тоже воспринимаете как зеленое? Мы все заперты в маленьких коробках своих «Я» из кости или из пластика, Наджъя. И никому из нас не суждено из них выбраться. Можем ли мы в таком случае доверять воспоминаниям?

Не знаю, как ты, гадкий компьютер, а я доверяю, думает Наджъя Аскарзада. Я вынуждена им доверять, ибо то, что я есть, создано этими воспоминаниями. Причина, по которой я нахожусь здесь, болтаю, сидя в нелепом, наполовину виртуальном, наполовину реальном «куполе удовольствий» со звездой телевизионных «мыльных опер», страдающей манией величия, коренится исключительно в тех самых давних воспоминаниях о свете и движении.

– Но в таком случае вы – как Лал Дарфан – сильно рискуете? Я имею в виду Законодательство Гамильтона относительно Искусственного Интеллекта...

– «Сыщики Кришны»? Евнухи Маколея, – отвечает Лал Дарфан с желчью в голосе.

– Я это к тому, что для вас сказать, будто вы обладаете

самосознанием – а именно об этом, как мне представляется, и шел разговор, – равносильно подписанию собственного смертного приговора.

– Я вовсе не говорил, что обладаю самосознанием или какими-либо чувствами, что бы все подобные слова ни значили. Я – сарисин уровня 2,8, и меня узкое положение вещей вполне устраивает. Я лишь высказываю свое право на реальность, на то, что я не менее реален, чем вы.

– Значит, вы не смогли пройти тест Тьюринга?

– Я и не должен проходить тест Тьюринга. И не стал бы его проходить. Тест Тьюринга!.. Да что он доказывает? Давайте я вам опишу его. Классический антураж: две запертые комнаты и «маленький гений» со старомодным компьютерным монитором в центре. Посадим вас в одну комнату, а Сатнама из Отдела по связям с общественностью – в другую. Думаю, именно он организовал нынешнюю прогулку – с девушками работает, как правило, он. Надо сказать, что Сатнам большой пижон... «Компьютерный гений» у монитора задает вопросы, вы набираете ответы. Стандартная процедура. Задача Сатнама – убедить «гения» в том, что он женщина. Он может лгать, изворачиваться, говорить что угодно, лишь бы заставить поверить в эту явную ложь. Думаю, вы прекрасно понимаете, что ему не составит большого труда добиться успеха. Но неужели тот факт, что Сатнам убедит компьютер, что он женщина, на самом деле сделает Сатнама женщиной? Не думаю. По крайней мере Сатнам уверен в обратном. Чем в та-

ком случае попытка компьютера выдать себя за сознательное существо отличается от только что описанной мной ситуации? Может ли имитация, модель явления, рассматриваться как само это явление, или же в разуме присутствует нечто настолько уникальное, что делает его единственным в своем роде явлением, которое невозможно подделать? Что все подобные эксперименты доказывают? Только нечто относительно природы самого теста Тьюринга как теста и кое-что относительно опасности полагаться на тот минимум информации, которым может воспользоваться любой сарисин, достаточно сообразительный, чтобы пройти тест Тьюринга... Сарисин, который, с другой стороны, достаточно сообразителен для того, чтобы названный тест провалить.

Наджья Аскарзада воздевает руки, изобразив притворную беспомощность и полную покорность неопровержимым доводам Лала.

– Должен сказать, что кое-что в вас мне очень нравится, – говорит Лал Дарфан. – Например, вы не потратили целый час на глупые вопросы о Веде Прекаше, словно он и является истинной звездой. Однако это напомнило мне о том, что я уже должен начинать гримироваться...

– О, простите! Спасибо!.. – восклицает Наджья, пытаясь изобразить словоохотливую разбитную девицу, которую, к ее великому сожалению, прервали на полуслове.

На самом деле она рада, что ей наконец-то удалось выбраться из умственного пространства этого педантичного со-

здания.

То, что, по ее планам, должно было получиться легким, поверхностным, ненавязчивым и слегка китчевым, превратилось в некий вариант экзистенциальной феноменологии с привкусом постмодернистского ретро. Наджья без всякого восторга думает о том, что скажет ее редактор, не говоря уже о пассажирах трансамериканского экспресса Чикаго – Цинциннати, достающих свои «инфлайты» из кармашков на сиденьях.

Лал Дарфан блаженно улыбается, а его кабинет начинает растворяться. Наконец остается только улыбка в стиле Люиса Кэрролла, но и она постепенно исчезает в гималайском небе, да и само гималайское небо сворачивается и ускользает куда-то в самые дальние уголки сознания Наджьи. И вот она снова сидит, окруженная системой средств визуализации, на вращающемся кресле с обилием аппаратуры по переработке белков, представляющей длинную, уходящую куда-то вдаль перспективу. Словно «мозги в бутылках» в научно-фантастическом фильме.

– Он вполне убедителен, не правда ли?

Голос Сатнама-Который-Несколько-Задается действительно звучит агрессивно. Наджья снимает лайтхёк, все еще чувствуя некоторую спутанность сознания из-за полного погружения в атмосферу интервью.

– Я думаю, что он думает, что он думает...

– Именно так, как мы его программировали. – У Сатна-

ма имеется стиль, специально выработанный для общения с прессой, и такая же одежда плюс необычайная самоуверенность. Но Наджья замечает маленький трезубец Шивы на платиновой цепочке у него на шее. – Суть в том, что Лал Дарфан столь же четко запрограммирован, как и его герой Вед Прекаш.

– Именно. В том-то и суть – в разнице между видимостью и реальностью. Если люди могут поверить в реальность виртуальных актеров, то что же еще в таком случае они способны проглотить, не подавившись при этом?..

– Ну, не надо раскрывать все карты. – Сатнам улыбается, проводя ее в следующее отделение. Сейчас он очень мил, думает Наджья. – А здесь у нас «метамыльный» отдел, где Лал Дарфан получает сценарий, от которого, как ему кажется, он совершенно не зависит. И наш «метамыльный» отдел ничуть не менее важен, чем собственно «мыльный».

Отдел представляет собой большую «ферму» из рабочих станций. Перегородки из темного стекла: сотрудники работают здесь в полумраке, освещаемом мерцанием мониторов. Руки разработчиков движутся в нейространстве. Наджья с трудом подавляет дрожь от мысли о том, что и она могла бы провести всю свою жизнь в подобном месте, куда никогда не попадает солнечный свет...

Какой-то случайный лучик касается высоких скул, безволосого черепа, изящная тонкая рука приковывает к себе внимание Наджьи, и теперь наступает ее черед оборвать Сатна-

ма.

– Кто это?

Сатнам вытягивает шею.

– А, это Тал, новичок здесь. Он занимается разработкой обоев с визуализацией.

– Мне кажется, следовало бы употребить местоимение «эно», – замечает Наджья, пытаясь получше разглядеть ньюта.

Она не знает, почему ее так удивило присутствие здесь, в производственном отделе, представителя третьего пола. В Швеции ньюты склонны выбирать творческие профессии, а самая популярная индийская «мыльная опера» должна быть особенно привлекательной для них. Наджья вдруг начинает понимать, что всегда полагала, будто уходящая во тьму столетий история индийской транс– и бисексуальности была надежно сокрыта от нескромных взоров и прочно табуирована.

– «Эно», «оно», «он» – как вам угодно... «Эно» – модное местоимение в наши дни. Некоторых из них приглашают на важные приемы с большими шишками.

– Юли. Русская модель. Я попыталась пробиться на встречу, взять у него интервью, у этой... этого «эно».

– Но променяла его на Толстого Лала?

– Нет, меня в самом деле очень интересует психология актеров-сарисинов.

Наджья не может удержаться и снова бросает взгляд на ньюта. «Эно» поднимает взгляд. Их глаза на какое-то мгно-

вание встречаются. Взгляд Юли ничего не выражает, «эно» просто смотрит, холодно и равнодушно, затем вновь возвращается к работе. Руки «эно» ваяют символы.

– Толстый Лал не знает, что персонажи и сюжет представляют собой базовые пакеты, – продолжает Сатнам, ведя Наджью среди мерцающих рабочих станций. – Мы продаем лицензии, и различные национальные трансляционные компании включают в них собственных актеров-сарисинов. В Мумбаи и в Керале Веда Прекаша играют разные актеры, которые в тех краях не менее знамениты и популярны, чем Толстый Лал здесь.

– Все есть лишь версия всего остального, – замечает Наджья, пытаясь что-нибудь понять в изысканных движениях длинных пальцев ньюта.

Выйдя в коридор, Сатнам продолжает болтовню:

– Значит, вы и в самом деле из Кабула?

– Я уехала отсюда, когда мне было четыре года.

– Мне об этом почти ничего не известно. Я уверен, что...

Наджья резко останавливается и поворачивается к Сатнаму. Она на полголовы ниже его, однако, увидев выражение ее лица, он делает шаг назад. Наджья хватается за руку Сатнама и чертит номер «UCC» у него на тыльной стороне ладони.

– Вот мой номер. Позвоните. Возможно, я отвечу. Могу предложить прогуляться, но если мы куда-нибудь и пойдем, то место буду выбирать я. Согласны? А теперь спасибо за экскурсию. Думаю, что выход смогу найти сама.

Когда Наджья на фатфате подъезжает к обочине, он уже стоит в том самом месте, где обещал, не опоздав ни на минуту. По просьбе журналистки Сатнам одет не так, как обычно, хотя на нем по-прежнему трезубец Шивы. Она уже много их видала – у самых разных мужчин.

Он усаживается на сиденье рядом с Наджьей.

– Я собиралась с вами расплатиться за экскурсию, помните? – спрашивает девушка.

Рикша въезжает в хаотическое коловращение уличного движения.

– Туром-загадкой? Очень хорошо, даже интересно, – отвечает Сатнам. – А вы написали статью?

– Написала, поставила точку, развязалась с этим, – говорит Наджья.

Она действительно наскоро отстучала сегодня статью на своем компьютере на террасе «Имperiал интернэшнл», здешнего общежития для рюкзачников, в котором снимает комнату. Наджья выедет оттуда сразу же, как только из журнала пришлют гонорар. Австралийцы действуют ей на нервы. Они стонут и жалуются по любому поводу.

Суть в том, что у Наджьи есть бойфренд. Его зовут Бернар. Он француз, лентяй с отвратительными манерами, убежденный в собственной гениальности. У Наджьи есть подозрение, что Бернар живет в гостинице только ради того, чтобы без особого труда добывать себе новых девочек – та-

ких, как она. Но он практикует тантрический секс, и у него стоит с любой женщиной не менее часа: по крайней мере, пока он распевает свои гимны. До сих пор тантра с Бернаром заключалась для Наджьи в том, что ей приходилось по двадцать, тридцать, сорок минут сидеть у него на коленях и тянуть за кожаный ремешок, обвязанный вокруг его члена, затягивая петлю все крепче и крепче, заставляя член напрягаться все больше и больше, пока глаза Бернара не начинали вылезать из орбит и он не восклицал, что Кундалини пошла вверх. В переводе на обычный язык это означало: таблетки наконец-то подействовали. Наджье такой вариант тантры совсем не нравится. И вариант бойфренда тоже. Сатнам также не относится к ее типу мужчины примерно по тем же причинам, что и Бернар, но все-таки это не более чем игра, развлечение – «почему бы и нет»? Наджья Аскарзада выжала из своих двадцати двух лет столько, сколько смогла, и ограничивало девушку только некоторое чувство ответственности за слишком частые «почему бы и нет?», которые и привели ее в Бхарат наперекор мнению учителей, друзей и родителей.

Нью-Варанаси переходит в старый Каши постепенно. Улицы начинаются в одном тысячелетии и заканчиваются в другом. Шпили небоскребов, взмывающих в заоблачную высь, соседствуют с запущенными проулками и деревянными лачугами, построенными лет четыреста назад. Виадук метро и подвесные дороги проносятся мимо разрушающихся древних храмов, напоминающих дряхлые фаллосы из песчани-

ка. Сладковато-приторный аромат гниющих цветочных лепестков перекрывает даже запах неисчислимых выхлопов от спиртовых двигателей, смешиваясь в урбанистическое благоухание, которым города прикрывают вонь бездонных клоак. Бхаратская железная дорога содержит дворников со специальными метлами для сметания цветочных лепестков с путей. Каши производит миллионы и миллионы лепестков, и стальные колеса не в состоянии с ними справиться.

Моторикша сворачивает в темный переулок с множеством маленьких магазинчиков и лавок. Бледные пластиковые манекены, безрукие и безногие – однако, тем не менее, улыбающиеся, – покачиваются на крюках у них над головой.

– Можно ли узнать, куда меня везут? – спрашивает Сатнам.

– Вы очень скоро увидите...

А правда состоит в том, что Наджья здесь никогда раньше не бывала. Но с того самого момента, когда она услышала, с каким восторгом квохчут австралийцы о своей необычайной смелости, выражающейся в факте посещения этого загадочного места, которое у них, как ни странно, не вызвало ни малейшего отвращения, девушка искала повод отправиться в названный таинственный клуб.

Она не имеет ни малейшего представления о том, где находится, но, когда болтающиеся на крюках манекены уступают место проституткам, стоящим в открытых магазинных витринах, понимает, что водитель везет их в нужном на-

правлении. Большинство дамочек явно восприняли западную моду: они затянуты в лайкру и демонстрируют проходим вызывающего вида обувь. Лишь немногие придерживаются местной традиции и сидят в железных клетках.

– Ну, приехали, – говорит рикша.

«В бой! В бой!» – восклицают неновые огни над крошечной дверью, расположенной между магазином индуистских ритуальных сувениров и чайной стойкой, за которой проститутки распивают «лимку». Кассир сидит в уютной жестяной кабинке у самой двери. На вид ему можно дать лет тринадцать или четырнадцать, однако чувствуется, что из-под своей найковской шапочки он уже всего навидался. За ним начинается лестница, ведущая в поток ослепительного флюоресцентного света.

– Тысяча рупий, – говорит он и протягивает руку. – Или пять долларов.

Наджья платит в местной валюте.

– Должен признаться, я несколько иначе представлял себе наше первое свидание, – говорит Сатнам.

– Свидание?... – переспрашивает Наджья, которая ведет его по лестнице, то поднимающейся вверх, то вдруг резко сворачивающей в сторону, спускающейся вниз и обрывающейся на каком-то балкончике над обширной залой.

Зала когда-то явно использовалась в качестве склада. Болезненно-зеленоватый цвет стен, заводские лампы, кабели, световые люки на потолке – все говорит о прошлом этого по-

мещения. Теперь оно превращено в арену. Вокруг пятиметрового шестиугольника, усыпанного песком, ряды деревянных скамей, расставленные амфитеатром, как в лекционной аудитории. Все здесь изготовлено из промышленной древесины, украденной в Агентстве скоростных перевозок Варанаси, которое постоянно чувствует нехватку наличных денег. Стойки обиты упаковочными панелями. Наджья отнимает руку от перил и чувствует, что ладонь стала липкой – на ней смола.

Все помещение бывшего склада вздыблено: от кабинок, где делаются ставки, и мест борцов у самого ринга до задних рядов балкона, где мужчины в клетчатых рабочих сорочках и дхоти залезли на скамьи, чтобы лучше разглядеть происходящее внизу. Публика почти полностью состоит из мужчин. Немногие женщины, присутствующие здесь, пришли с явной целью подцепить кавалера.

– Я ничего не знал об этом месте, – говорит Сатнам. Наджья чувствует вонь сбившихся в кучу тел, запах пота, множество других первобытных ароматов. Она протискивается вперед и смотрит вниз. Деньги быстро меняют владельцев за маклерским столом. Мелькают затрепанные банкноты. Кулаки сжимают веера рупий, долларов и евро. Маклеры отслеживают путь каждой пайсы. Все взгляды устремлены на деньги, за исключением взгляда одного человека, стоящего прямо напротив нее у самой арены. Он смотрит вверх так, словно ощущает тяжесть ее пристального взгляда. Он молод

и очень яркок. Явно из местной шпаны, думает Наджья. Их глаза встречаются.

Зазывала, пятилетний мальчишка в ковбойском костюме, ходит по залу, заводя аудиторию, а двое мужчин с граблями превращают окровавленный песок в дзенский садик. У мальчика на шее маленький микрофон. Его странный голосок, одновременно и мальчишеский, и старческий, пропускается сквозь сложную звуковую систему. Слыша эту странную смесь невинности и опыта, Наджья думает: быть может, перед нею брахман?.. Нет, настоящий брахман находится в кабинке в первом ряду: на первый взгляд он кажется десятилетним пацаном, одетым как двадцатилетний парень. Его окружают девицы, будущие телестарлетки. Зазывала – просто еще один уличный мальчишка. Наджья видит, что он дышит часто и тяжело. И вдруг понимает, что рядом с ней нет Сатнама.

Шум, начавший уже было стихать, снова взрывается волной грохота и хриплых воплей, как только команды выходят на арену, чтобы продемонстрировать своих главных бойцов. Они поднимают их на руках высоко над головой, обносят вокруг ринга – так, чтобы все могли увидеть, за что платят деньги.

«Мини-саблезубые» – жуткие создания. Оригинальный патент принадлежит одной небольшой калифорнийской компании, занимающейся генной инженерией. Вмонтируй

в обычного *Felis Domesticus*.⁵ восстановленную ДНК ископаемого *Smilodon Fatalis*⁶ Результат – карликовое саблезубое чудовище размером с дику американскую кошку, но с клыками по моде верхнего палеолита и с соответствующими манерами. Названные создания пережили короткий период звездной популярности, потом их владельцы обнаружили, что эти звери слишком часто становятся причиной исчезновения их собственных и соседских кошек, собак, других домашних любимцев, а потом и маленьких детей. Компания, повинная в производстве маленьких монстров, заявила о банкротстве еще до того, как на нее посыпались искивые заявления, однако на права обладателей патента уже начали активно покушаться в бойцовских клубах Манилы, Шанхая и Бангкока.

Наджья с интересом наблюдает за девушкой атлетического сложения в бюстгальтере и широченных шароварах, которая торжественным шагом обходит арену, подняв высоко над головой своего чемпиона. Это большой, серебристого окраса полосатый кот с телосложением крошечного военного самолета. Гены убийцы! Роскошный, восхитительный монстр! На когти ему надеты специальные кожаные протекторы. Наджья видит, что девушка преисполнена гордости за питомца и любви к нему. Толпа ревет от восторга перед животным и его владелицей. Зазывала вспрыгивает на низкий подиум.

⁵ Кот домашний

⁶ Саблезубый тигр (вымершее животное)

Маклеры раздают кучу бумажных талонов. Соревнующиеся уходят в кабинки.

Девушка вонзает в кота шприц со стимулирующим средством, а ее коллега-мужчина подносит к носу животного специальное возбуждающее вещество. Они крепко держат своего зверя. Все затаили дыхание. На арену опускается мертвая тишина. Зазывала трубит в маленький горн. Соревнующиеся срывают с когтей своих питомцев протекторы и бросают животных на арену.

Толпа сливается в едином вопле, в единой жажде крови. Наджя Аскарзада ревет и бушует вместе с толпой. Единственное, о чем она сейчас способна думать, – это два бойцовых кота на арене, бросающиеся друг на друга, рвущие соперника клыками и когтями. Кровь приливает ей к голове, к ушам и глазам.

Все происходит с поразительной быстротой и жестокостью. Всего через пару секунд у милого серебристого полосатого кота одна нога уже болтается на лоскутах кожи. Кровь хлещет из открытой раны, но зверь издает страшный вопль, призывая противника продолжать поединок, пытается увернуться и ринуться вперед. Он лязгает жуткими смертоносными зубами, однако почти тут же падает на спину и начинает извиваться в судорогах, взбивая тучи окровавленного песка. Победители уже подцепили своего чемпиона за ошейник и с огромным трудом пытаются оттащить злобную визжащую тварь в загон. Серебристый полосатый кот стонет и

воет, наконец кто-то встает с судейской скамьи, подходит к нему и бросает на голову зверю шлакобетонный блок.

Девушка в бюстгальтере еще некоторое время стоит и мрачно наблюдает за тем, как раздавленное существо вытаскивают с арены. Она прикусила губу. Наджъя обожает ее, обожает того юношу, с которым встретилась взглядами, обожает всех и всё здесь, на этой залитой кровью арене. Сердце бешено колотится, из груди вырывается горячее дыхание, она сжимает кулаки и дрожит, у нее расширены зрачки, а мозг пылает. Наджъя жива на восемьсот процентов и пронизана каким-то неведомым ей доселе чувством. И вновь она встречается взглядом с местным гангстером. Он кивает девушке, но Наджъя видит: парень переживает тяжелую утрату.

Победители выходят на ринг, и толпа восторженно бушует. Зазывала орет что-то в звуковую систему, а на маклерской скамье вовсю идет раздача денег... денег... денег... Вот зачем ты приехала в Бхарат, Наджъя Аскарзада, говорит она себе. Чтобы ощутить жизнь до самого предела... и смерть... иллюзию и реальность... Чтобы что-то прожгло насквозь эту чертову благоразумную, добропорядочную, терпимую шведскость. Чтобы почувствовать безумие и необузданность мира. Ее соски набухают. Наджъя чувствует сексуальное возбуждение. Война, война за воду, война, которую она отрицает, привела ее сюда, та война, которой все страшатся и которая становится все более неизбежной. Но она больше не

боится. Она ее страстно желает.

5

Лиза

На расстоянии четырехсот пятидесяти километров над Западным Эквадором Лиза Дурнау прорывается сквозь стаю боббетов, которые, высоко подняв яркие хохолки, разлетаются в разные стороны, быстро перебирая своими мощными ногами. Лесные дали оглашаются их тревожными криками. Пасущийся в поле молодняк встревожен: звереныши задирают головы, в страхе поднимаются на задние лапы, а затем с визгом ныряют в сумки родителей. Сауромарсупиалы, достающие Лизе до пояса, в ужасе отскакивают от девушки, которая бежит в спортивных штанах, футболке и туфлях. Недавний выводок пытается забиться к родителям в сумки головами вперед.

Эти звери принадлежат к числу самых успешных видов «Биома-161». Леса с условным названием «За Восемь Миллионов Лет До Нашего Времени» буквально кишат ими. Для «Альтерры» реальный день равен ста тысячам моделируемых лет, поэтому к завтрашнему дню они уже могут вымереть. Высокий и влажный лес из деревьев с зонтичными кронами будет высушен климатическим сдвигом. Но сейчас, в данный экологический момент, во временном срезе того, что в другую эпоху и на совсем другой Земле станет северной Танзанией, они наделены абсолютной властью.

Беготня боббетов встревожила группу трантеров, жующих листья деревьев трюдо. Крупные, но медлительные дендрофаги разбегаются врассыпную. Их внутренние костные пластины под полосатой шкурой цвета старого китайского фарфора движутся подобно хитрому механизму. Защитная окраска работы Уильяма Морриса,⁷ насмешливо думает Лиза Дурнау. Ботанический аспект – произведение Рене Магритт.⁸ Листья на деревьях трюдо представляют собой почти идеальные полушария, сами деревья высажены в долине через равные промежутки, а все вместе производит впечатление живой иллюстрации к какой-то статистической теории. На некоторых ветвях повисли семенные коробочки, подобно маятникам раскачивающиеся на ветру. Они способны разбрасывать семена на сотни метров, стреляя ими словно из пистолета. Именно с помощью подобного механизма и достигается идеальная математическая правильность в расположении растений. Таким образом ни одно из деревьев трюдо не оказывается загубленным густой кроной другого, а в густой листве скрывается целый мир самых разных живых организмов.

Между деревьями мелькают пробегающие тени. Стайка бэкхемов-паразитов отскочила от мертвого трантера, в которого только что были отложены яйца. Йистават, парящий вы-

⁷ Английский литератор, провозвестник эстетизма и доктрины «Искусство для искусства» (1834–1896)

⁸ Бельгийская художница-сюрреалист (1898–1967)

соко сверху, опускается немного ниже, затем делает резкий рывок, круто отклоняется в сторону и захватывает в кожную сетку между задними лапами неповоротливую заврохироптеру. Хитроумное сальто, движение хищного клюва – и охотник возвращается на обычный курс. Неуязвимая и неприкосновенная для всех здешних обитателей Лиза Дурнау продолжает свой путь. Любой бог бессмертен в собственном мире: в течение последних трех лет она была директором, менеджером и медиатором «Альтерры» – «параллельной Земли», эволюционирующей в ускоренном ритме на одиннадцати с половиной миллионах компьютерах «Реального мира».

Бэкхемы. Трантеры. Трюдо. Лизе Дурнау нравятся шалости таксономии «Альтерры». Здесь принципы, давно используемые в астрономии, наконец-то применены в альтернативной биологии. Как только что-то появляется у вас на жестком диске, вы сразу же даете ему имя. Макконки и мастроянни, огунвы, хаякавы и новаки. Хаммадии, куэстры и бьорки.

Все это так похоже на Лалла.

Лиза снова вошла в обычный ритм. Таким манером она может двигаться до бесконечности. Некоторые во время пробежек слушают музыку. Иные болтают, читают электронную почту или новости. Другие заставляют своих сарисиннов-секретарей предоставлять краткую информацию о событиях дня. Лиза Дурнау проверяет, что нового появилось среди десяти тысяч биомов, существующих на одиннадцати с

половиной миллионах компьютеров, принимающих участие в самом крупном эксперименте по эволюции. Ее обычный путь пролегает петлей вокруг кампуса Канзасского университета. В восхитительном и загадочном бестиарии Лизы всегда есть что-то удивительное и способное вызвать восторг. К примеру, какое-нибудь новенькое название, взятое из телефонного справочника, которым проштамповано новое фантастическое создание, только что вылезшее из силиконовых джунглей. Когда на 158-м хосте биома в Гвадалахаре путем эволюционного скачка от насекомых произошли первые артротекты, она испытала то чувство острого удовлетворения, какое переживает читатель триллера при новом, замысловатом и совершенно непредсказуемом повороте сюжета. Никто не мог предвидеть появления лопесов, но и их существование было каким-то загадочным образом запрограммировано в исходных правилах. Затем, два дня спустя, результатом эволюции стали паразитогенные бэкхемы, появившиеся в Ланкашире, и это вновь потрясло ее. Подобное тоже было весьма трудно предсказать.

Потом ее отправили в космос. Полет оказался еще большей неожиданностью.

Два дня назад Лиза совершала пробежку вокруг кампуса – мимо факультетских зданий, выкрашенных в медовый цвет. «Альтерра» жила и развивалась поверх канзасского лета. Обежав вокруг студенческого общежития, она повернула обратно, чтобы принять душ и отправиться на работу.

Когда молодая женщина вошла в офис, пытаясь кусочком ваты удалить из ушей остатки воды, там ее уже ждала не ая дама в строгом костюме. Она с ходу выложила на стол кучу каких-то документов, и три часа спустя Лиза Дурнау, руководитель проекта «Альтерра» по моделированию эволюционного процесса, уже летела на гиперзвуковом правительственном лайнере на высоте семидесяти пяти тысяч футов над центральным Арканзасом.

Женщина из ФБР сказала, что она может взять с собой на борт весьма ограниченный объем багажа, но Лизе все-таки удалось втиснуть среди самых необходимых вещей и экипировку для бега. С ней молодая женщина чувствовала себя спокойнее. На космодроме имени Кеннеди, разворачивая и рассматривая свои пожитки, Лиза пыталась понять, что же хочет от нее правительство и чего можно ожидать в самом ближайшем будущем. И пока солнце медленно заходило за лагунами, она бежала мимо ракет, старых ангаров и громоздких пусковых установок. Величественные и страшные механизмы ныне были буквально воткнуты в землю, подобно ненужным копьям. Цель, ради которой они создавались, так и не была достигнута, и теперь они бессмысленно торчали здесь, отбрасывая громадные тени длиной в целый континент.

А еще через сорок восемь часов Лиза Дурнау уже находится на МКС, которая пролетает где-то над южной Колумбией. В видеоустройстве «Альтерры» она рассматривает за-

мок крийчеков, возвышающийся вдали над деревом трюдо. Крийчеки – эволюционные выскочки с «Биома-163» на юго-восточном побережье Африки. Разновидность динозавров величиной с палец. Эти маленькие бестии создали роевую культуру, очень напоминающую пчелиную или муравьиную. у них есть рабочие особи, не способные к продолжению рода, производители, яйцекладущие матки, а также сложное социальное устройство, основанное на цвете шкуры и сложнейшей архитектуре их строений. Новая колония выйдет из крошечного подземного бункера, начнет превращать все органическое вокруг в мягкую, податливую массу, из которой затем крошечными умелыми лапками станет создавать высокие шпили, башни, контрфорсы, сводчатые камеры для кладки яиц... Иногда Лизе Дурнау хочется отбросить привычную систему номенклатуры. В названии «крийчек» слышится приятный отзвук неизбежной гибели, но тем не менее она предпочла бы назвать их горменгастами.

Мелодичный звук, доносящийся из аудиоцентра, дает знать, что частота пульса Лизы достигла нужного значения для заданного времени. Она догнала себя. Псевдореальность «Альтерры» приковала Лизу. Она резко останавливается, переходит в режим «охлаждения» и отключается от «Альтерры». Центрифуга МКС – кольцо диаметром в сто метров, вращающееся для создания необходимой гравитации. Центрифуга резко идет вверх впереди и сзади – Лизе как будто вечно суждено находиться на дне вращающегося гравитаци-

онного колодца. Полки с растениями создают иллюзию живой природы, но ничто не способно скрыть того, что со всех сторон ее окружает алюминий, органические строительные материалы, пластик, а дальше – лишь бесконечная пустота. НАСА не снабжает свои корабли иллюминаторами.

Лиза потягивается, делает несколько упражнений. Из-за недостаточно высокой силы тяжести разные группы мышц испытывают несвойственную им нагрузку. Она сбрасывает обувь для бега, разминает пальцы ног. Помимо интенсивного физического режима, предписываемого НАСА, нужно принимать кальциевые добавки. Лиза Дурнау находится на подходе к тому возрасту, когда женщины начинают думать о состоянии костей. У дам, обитающих на МКС, одутловатые физиономии и отечные руки – из-за перераспределения физиологических жидкостей. Вновь прибывшие на станцию обычно худощавы, легки и ловки в движениях, но у тех, кто провел здесь много времени, отрицательные последствия жизни в космосе сказываются прежде всего именно на скелете. Большую часть времени астронавты проводят в старой сердцевине станции, от которой МКС хаотически разрасталась в разных направлениях в течение последних пятидесяти лет. Немногие из ее обитателей пытаются вернуться к нормальной силе тяжести с помощью вращающейся центрифуги или каким-то другим способом. Ходит слух, что астронавты на это просто уже более неспособны.

Лиза Дурнау растирается влажным полотенцем, хватает-

ся за ступеньку на стене и начинает взбираться по «спице» по направлению к внутренней части станции. Она чувствует, как экспоненциально убывает ее вес. Можно просто ухватиться за ступеньку и взлететь на два, пять, десять метров. У девушки назначена встреча с женщиной из ФБР. Кто-то из постоянных обитателей МКС ныряет вниз, по пути совершив в воздухе великолепное сальто-мортале, кивает Лизе и проносится мимо. Подобная гибкость и ловкость восхищают ее, а самой себе она кажется неповоротливым тюленем. Однако дружелюбный кивок обнадеживает Лизу. Вряд ли можно рассчитывать на более теплый прием со стороны экипажа станции. Команда из пятидесяти человек достаточно немногочисленна для того, чтобы каждый помнил имена всех остальных, но слишком велика для возможности завязывания тесных дружеских отношений. Примерно как университетский факультет. Лизе нравится физическое ощущение здешнего пространства, но ей все-таки очень жаль, что у НАСА не хватило денег на иллюминаторы.

Самое сильное потрясение Лиза пережила в первое утро, проведенное в Центре Кеннеди. Она сидела на веранде с видом на океан, а горничная наливала ей кофе. Именно тогда молодая женщина поняла, что доктор Лиза Дурнау, биолог-эволюционист, должна исчезнуть.

Лизу вовсе не удивило, когда женщина в строгом костюме сказала, что ее посылают в космос. Госдепартамент не ста-

нет никого доставлять в Центр Кеннеди на гиперзвуковом лайнере только ради изучения повадок тамошних птиц. Когда у нее забрали компьютер и вручили вместо него другую модель, без возможности связи, это было неприятно, но не слишком потрясло Лизу. Удивило, но вновь не стало шоком, и то, что из-за нее освободили целую гостиницу. Гимнастический зал, бассейн, прачечная – все было предоставлено одной обитательнице. Лиза поначалу испытывала угрызения совести истинной пресвитерианки при каждом вызове горничной, пока прислуга-никарагуанка не сказала ей, что рада всякому поручению, так как совсем не загружена работой. Но тут Лиза испытала настоящее потрясение: Лалл исчез. Правда, поначалу она думала, что происшедшее может объясняться его реакцией на распад семьи.

Во время второй встречи с представительницей властей Лиза Дурнау решительно направилась к женщине в строгом костюме и с испанским именем Суарес-Мартин, намереваясь потребовать объяснений.

– Мне необходимо знать, – сказала она, переминаясь с ноги на ногу и бессознательно воспроизводя элементы привычной для нее физической разминки, – что случилось с Томасом Лаллом?

Для Суарес-Мартин ее строгий костюм был неким подобием чиновничьего кабинета, который она всегда и везде носила с собой. Женщина сидела, повернувшись спиной к панорамному виду на ракеты и пеликанов.

– Мне ничего не известно. Его исчезновение не имеет никакого отношения к деятельности правительства Соединенных Штатов. Даю вам в этом честное слово.

Лиза Дурнау несколько раз прокрутила в голове все аспекты ее ответа, включая интонацию.

– Хорошо, но почему выбрали именно меня? В чем я должна буду участвовать?

– Могу ответить на первую часть вашего вопроса.

– Валяйте!

– Мы взяли вас, потому что не смогли найти его.

– А как насчет второй части?

– Вы получите ответ, но не здесь. – Суарес-Мартин перекинула Лизе через стол пластиковый пакет. – Вам это пригодится.

На пакете имелся логотип НАСА, а внутри оказался стандартный ярко-желтый костюм астронавта.

Во время их следующей встречи на даме из ФБР не было ее обычного строгого костюма. Она лежала справа от Лизы Дурнау, пристегнутая ремнями к акселерационному ложу. Глаза женщины были закрыты, а на губах застыла молчаливая молитва, но Лиза сразу же поняла, что стала свидетельницей не боязни чего-то принципиально нового и неизведанного, а обычного ритуального предстартового страха. Не более чем мысленное перебирание четок опытным астронавтом.

Пилот лежал в кресле слева от нее. Он был занят сложной

предполетной проверкой, вел какие-то переговоры, а Лиза была для него не более чем еще одной разновидностью груза. Она зашевелилась и почувствовала, как тело обтекает гель – неожиданно приятное ощущение. А ниже, в пусковой шахте, лазер мощностью в тридцать тераватт направлял луч на параболическое зеркало, которое находилось прямо у нее под задницей. Меня сейчас выбросят в космическое пространство на конце светового луча, который горячее солнца, подумала Лиза, – и поразилась собственному спокойствию при столь чудовищной и безумной мысли. Наверное, она просто по-настоящему не верила в это, бессознательно стараясь защитить психику. Впрочем, может быть, горничная-никарагуанка что-то подмешала ей в кофе. И пока Лиза Дурнау пыталась понять, в чем же все-таки дело, стартовый отсчет дошел до нуля. Компьютер в центре управления полетами включил большой лазер. Воздух под Лизой вспыхнул и выбросил корабль НАСА на земную орбиту с ускорением в три g. Две минуты – и она уже в космосе! Подобная мысль показала ей настолько нелепой, настолько абсурдной, что Лиза не могла не захихикать, и от смеха по ее гелевому ложу пробежала рябь. Эх-ма!.. Самая вершина мира! Суперэлитный шезлонг для путешественников!.. Клуб любителей восхождений на пятисотмильную высоту! И все это в некоем подобии шикарной соковыжималки.

И вот тут-то совершенно неожиданно она испытала третье потрясение. Лиза вдруг поняла, сколь немногим людям там,

внизу, на Земле, она по-настоящему нужна и как мало тех, кто будет сожалеть об ее уходе.

На идентификационной метке значилось: Дейли Суарес-Мартин. Женщина из ФБР принадлежала к тому типу людей, которые способны организовать себе кабинет где угодно, даже на складе, до отказа забитом упаковками с пищей для астронавтов. Компьютер-наладонник, фляга, крошечный телевизор и семейные фотографии прикреплены к стене липучкой. Три поколения Суарес-Мartiнов демонстрируют себя на веранде большого дома, уставленной пальмами в громадных терракотовых кадках. На телеэкране – таймер. Лиза Дурнау видит, что сейчас 01:15 по Гринвичу. Да, сейчас она должна была бы сидеть с друзьями в Такорифико Суперика...

– У вас все в порядке? – спрашивает Дейли Суарес-Мартин.

– Да. Все... все в порядке. Все хорошо.

Лиза пока еще ощущает небольшую боль в затылочной области, примерно такую, как та, которую чувствуешь в течение нескольких первых дней, начав пользоваться лайтхэком. Она подозревает, что сказываются остаточные явления после приема предстартовых медикаментозных средств. От нулевого ускорения у Лизы возникает странное ощущение какой-то публичной обнаженности. Она не знает, что делать с руками. А груди кажутся тяжелыми ядрами.

– Мы вас долго не задержим, честное слово, – говорит Дейли Суарес-Мартин. Здесь, на орбите, она улыбается значительно чаще, чем в Центре Кеннеди или в кабинете Лизы. Вряд ли можно чувствовать себя по-настоящему серьезной дамой, когда на тебе надето что-то, по виду схожее со снаряжением спортсмена, занимающегося санным спортом. – Прежде всего, я должна принести извинения. Мы ведь не полностью информировали вас о предстоящем полете.

– Вы мне вообще ничего толком не сказали, – возражает Лиза Дурнау. – Предполагаю, что все это каким-то образом связано с проектом «Тьерра». Для меня, безусловно, является большой честью оказаться включенной в работу над ним, но должна сказать, что круг моих интересов связан с совершенно иной вселенной...

– Вероятно, здесь-то мы и совершили нашу первую оплошность, – говорит Дейли Суарес-Мартин. Она прикусывает нижнюю губу. – Никакого проекта «Тьерра» не существует.

Лиза Дурнау чувствует, как от удивления у нее отвисает нижняя челюсть.

– Но ведь все, что связано с Эпсилоном Индейца...⁹

– Все это вполне реально. Существует, конечно, и Тьерра. Просто мы совсем не туда направляемся.

– Подождите, подождите, подождите... я же видела солнечный парус. По телевизору. Черт, я даже видела, когда вы

⁹ Созвездие Южного полушария

посылали его в точку L-5 и обратно во время испытаний! У моих друзей есть телескоп. И мы как раз были на пикнике. И наблюдали за всем по монитору...

– Ну конечно. Солнечный парус – вполне реальная вещь, и мы действительно посылали его в точку Лагранжа.¹⁰ Вы ошибаетесь только в одном – это были не испытания, а выполнение совершенно определенного задания.

В том же году, когда Лиза Дурнау играла во Фримонте в школьной команде по европейскому футболу, сделав для себя важное открытие, что рокеры, вечеринки в бассейне и секс – не очень правильное для нее сочетание, НАСА открыло Тьерру. Планеты в бескрайней тьме вселенной за пределами Солнечной системы в последнее время обнаруживались быстрее, чем специалисты по астрономической таксономии успевали пролистать мифологические словари и всякие сборники легенд в поисках подходящего названия. Но когда розетка из семи телескопов в Дарвиновской обсерватории обратилась в сторону системы Эпсилона Индейца, расположенной на расстоянии десяти световых лет от Земли, они обнаружили бледно-голубую точку, находящуюся неподалеку от звезды, по температуре очень близкой Солнцу. Мир, где явно была вода. Мир, очень напоминающий Землю. Спектроскопы провели исследование состава атмосферы.

¹⁰ В астрономии точка в пространстве, в которой относительно небольшое тело под гравитационным воздействием двух крупных тел будет пребывать в состоянии относительного покоя относительно этих двух тел

ры и обнаружили наличие кислорода, азота, углекислого газа, водяных паров и сложных углеводов, вне всякого сомнения, являвшихся результатом биологической активности. Там существовала какая-то жизнь. Возможно, это были всего лишь какие-нибудь жучки. Но быть может, и разумные существа, через собственные телескопы рассматривающие голубую точку рядом с нашим Солнцем...

Первооткрыватели окрестили планету Тьеррой. Какой-то техасец сразу же заявил свои права на планету и на всех ее обитателей. Именно упомянутая история сделала из Тьерры тему сплетен в различных масс-медиа, главный скандал месяца и предмет бесконечной болтовни. Что она такое? Еще одна Земля? Какая на ней погода? Как человек может владеть целой планетой? Но он просто заявил претензии на нее, вот и все. Ведь половина вашего ДНК является собственностью какой-нибудь биотехнической корпорации. Всякий раз, когда вы занимаетесь любовью, вы нарушаете права собственности...

Затем появились фотографии. Возможности телескопов Дарвиновской обсерватории оказались достаточно велики, чтобы разглядеть поверхность планеты. В каждой школе в развитых странах мира на стене появилась карта Тьерры с тремя континентами и обширными океанами. Между прочим, она часто соседствовала с изображением Эмина Перри, последнего олимпийского чемпиона в беге на пять тысяч метров. Так, по крайней мере, было на компьютерной за-

ставке у Лизы Дурнау, когда она начинала работать со своим эволюционным проектом, учась на первом курсе Калифорнийского университета в Санта-Барбаре.

НАСА выступило с предложением направить к планете межзвездный зонд, используя при этом экспериментальный орбитальный мазер и солнечный парус. Время, которое должно было уйти на осуществление проекта, равнялось примерно двумстам пятидесяти годам. Столь длительный срок неизбежно лишил предприятие первоначального интереса публики, и затея отошла на дальнюю периферию общественного внимания. Лизе же теперь стало легче: ей доставляло значительно большее удовольствие исследовать незнакомые миры и открывать неизвестные формы жизни во вселенной, находящейся внутри компьютера. Альтерра оказалась не менее реальной, чем Тьерра, но гораздо дешевле и доступнее.

– Я не совсем понимаю, к чему вы клоните, – откликается Лиза Дурнау на слова спутницы.

– Проект посылки зонда на Тьерру – проект, предпринятый для успокоения общественного мнения, – отвечает Суарес-Мартин. – Настоящий план заключался в том, чтобы создать космическую двигательную установку с достаточной мощностью, позволяющей переместить крупный объект в 5-ю точку Лагранжа орбитальной устойчивости.

– И что же это за крупный объект?

Лиза Дурнау никак не может увязать то, что случилось с

ней за последние пятьдесят часов, с опытом, накопленным за предшествующие тридцать семь лет жизни. Единственное, что ясно: она в данный момент находится в космосе, однако вокруг очень жарко, пахнет потом и ничего не видеть. Правительство намерено совершить самое грандиозное мошенничество в истории, но никто ничего не замечает, потому что все рассматривают красивые картинки.

– Астероид. Вот этот астероид...

Дейли Суарес-Мартин выводит графическое изображение на экран. Обычная «картофелина» из глубин космоса. Разрешающая способность не очень хорошая.

– Дарнли-285.

– Наверное, он какой-то особенный, – замечает Лиза. – А нас не придавит?

На лице у дамы из ФБР появляется довольное выражение. Она выводит на экран еще одну картинку – накладывающиеся друг на друга цветные анимированные эллипсы.

– Дарнли-285 – астероид, в своем движении пересекающий земную орбиту. Его открыли с помощью системы наблюдения «NEAT» в 2027 году. Посмотрите, пожалуйста, вот на это. – Суарес-Мартин касается желтого эллипса, начинающегося поблизости от Земли и простирающегося до Марса. – Он подходит к нам даже ближе, нежели находится лунная орбита.

– Чересчур даже для «NEO», – замечает Лиза. – Видите, и я кое-что знаю.

– Срок обращения Дарнли-285 по орбите составляет 1080 дней. В следующий раз астероид может подойти слишком близко, что будет означать статистически весьма вероятный риск для нашей планеты.

Анимированный астероид движется на расстоянии волоса от голубого шарика Земли.

– Поэтому вы и создали солнечный парус. Чтобы убрать астероид с опасного пути, так? – рассуждает вслух Лиза.

– Да, действительно, для того, чтобы его сдвинуть, но со всем не из соображений безопасности. Пожалуйста, посмотрите внимательнее. Перед вами расчетная орбита на 2030 год. А вот это – реальная орбита.

На экране появляется толстый желтый эллипс. Он в точности совпадает с орбитой 2027 года. Дейли продолжает:

– Взаимодействие с находящимся на близкой к Земле орбите объектом Шерингем-12 во время его следующего обращения должно было приблизить Дарнли-285 на опасное расстояние в двенадцать тысяч миль. Но вместо предполагаемого смещения в 2033 году... – Тут на экране место желтой параболы занимает другая, обозначенная точками, и вновь появляется та же самая траектория, что и при значении 2027 года. – Видите? Совершенно аномальная ситуация.

– Вы хотите сказать...

– ... то, что неизвестная нам сила изменяет орбиту Дарнли-285 – для того, чтобы удерживать астероид на одном и том же расстоянии от Земли, – заканчивает Дейли Суа-

рес-Мартин.

– Великий Боже! – шепчет Лиза, дочь проповедника.

– В 2039 году мы направили к астероиду специальную миссию. Предприятие планировалось и осуществлялось в обстановке полной секретности. И мы кое-что обнаружили. Затем был подготовлен новый проект. Именно с ним и были связаны так называемые испытания солнечного паруса. А вся история с Эпсилоном Индейца – не более чем камуфляж. Нам необходимо было «подтянуть» астероид к такой точке, где можно подольше его рассмотреть...

– И что же там нашли? – спрашивает Лиза Дурнау. Дейли Суарес-Мартин в ответ только улыбается и говорит:

– Вот завтра вы сами все и увидите. Мы направляем вас на астероид.

6

Лалл

Одиннадцать тридцать, весь клуб прыгает. Потоки воды обтекают небольшую песчаную насыпь. Тела сбиваются на свет, словно мошки. Они движутся, трутся друг о друга, глаза закрыты от восторга. В воздухе стоит запах длинного дня, близящегося к завершению, обильного пота и дешевого варианта «Шанель». На девушках платица по моде этого лета, купальные костюмы, модные летом прошедшим, и время от времени в глаза бросается классический бюстгальтер. Юноши все с обнаженной грудью и с массой разнообразных бус на шее. Реденькие бородки снова в цене: стиль «могиканин», популярный в прошлом, 2046 году, уже вызывает усмешки, а племенная раскраска тел, похоже, приблизилась к той опасной грани, за которой начинается забвение на веки вечные. Зато крайне актуальна скарификация – как у юношей, так и у девушек. Томаса Лалла радует по край ней мере уже то, что из моды вышли кожаные плавки, демонстрирующие пенис. Он устраивает вечеринки для братьев Гхошт на протяжении трех последних сезонов – за неплохие, кстати, деньги – и был свидетелем приливов и отливов различных тенденций в молодежной культуре, но те плавки, поднимавшие мужской член подобно перископу... нет, это было уже слишком...

Томас Лалл опускается на мягкий, истоптанный серый песок, устало склоняет голову на колени. Прибой сегодня необычно тихий. Едва заметная рябь у границы прилива. Над темной водой кричит какая-то птица. Воздух, утомленный после долгого дня, неподвижен и тяжел. В нем не чувствуется ни малейших признаков приближения муссона. Рыбаки говорят, что с тех пор, как бенгальцы пригнали свой айсберг, море ведет себя совершенно непонятным образом. У Лалла за спиной в полной тишине движутся тела.

Из темноты появляются фигуры: две белые девушки в саронгах и бюстгальтерах на бретельках. Две пляжные блондинки с утрированным скандинавским загаром, который еще больше подчеркивается голубизной их нордических глаз. Они идут босые, взявшись за руки. Сколько вам лет? Девятнадцать, двадцать? – думает Томас Лалл. Искусственный стильный загар, трусики-бикини под замусоленными в путешествиях саронгами. Здесь ваша первая остановка, не так ли?.. Вы отыскиали ее на сайте для «рюкзачников». И вам это место показалось достаточно диким для того, чтобы почувствовать себя вдали от цивилизации. Вы с нетерпением ждали вылета из Упсалы или Копенгагена, чтобы поскорее насладиться первобытной свободой и воплотить в жизнь самые смелые мечты...

– Эй, вы там, – тихо, но внятно произносит Томас Лалл, – Если собираетесь принять участие в наших вечерних развлечениях, то я должен вас предварительно проверить. Ради ва-

шей же собственной безопасности.

Взмахнув рукой, жестом опытного картежника он разворачивает набор для сканирования.

– Конечно, – отвечает девушка поменьше ростом, с золотистым цветом кожи.

Томас Лалл отсыпает ей горсть таблеток, а затем накладывает пластырь на сканер.

– Самая замечательная вещь здесь – тарелка Вишисуасс. Самый модный суп – «Транзик Ту», это новый эмотик, сможете получить его в любом месте. А теперь вы, мадам... – Он обращается к темноглазой диве. – Я должен установить, не возникнет ли какой-либо реакции на то, что вы уже принимаете. Не могли бы вы?..

Она прекрасно знает правила, облизывает палец и проводит им по сенсорной пластине. Дисплей окрашивается в зеленый цвет.

– Так, хорошо... Наслаждайтесь вечеринкой, дамы, но помните, что она безалкогольная.

Он изучающим взглядом провожает девиц, рассматривая их задницы, соблазнительно покачивающиеся под легкими саронгами. Девушки идут, все еще взявшись за руки. Ах, как все это мило, думает Томас Лалл. Но эмотики пугают его.

Компьютерные эмоции, изготовленные на нелегальных сарисинах уровня 2,95 «Бангалор Сундарбан», растажиженные на какой-нибудь размещенной на частной квартире фабрике по производству «кока-колы» и нанесен-

ные на специальные пластыри по пятьдесят долларов за наклейку... Пользователей такого дерьма отличить легко. Странные подергивания, широкие людоедские улыбки, жутковатые звуки, с помощью которых они пытаются выразить чувства, которым нет аналогов ни в человеческой природе, ни в человеческом опыте. Лалл ни разу пока еще не встретил никого, кто смог бы членораздельно описать ему суть этих чувств. Но с другой стороны, он пока еще не встречал никого, кто сумел четко и ясно описать суть естественных человеческих чувств. Мы все не более чем программные призраки, мечущиеся по вселенской сети Брахмы.

Крик птицы все еще слышен.

Лалл оборачивается, глядя на молчаливую пляжную вечеринку. Каждый танцует в своей «зоне» под свою музыку, которая передается через хёк. Томас лжет себе, постоянно повторяя, что занимается организацией клубных вечеринок только ради денег: его ведь всегда влекли к себе людские толпы. Его притягивает и в то же время пугает утрата своего «Я» танцующими, сливающимися в некое бессознательное целое, состоящее из одновременно и отделенных друг от друга, и связанных между собой человеческих индивидов. Это примерно то же чувство любви и отвращения, которое завлекло его в рассеченное на части тело Индии, в одно из сотни самых узнаваемых лиц Земли, рассыпающееся на ужасающе свободные от европейских комплексов безликие полтора миллиарда. Повернись, отойди, слейся с толпой, исчез-

ни... Умение растворять свое эго в толпе имеет и обратную сторону: Томас Лалл обладает удивительной способностью мгновенно замечать индивидуальное, необычное, иное среди обезличенной массы.

Она движется через людской поток на фоне плотного покрывала ночи, как будто проходя сквозь тела. Она одета в серое. У нее бледная, пшеничного оттенка кожа. Да, индоарийка... Волосы по-мальчишески короткие, блестящие, с рыжеватым оттенком. Глаза огромные. Глаза газели, как в стихах поэтов, писавших на урду. Девушка кажется невероятно юной. На лбу три полосы – знак Вишну. Тилак Вишну не выглядит глупо. Она кивает, улыбается, и человеческие тела смыкаются вокруг нее. Томас Лалл пытается протиснуться сквозь толпу танцующих, но так, чтобы остаться незамеченным. Нет, это не любовь и даже не желание, не гормональный всплеск. Просто восторг. Он должен увидеть ее, должен узнать о ней побольше.

– Эй, вы там...

Парочка австралийцев хочет протестировать «снаряжение». Томас Лалл пропускает их наркоту через сканер, не отрывая глаз от танцующих. Серый цвет идеален, если хочешь остаться незамеченным на вечеринке. Она растворилась в хаотическом и беззвучном мелькании рук, ног и тел.

– С прикладом, похоже, все в порядке. Но вот с прикидом пролетаете, ребятки. У нас нулевая устойчивость к костюмам, демонстрирующим половой член.

Парень хмурится. Убирайтесь отсюда, оставьте меня наедине с моим удовольствием... Вон там, рядом с настилом. Юноши-бхати пытаются ухаживать за ней. И в нем сразу же закипает ненависть к этим соплякам. Вернись ко мне. Девушка чего-то не поняла, наклоняется пониже, чтобы лучше расслышать слово. Какое-то мгновение Лаллу кажется, что она собирается приобрести что-то от «Бангалор Бомбастик». Ему совсем не хочется, чтобы она это делала. Нет, девушка отрицательно качает головой и отходит. И вновь исчезает среди танцующих тел. И тут Томас Лалл понимает, что против воли следует за ней. Она обладает способностью идеально смешиваться с толпой. Он вновь теряет ее среди мелькания пляшущих теней. На ней нет хека. Как возможно подобное? Томас доходит до края площадки для танцев. И тут понимает: она только делает вид, что танцует. В действительности же занимается чем-то другим: пытается уловить общее настроение и приспособиться к нему. Кто же, черт возьми, ты такая?..

Внезапно девушка останавливается. Хмурится, открывает рот, судорожно хватая им воздух. Прижимает руку к тяжело вздымающейся груди. Не может дышать. В глазах газели застыл страх. Наклоняется, пытаясь освободиться от спазма в легких. Томасу Лаллу прекрасно знакомы эти симптомы. Ему давно известна их причина... Она стоит среди безмолвной толпы, изо всех сил стараясь вдохнуть. Никто не обращает на нее никакого внимания. Никто ничего не знает.

Все здесь слепы и глухи, замкнуты в своем крошечном танцевальном пространстве. Томас Лалл расталкивает танцующих. Он движется не к ней, а к девушкам-скандинавкам.

Он протестировал на сканере их наркоту. Но здесь всегда полно таких, кто готов отхватить лишнего кайфа от реакции сальбутамол/АТР-редуктазы.

– Ваши «дыхалки», быстро!..

Златовласка пялится на него ничего не понимающими глазами – словно он какой-то жутковатый пришелец с Антареса. Потом начинает лихорадочно рыться в розовой адидасовской сумочке.

– Вот эти!

Томас выковыривает голубые и белые капсулы. Девушка в сером стоит неподалеку, тяжело и часто дышит, положив руки на бедра и испуганно оглядываясь по сторонам в надежде на чью-нибудь помощь. Томас Лалл таранит толпу, давя в кулаке крошечные желатиновые капсулы.

– Откройте рот, – приказывает он. – Сделайте вдох на счет «три» и задержите дыхание, считая до двадцати. Раз. Два. Три!..

Томас Лалл прикладывает сложенные рупором ладони ко рту девушки и с силой вдует воздух, с которым к ней в легкие влетает белый порошок. Она закрывает глаза, считает. Томас обнаруживает, что внимательно смотрит на ее тилак. Ни чего подобного он раньше не видел. Такое впечатление, что это пластик, вплавленный в кожу, или же вообще просто

голая кость. У него возникает непреодолимое желание коснуться знака. Пальцы Лала находятся на расстоянии всего нескольких миллиметров от ее лба, когда она вдруг открывает глаза. Томас резко отводит руку.

– Вы в порядке?

Девушка кивает:

– Да. Спасибо.

– Вам нужно иметь при себе какие-нибудь лекарства. Все могло бы очень плохо закончиться. Люди вокруг... Они как призраки... Вы могли бы умереть, и они бы растоптали вас, танцую. Пойдемте.

Он ведет ее сквозь трансковый лабиринт слепоглухонемых танцующих в темноту. Она садится на песок, расставив голые ноги. Томас опускается рядом с ней на колени. От девушки исходит аромат сандалового дерева. Двадцатилетний опыт работы в университетах позволяет ему почти точно определить ее возраст: девятнадцать, возможно, двадцать. Ну же, Лалл! Ты спас странную, прибившуюся к тебе неизвестно откуда девушку от приступа астмы, и тебя еще мучает какая-то ненужная стеснительность. Ну, докажи, что ты не утратил самоуважения.

– Я так перепугалась, – говорит она. – Я такая глупая, у меня есть ингалятор, но я забыла его в отеле... Мне бы ни когда не пришло в голову...

Легкий акцент девушки для неискушенного уха вполне может сойти за вариант британского английского, но Томас

Лалл сразу же отмечает карнатаканский призыв.

– Удачно вышло, что я заметил, как начинается приступ... Да ладно уж. Вечеринка для тебя на сегодня закончена, сестричка. Где ты остановились?

– В «Палм империале».

Хорошее место. Недешевое, более популярное у путешественников зрелого возраста. Томас Лалл знает вестибюли и бары всех отелей на тридцать миль вверх и вниз по кокосовому берегу. И кое-какие номера тоже. «Рюкзачники» и молодежь больше склонны останавливаться в прибрежных лачугах. Некоторые из них ему тоже знакомы. Там он убил нескольких змей.

– Я отвезу тебя домой. Ахутханандан присмотрит за тобой. С шоком шутки плохи. Могут быть всякие последствия...

Тилак... У Томаса возникает ощущение, что он движется. Загадочная девушка встает. Застенчивым жестом она протягивает ему руку: вполне официальное прощание.

– Огромное спасибо. Думаю, что, не окажись вас поблизости, все могло бы очень плохо закончиться.

Томас Лалл берет ее ладонь в свою. Она тонкая, длинная, изящной формы, мягкая и сухая. Девушка почему-то отводит глаза.

– Я исполнял свой долг, мадам, – говорит он с легкой иронией в голосе.

Томас ведет ее по направлению к огням, горящим среди

пальм. Прибой усиливается, деревья взволнованно раскачиваются на ветру. Свет ламп на веранде отеля прыгает, судорожно мерцая за сеткой из ветвей. Пляжная вечеринка у него за спиной внезапно начинает казаться скучной и утомительной. Все то, что час назад представлялось Лаллу ценным и значительным, с приходом этой девушки утратило смысл, выдохлось. Наверное, все-таки приближается муссон – ветер, который вновь вернет его к жизни.

– Если есть желание, я могу научить одному очень полезному методу борьбы с удушьем. Я в молодости тоже очень страдал от астмы. Существует один способ дыхания... Он со всем несложен. У меня не было приступов уже на протяжении двадцати лет, и если ты будешь следовать моим рекомендациям, тоже сможешь выбросить свои ингаляторы. Я покажу самое основное. Если тебя заинтересовало мое предложение, приходи сюда завтра...

Девушка замедляет шаг, задумывается, затем кивает. На ее тилак откуда-то падает свет.

– Спасибо. Я очень ценю подобную заботу.

Как странно она говорит. Такая сдержанность, почти викторианская, такое внимание к словесному этикету.

– Ну что ж, прекрасно. Меня можно найти...

– О, я просто спрошу богов, и они мне укажут. Они знают дорогу куда угодно.

На подобное замечание Томасу Лаллу ответить нечего, поэтому он просто сует руки в карманы мешковатых бриджей

и говорит:

– Итак, если боги не будут против, мы завтра снова встретимся, а?..

– Аж.

Так звучит ее имя во французской транскрипции. Она поворачивается в сторону отеля, разноцветные огни которого подпрыгивают на усиливающемся ветру таким манером, будто отплясывают джигу.

– Думаю, что отсюда дойду сама, спасибо. До завтра, профессор Лалл.

7

Тал

Сегодня вечером Тал едет в пластиковом такси. Маленький пузырь фатфата гроыхает по выбоинам и горбылям проселочной дороги, а водитель при свете единственной фары нервно пытается не съехать невзначай на обочину. Он уже едва не врезался в отбившуюся от стада корову и в группу женщин, несущих связки хвороста на головах. Придорожные деревья то и дело выпрыгивают из густой темноты деревенской ночи. Водитель напряженно смотрит вперед, готовясь к повороту. Его инструкции прикреплены к приборной панели, там он может прочесть их при свете неяркой лампочки. В инструкциях указано, сколько миль он должен проехать по этой дороге, какое количество деревень миновать — и свернуть на втором повороте налево, сразу же за настенной рекламой белья «Рупа». Раньше ему никогда не приходилось выезжать из города.

У Тала есть специальный микс, где звучат мелодии анока-ха, смешанные с мрачными некротическими аккордами «славянского металла». Для встреч со знаменитостями необходимо иметь в запасе особые миксы. Биография Тала может быть описана чередой саундтреков.

Неожиданный рывок сбрасывает Тала с сиденья. Фатфат резко останавливается. Тал поправляет термическое напы-

ляемое пальто ньюта, стряхивает пыль с шелковых брюк ньюта и в то же мгновение замечает солдат. Шесть фигур медленно материализуются из густой ночной темноты. Приземистый офицер-сикх поднимает руку, делает шаг к такси.

– Вы что, нас не видели?

– Вас трудновато разглядеть, – отвечает водитель.

– О правах нет смысла и спрашивать, полагаю? – замечает джемадар.

– В общем, да, – отвечает водитель. – Мой двоюродный брат...

– Не знаете, что объявлен режим повышенной бдительности? – строго спрашивает сикх. – Самоходные мины замедленного действия авадхов, возможно, уже продвигаются по территории нашей страны. Они ведь способны маскироваться множеством самых разнообразных способов.

– Они, конечно, замедленного действия, но не до такой степени, как этот старый горшок, – пытается шутить водитель.

Сикх хмыкает и наклоняется, чтобы рассмотреть пассажира. Тал поспешно выключает музыку. Ньют сидит неподвижно, выпрямившись, но его сердце бьется громко, выдавая нешуточное волнение.

– А вы, сэр? Или мадам?..

Солдаты хихикают. Сикх явно только что ел лук. Тал боится, что может упасть в обморок от вони. Ньют открывает сумочку и извлекает из нее карточку с позолоченными кра-

ями. Приглашение. Офицер смотрит на него с таким видом, словно появились основания для полного обыска с раздеванием. Затем резко поворачивается в сторону Тала.

– Вам посчастливилось, что встретили нас. Вы проехали свой поворот пару километров назад. Теперь придется...

Тал снова более или менее спокойно дышит. Пока водитель разворачивает машину, нюют отчетливо слышит грубый смех солдат, заглушающий урчание спиртового двигателя.

Хочется надеяться, что эти самоходные мины сейчас как раз подбираются к вам, подонки, думает Тал.

Полуразрушенный храм Ардханарисвара стоит среди деревьев на проселочной дороге, которая отходит прямо от шоссе. Организаторы вечеринки позаботились о том, чтобы осветить местность биолюминисценцией. В зеленоватом свете виднеются лица, выглядывающие из-за стволов деревьев; тусклая подсветка выхватывает из травы рухнувшие статуи и ящики, зарывшиеся в древнюю почву. Темы вечера – крайние противоположности: сакти и пуруша; женские и мужские энергии; саттва и тамас; духовность и материализм. Резервуары в форме йони вызывающе наполнены до краев. Тал думает о приготовлениях к вечеринке. Скучное питье – бутылка подогретой минеральной воды. Водопровод в Белом форте – это грандиозная агломерация новостроек, где у Тала двухкомнатная квартира, – не работает уже два месяца. Днем и ночью длинная процессия из женщин и детей носит банки с водой вверх и вниз по лестнице мимо двери нюота.

Пламя вырывается из газовых горелок в центре резервуаров-йони. Тал разглядывает двух близнецов – стражей храма, дварапалов, – а водитель такси тем временем пропускает карточку ньюта через считывающее устройство. Над разрушенной аркадой возвышается изображение Ардханарисвара. Полумужское-полуженское. Одна полная грудь, возбужденный член, разрезанный посередине, одно яичко, завиток женских гениталий, намек на щель. Торс отличает мужская ширина плеч, бедра – женская полнота, чувственные руки сложены в ритуальной мудре, но черты лица лишены индивидуальности, андрогинны. Третий глаз Шивы на лбу закрыт.

Там, внутри, гремит музыка. Сжимая приглашение в руке, Тал проходит между божествами-стражами на главную вечеринку сезона.

Когда ньют показал приглашение, в отделе решили, что это подделка. Почти естественное предположение для людей, занятых разработкой визуальных обоев для мнимых жизней актеров-сарисинов самых популярных индийских сериалов. Ньют не поверил своей удаче, когда обнаружил в почте толстую карточку кремового цвета.

«ПРЕДСТАВЛЕНИЕ МОДНЫХ ЗВЕЗД»

от имени «АЗИАТСКОЙ МОДЫ» приглашает

ТАЛА,

27-й коридор, 30, 12-й этаж Квартал им. Индиры
Ганди (под таким названием

Белый форт был известен только
на почте, в налоговом агентстве и судебным
приставам) на

ПРИЕМ

в честь приезда ЮЛИ в Варанаси на

НЕДЕЛЮ МОДЫ В БХАРАТЕ

МЕСТО ПРОВЕДЕНИЯ: Храм Ардханарисвана,
округ Мирза Мурад

ПРАЗДНОВАНИЕ: 22 колокольчика.

НАЦИОНАЛЬНОСТЬ: Племя Нью.

На ощупь карточка казалась теплой и мягкой, словно человеческая кожа. Тал показывает ее Маме Бхарат, старой вдове, живущей с ньютом в одном подъезде. Это добрая душа, которую семейство заключило в шелковую темницу. В современном смысле слова. Они предоставили ей возможность провести старость «независимо». Три месяца назад, после приезда в дом Тала, ньют стал для Мамы Бхарат настоящей семьей. С ньютом ведь больше никто не станет разговаривать. Тал с удовольствием каждый день заходит к ней на чашку чая, а она дважды в неделю навещает ньюта, чтобы немного прибраться у Тала в квартире. Тал никогда не спрашивает, как она воспринимает ньюта – как дочь или как сына.

Старушка проводит пальцами по приглашению, гладит

его, тихо воркует, словно на ухо возлюбленному:

– Такая мягкая. Такая мягкая... И они все будут такие, как ты?

– Ньюты?.. В основном да. Мы – главная тема вечера.

– О, какая большая честь! Все лучшие люди города и звезды с телевидения.

Да, думает Тал. Но почему все-таки я?

Тал идет по полумраку храмовой мандапы, освещенной факелами, которые держат четверорукие аватары Кали, и начинает ощущать, как к нади-чакре подбирается страх. Вот под вызывающе непристойной статуей Очень Знаменитый Кинорежиссер беседует с Уже Добившейся Известности Молодой Писательницей. А вот мировая звезда тенниса выглядит необычайно счастливой, столкнувшись не просто с Известным Профессиональным Игроком в Гольф, а с Футболистом из Всеиндийской футбольной лиги и его женой, которая сияет белозубой улыбкой. Теперь они смогут до бесконечности беседовать о разновидностях бросков и гандикапах. А это прославленный господин Межзвездный Поп-Промоутер – и его последняя блестящая находка, чья дебютная песня наверняка станет Первым Номером. А вот и сама девушка, которой суждено стать звездой сегодняшней вечеринки: да, она в слишком короткой юбке, чересчур крепко сжимает в руке бокал с коктейлем и напрасно так громко смеется...

Тут же – трое совсем молодых «раджей», производящих

пользовательское обеспечение компьютерных систем, двое нервных разработчиков игр и «темная лошадка» – «Повелитель сундарбанов», киберджунглевый антрепренер «горячей зоны» «Дарвинвер». Он стоит в полном и гордом одиночестве, высокомерно спокойный, весь словно отполированный, как приготовившийся к прыжку тигр. Так может выглядеть только человек, окруженный собственным легионом пандавов-телохранителей из сарисингов.

Ко всему уже перечисленному следует добавить также множество фигур с избытком одежды и лиц с избытком косметики, не знакомых Тал, но они всей своей внешностью демонстрируют глянцево-журнальное происхождение. Здесь же около сорока тележурналистов, уже успевших насквозь пропитаться потом и перезнакомиться со всеми подряд; репортеры из светской хроники с нечеловечески широким и активным периферийным зрением; шикарные дамы полусвета Варанаси, несколько обескураженные и раздраженные значительно большей популярностью стайки ньютов. Присутствует здесь даже парочка генералов в парадной форме, шикарных, как длиннохвостые попугаи. Армия «tres tres chic»¹¹ во времена нервного обмена угрозами с Авадхом... И еще тут имеется горстка чем-то недовольных представителей золотой молодежи, сынков и дочерей брахманов, как-то подозрительно молодо выглядящих.

Нита, руководитель торгового отдела Девгана, накануне

¹¹ очень, очень шикарна (фр.)

показала Тал список. Большая часть сотрудников находит совершенную безликость Ниты угнетающей, но Талу она нравится. Вполне естественная банальность оттеняет свойственные ей неожиданные парадоксальные сочетания в дзенском стиле. Девушка хотела знать, что ньют наденет на вечеринку, какой косметикой воспользуется, куда отправится на предклубный аперитив и на традиционную попойку после вечеринки. Нужно попытаться попасть туда, где окажется больше всего знаменитостей. Прислонившись к колонне, ньют отмечает тридцать крупных имен из списка Ниты.

Двое раکشасов охраняют вход в святилище и в бесплатный бар. Ритм – Адани, ремикс «Библейских Братьев». Сверху опускаются раскачивающиеся ятаганы. Актеры настоящие, из плоти и крови, но нижние дополнительные конечности – искусственные. Тал в восторге от грима, покрывающего тела актеров целиком. Он безупречен.

Демоны сканируют его приглашение. Мечи поднимаются – вход свободен. Тал вступает в страну чудес. Сюда заявились все ньюты города. Тал отмечает, что его доходящее до колен пальто из ворсистого оптоволокна все еще «последний крик», но с каких пор в моду в качестве аксессуара вошли лыжные очки, которые носят на лбу? Талу не нравится в чем-то отставать. Головы поворачиваются в сторону ньюта, когда он идет к стойке бара, а затем наклоняются друг к другу. Тал чувствует, как волна сплетен поднимается за его спиной. Кто этот ньют?... Этот ньют совершенно никому не знаком... Где

он прятался до сих пор?

Меня не волнует ваша болтовня, говорит себе Тал. Я здесь для того, чтобы взглянуть на звезд... Ньют усаживается в конце изогнутой светящейся барной стойки из пластика и оглядывает оттуда присутствующих знаменитостей. Четырехрукий бармен с акробатической ловкостью смешивает коктейли. Тал в восторге от расторопности здешних роботов.

– Что это за коктейль? – спрашивает ньют, указав на флюоресцентный конус золотистого льда, покачивающийся на одной из своих вершин на стойке бара.

– «Не-Русский», – отвечает бармен, а нижняя рука поднимает еще один бокал.

Тал делает осторожный глоток. В основе напитка, несомненно, водка плюс что-то с привкусом ванильного сиропа, немного фруктового сока, хорошая струя немецкого шнапса с корицей... Между льдинками на дно опускаются хлопья золотой фольги.

Тут в ходе вечеринки происходит резкий поворот. Все мгновенно поворачиваются в одну сторону, образовав коридор напряженных и заинтересованных взглядов, – и в одежде из шкуры белого медведя, с золотистыми лыжными очками на лбу появляется звезда – ЮЛИ.

Тал лишается дара речи. Ньют парализован присутствием знаменитости. Все ухищрения масс-медиа кажутся ничтожными. Даже до появления Юли ньют боготворил супер-звезду как результат сложного творчества, в чем-то сходного с

подбором актерского состава для «Города и деревни». И вот Юли перед ним во плоти, в своих ошеломляющих одеждах... и Тал переживает настоящее потрясение. Ньют должен находиться рядом с Юли. Ньют должен чувствовать дыхание Юли, слышать смех Юли, ощущать тепло Юли. С этого мгновения в храме есть только два реальных существа. Гости, ньюты, персонал, музыканты – все становится неопределенным и расплывчатым в царстве Ардханарисвары.

Теперь Тал стоит за спиной Юли, достаточно близко, что бы протянуть руку, коснуться, ощутить материальность божественного. Внезапно Юли оборачивается. Тал улыбается широкой глуповатой улыбкой. О боже, я выгляжу как слюнявый debil!.. Что мне сказать? Ардханарисвара, бог двойственного, помоги. Боже! От меня, наверное, воняет. У меня ведь была всего одна бутылка воды, чтобы вымыться...

Взгляд Юли скользит по ньюту, смотрит сквозь ньюту, уничтожает ньюту и переходит на кого-то за спиной ньюты. Юли улыбается, раскрывает объятия.

– Какая приятная неожиданность!..

Юли проносится мимо. Теплое касание мехов, золотистый загар и скулы, как бритвы. За Юли следует свита. Кто-то толкает Тала, выбивает бокал из руки ньюты. Он падает на пол, какое-то мгновение бешено вращается. Тал стоит в растерянности, окаменев, подобно многочисленным статуям храма.

– Вы, кажется, потеряли свой коктейль.

Голос, пробившийся сквозь стену оглушающей болтовни, не принадлежит ни мужчине, ни женщине.

– Ну-ну, не расстраивайтесь. Это всего лишь сборище наглых сучек, сестричка, а мы для них просто часть декора.

Череп у подошедшего ньюта не такой удлиненный, как у Тала, кожа смуглая, глаза имеют монголоидный разрез: явно не обошлось без непальских или ассамских генов. В ньюте есть что-то от присущей обоим народам застенчивой гордости. Ньют безразличен к моде, одет в белое, обритый череп посыпан золотистой слюдой – единственная уступка современному стилю. Как со всеми ньютами, Талу трудно определить возраст подошедшего.

– Транх.

– Тал.

Они раскланиваются и обмениваются приветственным поцелуем. Пальцы у ньюта длинные и элегантные, с французским маникюром. У Тала они короткие, приплюснутые от бесконечной работы с клавиатурой, с обкусанными ногтями.

– Мерзко, чертовски мерзко, не так ли? – говорит Транх. – Пей, дорогуша. Вот!... – Ньют стучит костяшками пальцев по стойке. – Хватит этой «Не-Русской» мочи. Дайте мне джина. На двоих.

После театрального, слишком навороченного коктейля бокал чистого джина с лимоном кажется таким приятным, таким охлаждающим, таким бодрящим... Тал чувствует, как холодное пламя поднимается вверх и ударяет в голову.

– Потрясающий напиток! – восклицает Тал.

– Все переворачивает. Хинин! Вот!.. – Ньют поворачивается к аватаре за стойкой. – Господин актер! Еще два таких же.

– О, мне больше не надо, у меня работа завтра с самого утра. Я не представляю, как буду возвращаться домой, – говорит Тал, но ньют сует ему в руку ледяной, покрытый капельками влаги бокал.

В музыке пробивается завораживающий ритм, а по развалинам храма бежит порыв ветра, увлекая за собой тени и язычки пламени. Все поднимают глаза, задаваясь вопросом, не первое ли это дуновение муссона.

Ветер приносит толику безумия в жуткую скуку вечера, и у Тала начинает кружиться голова. Ньют чувствует странную легкость, стремление болтать без умолку и непонятное желание оказаться в каком-нибудь другом городе, на другой работе, в гуще жизни – рядом с маленьким, смуглым и таким безумно красивым ньютом.

Дальнейшее похоже на письма под дождем. Тал неожиданно для себя обнаруживает, что начинает танцевать. Ньют не помнит, как оказывается на танцполе. Вокруг стоят люди, наблюдающие за ньютом. Собственно, танцует только Тал, но танец его превосходен, безупречен. Тал похож на ветер, только что пролетевший по храму и собравшийся в одном месте, в один порыв. Ньют похож на свет, ночь, искушение, на лазерный луч, направленный на Транх и освещающий

только ньюта. «Я хочу, я стремлюсь, я мечтаю». Ну же... Манящий жест... да, он влечет к себе Транх, шаг за шагом выводя ньюта из толпы. Ньют улыбается, отрицательно качает головой. Я подобными вещами не занимаюсь, дорогуша. Но ньют втягивается в круг непредсказуемой игрой шакти и пурши. Тал видит, как дрожит Транх, словно нечто – некая отверженная, демоническая ночная сущность – выскользнуло из ночной темноты и проникло в ньюта. Транх начинает улыбаться безумной замороженной улыбкой, и вот они уже оба выходят в центр, со всех сторон окруженные музыкой: охотник и его жертва. Все взгляды устремлены на них. Краем глаза Тал видит Юли, самую яркую звезду на небесах, торжественно удаляющуюся в сопровождении свиты. Но это происходит где-то там, ближе к заднику сцены...

Присутствующие ждут кульминации танца – поцелуя, но, несмотря на бесчисленные эротические скульптуры, откровенно демонстрирующие себя со всех колонн и опор храма, Тал и Транх – индийские ньюты, время и место для их поцелуя не здесь и не сейчас.

И вот они уже сидят в такси, и Тал не знает, как и куда они едут, но вокруг темно, а в ушах «эно» продолжает звучать музыка, а голова гудит от выпитого... и все-таки мало-помалу окружающий мир становится более упорядоченным и пристойным. Тал знает, чего хочет ньют. Ньют знает, что должно произойти. И уверенность в этом тупо и ало пульсирует внизу живота ньюта.

Они сидят на заднем сиденье подсакивающего на ухабах фатфата. Рука Тала медленно опускается и касается мягкой поверхности бедра Транх, проводит по ней снизу вверх. После мгновенного колебания пальцы Транх ласкают чувствительную, лишенную волос кожу, нащупывают спрятанные под ней штифты контроля гормональной системы и осторожно вводят в них коды возбуждения. И почти сразу же Тал ощущает, как у него бешено начинает колотиться сердце, как перехватывает дыхание, как кровь приливает к лицу... Половые гормоны играют на струнах его тела, как на ситаре: каждый орган, каждый крошечный капилляр вступает в общий гармоничный напев страсти. Транх протягивает руку Талу. Ньют производит подкожный ввод кода, быстро, легко и незаметно. Ньют чувствует, как напрягается Транх с началом гормонального всплеска. Они сидят рядом в подпрыгивающем такси, не прикасаясь друг к другу, но дрожа от желания, не в состоянии произнести вслух ни единого слова.

Отель расположен неподалеку от аэропорта в уютом уголке – комфортабельный, со сдержанным и неболтливым персоналом. Девушка с усталым и раздраженным лицом в окошке регистрации с явной неохотой поднимает глаза от иллюстрированного журнала. Ночной носильщик вначале вроде бы зашевелился, но затем, получше разглядев вновь прибывших, мгновенно отворачивается и делает вид, что чрезвычайно увлечен происходящим на экране телевизора. Стеклопанный лифт поднимает их по стене отеля в номер на

пятнадцатом этаже. Вокруг – узор из огней аэропорта, словно громадное, разукрашенное драгоценностями черное полотно. Небо усыпано гроздьями созвездий и аэронавигационными огнями транспортных самолетов, столь многочисленных в последние дни из-за объявленного режима повышенной бдительности. Сегодня все дрожит – и небо, и земля.

Они вваливаются в номер. Транх протягивает руки к Талу, но Тал ускользает, ньюту хочется немного подразнить партнера. Есть кое-что еще, что необходимо сделать. Тал отыскивает систему обеспечения гостиничного номера и вкладывает в нее чип. «FUCK MIX». Играет Нина Чандра. Тал покачивается в такт мелодии, закрыв глаза. Ньют изнемогает под волнами поднимающейся в нем страсти. Транх подходит к ньюту, движения Транх также входят в ритм музыки. Транх сбрасывает туфли, белое пальто, парусиновый костюм, шикарное фирменное белье в сеточку... Ньют протягивает руку. Тал пробегает пальцами по клавишам оргазма. Все в мире – лишь саундтрек.

Тал просыпается от жажды и идет в ванную.

Ньют, все еще пьяный, все еще не до конца понявший, что произошло, тупо смотрит на однообразие потока, льющегося из крана. Предра рассвет окрасило комнату в сероватый цвет. За окном слышится непрекращающийся вой самолетов. Что-то есть в этом утреннем свете, нечто, подчеркивающее каждый из крохотных хирургических шрамов на теле Транх. Тал мрачно качает головой.

Ньюту внезапно страшно захотелось расплакаться, но Тал просто ныряет в постель к Транх и дрожит, чувствуя, как партнер, пошевелившись во сне, протягивает руку и обнимает его. Тал снова засыпает – и просыпается только на стук горничной, желающей узнать, может ли она убраться в номере.

Уже десять часов. У Тал от боли раскалывается голова. Транх уже нет. Одежда ньюта, туфли ньюта, тонкое прозрачное белье ньюта. Перчатки ньюта... Ньюта больше нет. Вместо ньюта визитная карточка с названием улицы и номером дома.

Вишрам

Конферансье уже сумел рассмешить аудиторию. Здесь, в артистической уборной, Вишрам чувствует, как смех накачивается волнами, словно морской прибой на прибрежный песок. Это уже настоящий хохот. Тот самый хохот, с которым ничего невозможно поделать, который невозможно остановить, даже если он причиняет вам боль. Такой смех – самый лучший звук на свете.

Оставьте мне ваш смех, люди.

Аудиторию можно очень точно охарактеризовать по тому, как она смеется. Есть жидковатое хихиканье южан – и монотонное «ха-ха-ха» обитателей центральных графств, оглушительный грохот островитян, подобный церковному пению, и очень приятное веселье жителей Глазго. Смех родной, отечественной толпы...

Вишрам Рэй топочет ногами, раздувает щеки и читает заметки из «желтой» газетенки, пришпиленные к стенам артистической уборной.

Вы хорошо знаете свое дело. Вы можете проговорить текст в любом порядке – с начала до конца или с конца в начало. На английском, на хинди, стоя на голове, совершенно голым. Вы знаете, где у вас спрятаны главные козыри и на что лучше всего попадается публика. У вас три главные те-

матические отсылки. Вы в курсе, в каких местах можно на ходу внести коррективы и затем продолжать, не сбавляя темпа. Вы способны заткнуть рот любому наглецу и клакеру одним ударом острого словца. Сегодня вечером они будут смеяться кошке у микрофона... но почему же тогда у вас такое чувство, словно кто-то засадил кулак вам в задницу и медленно вытаскивает кишки наружу? На родине выступать тяжело, там всегда самые сложные зрители, а сегодня у них будет еще одно оружие. Палец вверх, палец вниз, голосуй глоткой в соревновании «Смешно Ха-Ха», которое проводится в Глазго и которое сейчас в самом разгаре. Это только первое препятствие на пути в Эдинбург и к премии Перрье, но на нем можно споткнуться и сломать себе ноги.

Конферансье начинает неторопливо разогревать публику. Сидящие справа складывают руки вместе. Сидящие слева оглушительно свистят, заложив два пальца в рот. Зрители на балконе заливаются исступленным хохотом. Зовут господина Вишрама! Рэ-э-э-эй! И вот он выскакивает из-за кулис, бежит по направлению к ярко горящим софитам, восторженному реву публики и своей металлической возлюбленной – стройному стальному торсу одинокого микрофона.

Он видит, как она оставляет пальто у клубного швейцара, и думает: попытка – не пытка. Девушка идет, словно рассекая волны. Высоко подняв голову, глядя по сторонам, Она направляется к бару, обходя помещение по часовой стрел-

ке. Вишрам следует за ней, пробираясь сквозь джунгли человеческих тел. Ее окружает банда дружков. Она настоящий профессионал. Но он может отрезать ее от остальных...

Вишрам точно просчитывает время пути и достигает бара за долю секунды до того, как туда подходит девушка. Барменше приходится одновременно обслуживать двоих, справа и слева.

– О, извините, проходите, пожалуйста! – восклицает Вишрам.

– Нет-нет, вы подошли первым...

– Нет, прошу вас...

Акцент уроженки Глазго. Всегда неплохо выглядеть местным. На ней маечка с двумя бретельками на спине и юбка с заниженной талией, настолько короткая, что, когда девушка наклоняется над стойкой, чтобы прокричать свой заказ барменше, взору Вишрама открываются два соблазнительных изгиба восхитительных ягодиц.

– Да, я возьму это, – обращается она к девице за стойкой и добавляет: – И смешайте мне «Черного пса» с водкой.

– Мы делали ставку на вас... – кричит она Вишраму прямо в ухо.

Он качает головой и одновременно украдкой смотрит в сторону, чтобы убедиться, не смотрят ли на него ее ребята. Они внимательно следят за ним.

– Я плачу. Сегодня чувствую себя миллионером.

На стойке появляются заказанные напитки. Девушка про-

тягивает их своей свите, что теснится у нее за спиной, и чокается с Вишрамом.

– Мои поздравления. Значит, вы прошли?

– Что касается эдинбургского финала, то – да. Для меня это означает славу, богатство, собственную программу на телевидении. – Наступает время для маневра номер один. – Знаете, я не слышу даже собственных мыслей, не говоря уже о возможности вести светскую беседу. Мы не могли бы куда-нибудь удалиться от здешнего нестерпимого шума?

Уголок у сигаретного автомата под балконом ненамного тише, но по крайней мере здесь они будут далеко от ее дружков – и в приятном полумраке к тому же.

– Я голосовала за вас, – говорит девушка.

– Спасибо. В таком случае я тем более был обязан угостить вас. Извините, но в суматохе не расслышал вашего имени.

– Я его и не называла, – отвечает она. – Ани.

– Ани... это хорошее... м-м...

– Французское.

– Да, хорошее французское имя. Старая добрая галльская основательность.

– Я должна благодарить за него родителей. Парочку старых добрых основательных галлов. Знаете, мне кажется, между Бхаратом и Шотландией много общего. Два молодых независимых государства.

– А что вы скажете, когда дело дойдет до старых добрых

столкновений на религиозной почве?

– О, вы явно не видели игру «Старая фирма»...

Пока Ани говорит, Вишрам поворачивается таким образом, чтобы закрыть ей проход к площадке для танцев и к ее друзьям. Завершив маневр номер два – «полная изоляция», – он переходит к маневру номер три. Вишрам делает вид, что узнал музыку.

– Мне она нравится. – На самом деле она вызывает у него отвращение, но это хорошая добрая «115». – Вам нравится стиль «ви-буги»?

– Мне очень нравится стиль «ви-буги», – отвечает Ани и подходит к нему ближе.

Ее глаза загадочно блестят.

Он успевает многое узнать о девушке: она учится в университете Глазго на юридическом факультете, работает в Шотландской национальной партии, ей нравятся горы, новые независимые государства, прогулки с друзьями и возвращение домой без них. Вишраму Рэю все это кажется поистине безупречным, поэтому он заказывает еще один коктейль для девушки, и они идут танцевать. Ее дружки превратились в мрачную группку, сгрудившуюся у самого конца стойки неподалеку от женского туалета. Ани танцует несколько тяжеловато, но с задором. Вишраму нравятся женщины в теле. Где-то посередине танца из кармана его брюк начинает доноситься его имя. Он не обращает внимания на звонок.

– Вы что, не будете отвечать?

Он вытаскивает палм, надеясь, что кто-то хочет поговорить с ним о комедии. Однако он ошибается. Вишрам, это Шастри. Не сейчас, старина. Сейчас совсем не время.

Но вечеринка уже начинает надоедать ему. Надо переходить к маневру номер четыре.

– Вы предпочитаете остаться здесь? Или мы пойдем куда-нибудь еще?

– Мне все равно, – отвечает она. Хороший ответ.

– Вы не против зайти ко мне на чашечку кофе?

– Не против, – говорит она. – Почему бы и нет?

На улице, на Байрес-роуд, все еще длится тот волшебный час, который лазурным заревом расстилается над городскими крышами. Свет автомобильных фар кажется не естественным, театральным, словно ночную сцену снимают днем. Такси медленно тащится сквозь полуночные сумерки. Ани сидит рядом с ним на широком кожаном сиденье. Вишрам осторожно касается ее рукой. Девушка откидывается назад, приподнимая подол необычайно короткой юбки. Он задевает пальцем за эластичные трусики. Переход к маневру номер пять...

– Вы смешной человек, – говорит она, направляя его руку.

Золотистый куб многоквартирного дома, кажется, светится в полутьме. Вишрам чувствует на лице волну тепла, накопленного камнем за день и теперь отдаваемого редким прохожим. Из парка доносится аромат недавно скошенной

травы.

– Хорошее место, – замечает Ани. – И дорогое.

Рука Вишрама все еще у нее под юбкой, движением горячего пальца он направляет ее вверх по лестнице. Мышцы его живота, пах, дыхание – все говорит ему, что он овладеет ею сразу же, без всяких прелюдий, прямо на полу своей квартиры. О, как ему хочется услышать ее стоны и возгласы при приближении оргазма!.. Он рассмотрит каждую клеточку на ее вожделенном теле, узнает, чего она хочет от тела партнера. Вишрам готов выбить дверь в квартиру от нестерпимого приступа желания. Он раздраженно поддает носком туфли что-то, попавшееся под ноги. Огни выхватывают из сумрака серебристо-зеленый логотип Компании.

– Одну самую маленькую секундочку...

Его возбуждение вдруг начинает спадать.

Пластиковый пакет адресован Вишраму Рэю. Квартира 1а, 22, Келвингроув-террас, Глазго, Шотландия. Чувствуя приступ тошноты от внезапного отрезвления и совершенное исчезновение всякого сексуального желания, Вишрам открывает пакет. Внутри лежат две бумажки: письмо от Шастри, его старого слуги, и билет первого класса от Глазго до Варанаси.

В зале ожидания «Бхарат эйр» раджа-класса Вишрам начал заигрывать с дамой в весьма изысканном дорожном костюме – и потому, что еще не окончательно пережил свою

победу, и потому, что опьянение еще не совсем улетучилось... но в основном, конечно, из-за нереализованного желания.

Не успел он застегнуть молнию на походной сумке, как прибыл лимузин. Вишрам предложил Ани подвезти ее до дома. Она ответила ему ледяным и по-гэлльски основательным взглядом настоящей активистки Шотландской Национальной Партии.

– Извините, семья...

Она казалась такой замерзшей в мини-юбке, когда спешила домой по июньскому предраассветному Глазго.

У Вишрама оставалось десять минут до завершения регистрации пассажиров. Он оказался единственным обитателем своего отсека на небольшом самолете, летевшем до Лондона. Когда он шел по крытому переходу, у него немного кружилась голова от скорости, с которой развивались последние события.

Вишрам напрямик направился в зал ожидания для пассажиров первого класса с намерением выпить водки. Душ, бритье, смена одежды и стаканчик «польской» восстановили обычную Вишрамову бодрость. И он вновь почувствовал себя достаточно в форме для того, чтобы заигрывать с женщиной в дорожном костюме. Ну, по крайней мере для начала завести с ней светскую беседу... Хотя бы просто для того, чтобы как-то провести время.

Ее зовут Марианна Фуско. Работает адвокатом в одной

корпорации. Ее вызвали в Варанаси для участия в рассмотрении запутанного дела о поручительстве.

– Я? О, я просто паршивая овца, шут, не более. Самый младший в семье. Меня послали в Англию в Оксбридж¹² изучать юриспруденцию. Но упомянутое начинание закончилось тем, что я оказался в Шотландии, пытаюсь сделать карьеру эстрадного комедианта. Между прочим, это наивысшее выражение человеческого творчества. И, кстати, не так уж сильно отличается от юриспруденции, как я подозреваю. И клоун, и адвокат – мы с вами оба герои арены.

Шутка проходит мимо ее сознания. Женщину интересует совсем другое.

– Сколько у вас братьев?

– Большой медведь, средний медведь...

– А сестры?

– Сестер в Варанаси маловато, по крайней мере в моей его части.

– Я об этом слышала, – говорит она и удобно располагается в кресле, повернувшись к нему лицом. – Даже интересно, каким может стать общество, когда в нем мужчин в четыре раза больше, чем женщин.

– И очень мало женщин-адвокатов, – отвечает Вишрам. – Могу я предложить вам еще немного водки? Полет предстоит долгий...

¹² Обобщенное название двух самых известных университетов Англии: Оксфордского и Кембриджского

Вскоре – после третьей стопки – их приглашают пройти на борт лайнера. Место Вишрама где-то в самом конце салона. После нескольких лет перелетов в экономическом классе место для ног здесь ему кажется очень просторным. Он так увлечен новыми впечатлениями, что не замечает пассажирку, пристегивающую ремни рядом с ним.

– О, привет, какое совпадение! – восклицает Вишрам.

– Вовсе нет, – отвечает Марианна Фуско, снимая жакет. Под парчовой блузкой чувствуется мускулистое тело. Первый арманьяк приносят, когда они находятся над Бельгией – гиперзвуковой самолет медленно взбирается на свою обычную тридцатитрехкилометровую высоту полета. Арманьяк не относится к числу любимых напитков Вишрама. Он поклонник водки. Но в данный момент ему кажется, что арманьяк идеально подходит для той роли, которую он пытается играть. И пока самолет несет их по небу цвета индиго, они с Марианной беседуют о детстве. Она выросла в громадном семействе, расплзавшемся по странам и континентам из-за бесконечных разводов и новых браков ее родителей. Женщина называет свою семью семьей-созвездием. Вишрам рассказывает о детстве, проведенном среди патриархальной буржуазии Варанаси. Индийская социальная стратификация одновременно и интригует, и настораживает ее, как всегда бывает с англичанами. Именно это на протяжении столетий они по-настоящему ценили в индийской культуре и литературе. Вину и восторг от настоящей, доведенной до предель-

ного совершенства классовой системы.

– Я родился в довольно состоятельной семье. – Вишрам, бери выше... – Не в брахманской, конечно. Не в брахманской с большой буквы «Б», хочу я сказать. Мой отец – кшатрий, очень набожный по-своему. Всякие подтасовки ДНК, с его точки зрения, выглядели бы просто кощунством...

Еще два арманьяка – и разговор начинает зависеть, постепенно переходя в полудрему. Откинувшись на спинку удобного кресла, Вишрам натягивает плед почти до самой шеи. Так приятно представлять нестерпимый холод, царящий за наноуглеродной обшивкой самолета... Марианна под пледом прикикает к нему. Он чувствует ее тепло и близость. Она дышит в одном ритме с ним.

Маневр номер шесть.

Где-то над Ираном Вишрам кладет руку ей на грудь. Женщина еще ближе придвигается к нему. Поцелуй. Привкус арманьяка на губах и языке. Она прижимается к нему. Он обнажает ее грудь, расстегивая белую блузку. У Марианны большие ареолярные круги вокруг сосков, а сами соски напоминают пули. Она расстегивает крючок на своей удобной, но очень деловой юбке. Он касается языком соска и пытается просунуть пальцы под блузку, но Марианна предупреждает его движение и направляет пальцы Вишрама к некоему отверстию, уже ждущему его прикосновения. Она издает громкий вздох, берет его за руку и ловко расстегивает молнию. Тяжелый член Вишрама Рэя свисает между сиденьями. Ма-

рианна ласкает большим пальцем его головку. Вишрам, стараясь не издавать лишних звуков, которые может услышать стюардесса, начинает ласкать клитор Марианны.

– Давай, – шепчет она. – Вращай им и так трахай меня.

Она приподнимает и сгибает ногу, глубже сядясь ему на палец. Камасутра на высоте тридцати трех километров. На расстоянии одной четверти пути до околоземной орбиты Вишрам Рэй осторожно кончает в салфетку раджа-класса «Бхарат эйр». Марианна сидит, зажав во рту край подушки, издавая приглушенные возгласы, напоминающие сдавленное мяуканье. Вишрам откидывается на спину, внезапно почувствовав нестерпимую тяжесть во всем теле.

Они приводят себя в порядок в туалете – по отдельности, но не в силах сдерживать хихиканье при каждом случайном взгляде, брошенном друг на друга. Поправляют одежду и, немного придя в себя, возвращаются на свои места. И почти сразу же чувствуют перемену высоты – самолет идет на посадку, ринувшись подобно горящему метеору по направлению к Индо-Гангской долине.

Вишрам ждет женщину на противоположной стороне линии таможенного досмотра. Покрой ее костюма вызывает у него восторг, а рост и уверенная походка выделяют Марианну среди низкорослых бхаратцев. Он знает, что можно не ждать никаких звонков, никаких e-мейлов, никаких внезапных возвращений к прошлому. Чисто профессиональные от-

ношения.

– Хотите, я подвезу вас? – предлагает Вишрам. – Отец наверняка прислал за мной машину. Я понимаю, это смешно, но во многих отношениях он очень старомоден. Мне не составит труда добросить вас до отеля.

– Спасибо, – отвечает Марианна. – Мне не нравится сам вид здешних такси.

Лимузин сразу бросается в глаза. На крыле автомобиля флажки «Рэй пауэр компани». Вишрам без особого труда поднимает большую сумку Марианны, засовывает ее в багажник, разогнав стайку нищих и калек. Несколько секунд нестерпимой жары между аэропортом и салоном автомобиля с кондиционированным воздухом буквально оглушают Вишрама. Он слишком привык к холодному климату. И уже успел забыть здешний аромат, похожий на запах сгоревших роз.

Автомобиль делает рывок и буквально въезжает в плотную стену цвета и звука Вишрам чувствует жару, тепло человеческих тел, углеводородный налет на стекле. Люди вокруг. Непрекращающийся поток лиц. Тела.

Вишрам обнаруживает в себе новое чувство. В нем присутствует некий меланхолический оттенок сходства с тоской по родине, но выражается оно этой жуткой, совсем не романтической грязью человеческих толп, заполняющих местные бульвары. Не тоска, а «тошнота по родине». Ностальгический ужас.

– Рядом с развязкой Саркханд, не так ли? – спрашивает Вишрам на хинди. – Мне бы хотелось увидеть...

Водитель покачивает головой и сворачивает направо.

– Куда мы едем? – спрашивает Марианна.

– В одно место, где вы сможете рассказать о своем семействе-созвездии, – отвечает Вишрам.

Баррикады, сооруженные полицией, перегораживают главный проспект, поэтому водитель направляет автомобиль по узкому кишечнику боковых улочек и буквально врывается в уличную демонстрацию.

Шофер жмет на тормоза. Молодой мужчина падает на капот их автомобиля. Потом поднимается. Видимо, столкновение просто оглушило его. Это круглолицый парень с едва пробившимися усиками над верхней губой. Пассажиры автомобиля потрясены. Мгновенно внимание толпы переключается с ярко разукрашенной статуи Ханумана под тенистым балдахином на лимузин. Кулаки барабнят по капоту, по крыше, по дверцам. Люди начинают раскачивать автомобиль. Толпа узрела своего врага: здоровенный «мерседес» с тонированными стеклами и флажками компании – то, что в их представлении ассоциируется с силами, собирающимися уничтожить их святое место и превратить его в очередную станцию метро.

Водитель дает автомобилю задний ход, едет по проулку под только что выстиранным бельем, развешенным подобно знаменам, под разваливающимися старенькими балконами.

Вслед лимузину летят кирпичи, оставляя вмятины на металле. Марианна невольно вскрикивает, когда лобовое стекло вдруг покрывается паутиной трещин. Водителю удастся протиснуться между двумя башнями из бамбуковых лесов. Молодые карсеваки преследуют их автомобиль, бьют по нему своими лати, призывая проклятия на безбожных Ранов и их дьявольских мусульманских пособников-колдунов. Они размахивают разорванным флагом компании. Стоит бросить в этом районе всего одну бутылку с зажигательной смесью, и погибнут сотни, думает Вишрам. Но шофер умело направляет машину по хитросплетению переулков, находит внезапно образовавшийся промежуток в сплошном потоке автомобилей и задом въезжает в него. Грузовики, автобусы, мопеды внезапно останавливаются. Водитель тоже жмет на тормоз. Юные фанатики преследуют их, ныряют в автомобильную реку, скользят между авторикшами и японскими пикапами, расписанными индуистской символикой. Бегут, подпрыгивая, нагоняют...

Водитель поднимает руки – жест отчаяния. При таком движении ничего не сделаешь. Вишрам бросает взгляд через плечо. Преследователи настолько близко, что он различает пуговицы у них на рубашках. И тут Марианна вскрикивает: «Боже мой!»

Автомобиль резко тормозит, Вишрама бросает вперед, и он сильно разбивает нос о спинку водительского сиденья. Оглушенный, с глазами, полными слез, он видит, как слов-

но бы с неба перед ним падает стальная фигурка демона. Равана-пожиратель, повелитель злых духов, восседающий на согнутых гидравлических титановых ногах и держащий десять кинжалов, подобно вееру. Крошечная головка, напоминающая голову богомола, смотрит прямо в лицо Вишраму, открывая целый арсенал сенсорных устройств, похожих на инструментарий дантиста. И вновь прыжок. Вишрам слышит, как когти на ногах демона царапают крышу автомобиля. Вишрам поворачивается, выглядывает в заднее окно и видит, что чудовище приземлилось рядом с автобусной остановкой. Уличное движение застывает, карсеваки разбегаются, будто горные козлы. Чудище неуклюже движется по улице, шевеля своими устрашающими приспособлениями. На щитке, похожем на панцирь насекомого, у него нарисованы полосы и звезды.

Американский боевой робот.

– Что за?..

Они начали войну, пока он был в эмиграции... Водитель указывает на улицу за перекрестком, на улицу с неоновыми витринами и сияющими разноцветными огнями зонтиками кафе, где мужчина в черной и очень дорогой одежде изрыгает проклятия в адрес удаляющегося механизма. За ними останки «мерседеса»-внедорожника. Какой-то человек подбирает куски разбитой электроники и металлических конструкций и бросает их вслед удаляющемуся чудищу.

– Я все же не...

– Саиб, – отвечает водитель, заводя мотор. – Неужели вас так долго не было, что вы успели забыть Варанаси?

Остаток пути до отеля Марианны Фуско они едут в мрачном молчании. Женщина вежливо благодарит Вишрама, швейцар приветствует их, поднимает ее сумку, и Марианна поднимается по ступенькам лестницы, ни разу не обернувшись.

Значит, никакого продолжения не предвидится.

Разбитый лимузин сворачивает в ворота между автомастерской и колледжем информационных технологий, располагающимися под сенью деревьев Ашоки. И сразу же Вишрам оказывается в совершенно ином мире. Самое первое, что можно приобрести за деньги в Индии, – это уединение. Оглушительный уличный шум вдруг превращается в отдаленное биение городского пульса. Безумие Варанаси здесь кажется бесконечно далеким.

Чтобы отметить возвращение блудного сына, слуги зажгли огни вдоль всей подъездной дорожки. Вишрама приветствуют барабанщики мерной дробью своих барабанов. Они сопровождают автомобиль до самого дома. И вот он сам – дом, большой, горделивый, сказочно белый в потоках яркого света. Вишрам чувствует, как на глаза наворачиваются слезы. Когда он жил под крышей этого особняка, ему всегда было стыдно за то, что он принадлежит к обитателям дворцов. Вишрам всякий раз произвольно сгибался под тяже-

стью его колонн, фронтонов, широких портиков среди густых зарослей жимолости и гибискуса. Он ненавидел его отвратительный белый цвет, интерьеры – полированный мрамор и старинная причудливая непристойная резьба по дереву, потолки, расписанные в непальском стиле... Купеческое семейство построило этот дом еще во времена британского владычества – в стиле, который должен был постоянно напоминать им о родине. Они называли его Шанкер-Махал.

И вот теперь, когда Вишрам выходит из машины, его прежний юношеский максимализм, подростковое бунтарство и смущение из-за принадлежности к привилегированному классу куда-то уходят, а дом окружает его давними, но памятными до сих пор ароматами застоявшейся пыли, деревьев ним,¹³ мускусным благоуханием рододендронов и едва уловимым зловонием канализации, никогда здесь по-настоящему не работавшей.

Они ожидают его на ступеньках лестницы. На самой нижней стоит старик Шастри. По бокам вся домашняя прислуга в два ряда: женщины слева, мужчины – справа. Рам Дас, почтенный старый садовник, все еще среди них: возраст его уже совершенно непредставим, но он по-прежнему – и Вишрам несколько в этом не сомневается – ведет жестокую войну с вездесущими обезьянами.

Где-то посередине лестницы стоят его братья. Старший, Рамеш, кажется более высоким и худым, чем обычно, словно

¹³ Разновидность красного дерева

его по-настоящему затягивает межзвездное пространство, изучением которого он занимается. И рядом с ним, как и прежде, ни одной сколько-нибудь значительной женщины. Даже в Глазго до Вишрама доходили слухи о поездках Рамеша на уик-энд в Бангкок... А рядом его идеальный брат – Говинд. Идеальный костюм, идеальная жена, идеальные дети-близнецы Руну и Сатиш. От взгляда Вишрама не ускользает и жирок, который начинает набирать братец. Звезда Ди-Ди, бывшая ведущая утренней телепрограммы и завидная невеста, стоит рядом с Говиндом. А рядом с ней расположилась аяя с последним отпрыском династии на руках. С девочкой. Почти чудо для 2047 года. Вишрам гукает и воркует над крошкой Приейей, но, присмотревшись к ней, начинает думать, что она из касты брахманов. Об этом говорит сама ее физиология, на уровне феромонов, какой-то явный сдвиг в биохимии тела.

Мать Вишрама стоит на верхней ступеньке. Такая, какой Вишрам всегда помнил ее, величественная в своей почти-тельности. Тень среди высоких колонн.

Однако среди присутствующих нет его отца...

– А где папа? – спрашивает Вишрам.

– Он встретится с нами завтра в своем главном кабинете. – Единственное, что произносит мать в ответ.

– Ты не знаешь, к чему все это? – спрашивает Вишрам у Рамеша, когда приветствия, слезы умиления и радостные восклицания наконец-то смолкают.

Рамеш только качает головой, а Шастри движением пальца приказывает носильщику отнести чемоданы Вишрама в его комнату. Вишраму совсем не хочется отвечать на вопросы по поводу лимузина, и поэтому, сославшись на невыносимую усталость после перелета и пересечения нескольких часовых поясов, он идет спать.

Вишрам ожидал, что его проводят в старую детскую, но носильщик следует в комнату для гостей, расположенную в восточной части дома. Вишраму неприятно, что его здесь рассматривают как гостя, как временного обитателя дома. Но, оставшись в одиночестве и начав раскладывать по громадным шкафам и комодам красного дерева те немногие вещи, которые привезены с собой, он радуется, что в этой комнате его не окружают со всех сторон детские воспоминания, не указывают ему с раздражающей назойливостью о безвозвратно ушедших временах. Они вновь потащили бы Вишрама в прошлое...

В доме никогда не было нормальных кондиционеров, поэтому Вишрам сбрасывает с себя всю одежду и обнаженный падает на простыни, ужасаясь нестерпимой жары. Он лежит и рассматривает загадочные узоры на расписном потолке под стук и тархтение обезьян в зарослях за окном.

Вишрам уже где-то на самом краю сна, почти проваливается в пропасть полного забытья, когда внезапно, вздрогнув, просыпается от какого-то полузабытого звука, врывающегося в комнату. Понимая, что ему больше не заснуть, и сми-

рившись с этим, Вишрам обнаженный выходит на старинный железный балкон.

Атмосфера и аромат города Шивы со всех сторон овевают его нагое тело. По желтому небу скользят мигающие огни самолетов. Солдаты, летающие по ночам. Вишрам пытается представить себе войну. Роботы-убийцы, бегающие по переулкам, титановые кинжалы во всех четырех руках аватары Кали. Штурмовики-сарисины, пилотируемые «летчиками», которые в реальности находятся на расстоянии многих сотен тысяч километров отсюда, на бреющем полете несутся к Гангу. Американские союзники Авадхи воюют в современном стиле, когда все солдаты сидят дома в полнейшей безопасности. Они убивают, располагаясь в другом полушарии планеты.

Вишрам начинает бояться, что картина, свидетелем которой он был на улице, может стать пророческой. У загнанных в угол нехваткой воды и выступлениями фундаменталистов Ранов выбор совсем не велик.

Хруст гравия, какое-то движение на серебристой лужайке. Из лунных теней появляется Рам Дас. Вишрам застывает на балконе. Еще одна его оплошность, вызванная западными привычками, из-за принципиально иного отношения к нагому. Рам Дас выходит на подстриженную лужайку, раскрывает полы дхоти и мочится при ярком свете ленивой индийской луны, похожей на возлежащую храмовую статую гандавы. Оправившись, садовник оборачивается, медленно кива-

ет Вишраму, не то приветствуя, не то благословляя. Потом уходит. Раздается крик павлина.

Наконец-то дома...

САТ ЧИД ЭКАМ БРАХМА

9

Вишрам

Еще полчаса назад Вишрам Рэй хвастался, что у него никогда не было костюма. Но он всегда понимал, что наступит день, когда костюм ему понадобится, и на такой случай у семейства китайских портных в Варанаси имелись все его размеры, а также несколько видов ткани на выбор, материя для подкладки и две рубашки. И вот теперь Вишрам сидит в этом самом костюме – в кресле за громадным тиковым столом совета директоров компании «Рэй пауэр».

Костюм прибыл в Шанкер-Махал всего полчаса назад с курьером на велосипеде. Вишрам еще стоял у зеркала иправлял воротник и манжеты, когда к ступенькам особняка подъехал целый кортеж автомобилей. И вот он уже на двадцатом этаже небоскреба «Рэй пауэр», откуда Варанаси кажется грязновато-коричневым туманным пятном, распластанным где-то далеко внизу, а Ганг – отдаленным завитком тусклого серебра. И никто до сих пор не соизволил ему объяснить, в чем же все-таки дело.

Да, эти китайцы действительно гениальные портные. И

в тканях разбираются по-настоящему. Воротник подходит идеально. Швы практически не видны.

Двери зала совета директоров открываются. Входят адвокаты компании. Вишрам Рэй на мгновение задумывается, каким собирательным существительным можно было бы называть всех здешних юристов. Стадо? Шайка?..

Последней в зал входит Марианна Фуско. У Вишрама от удивления отвисает челюсть. Марианна едва заметно и вполне официально улыбается ему – совсем не так, как можно было бы ожидать от женщины, с которой вы, во-первых, занимались любовью в самолете и, во-вторых, попали в опасную уличную потасовку.

Она садится прямо напротив Вишрама. Под тиковой крышкой стола он включает палм и набирает текст.

ЧТО, ЧЕРТ ВОЗЬМИ, ВЫ ЗДЕСЬ ДЕЛАЕТЕ?

Секретари открывают двойную дверь, и в зал входят члены совета директоров компании.

Я ЖЕ ГОВОРИЛА ВАМ, ЧТО ЛЕЧУ ЗАНИМАТЬСЯ ИЗУЧЕНИЕМ НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМ СЕМЕЙНОГО БИЗНЕСА.

Вишрам видит ответ Марианны прямо у нее над грудью. Женщина вновь в том великолепном сером деловом костюме, в котором была в самолете. Но и он сегодня выглядит не хуже.

Банкиры и представители кредитных союзов занимают места за столом. Многие из руководства мелких сельских

кредитных банков ни разу в жизни не выезжали так далеко от места расположения своих учреждений. В то мгновение, когда Вишрам спокойным и уверенным жестом левой руки наливает себе в стакан минеральную воду, а правой печатает: ЭТО ЧТО, ИГРА? в комнату входит его отец.

На нем совсем простой костюм – только длина пиджака кажется уступкой моде, – но все головы сразу же поворачиваются в его сторону. На лице отца Вишрам замечает то самое выражение, которое он видел лишь один раз в жизни, еще будучи ребенком. Тогда отец занимался созданием компании... Это выражение решимости и спокойной уверенности в собственной правоте.

За отцом следует Шастри, его вечная тень.

Ранджит Рэй подходит к председательскому месту. Но не садится. Он стоя приветствует членов совета и приглашенных. Кажется, что громадное помещение, обитое панелями из дорогого дерева, буквально гудит от предельного напряжения. Вишрам отдал бы все, чтобы и его встречали так же.

– Коллеги, партнеры, уважаемые гости, мои дорогие родственники, – начинает Ранджит Рэй. – Прежде всего я хочу выразить вам свою признательность за то, что вы нашли возможность приехать сегодня сюда. Многим из вас это стоило значительных затрат и неудобств. Позвольте мне сразу же заверить, что я не стал бы настаивать на вашем приезде, если бы не считал вопрос, предлагаемый сегодня вашему рассмотрению, делом принципиальной важности для дальней-

шего существования нашей компании.

Голос Ранджита Рэя не слишком громок и глубок по звучанию, но каждая его модуляция доходит до самых отдаленных уголков зала. Вишрам не помнит, чтобы отец вообще когда-либо повышал голос.

– Мне шестьдесят восемь лет. Я уже три года назад переступил ту возрастную черту, которая на Западе в их традициях бизнеса рассматривается как завершение экономически полезного периода жизни. В Индии же это – время внутренней сосредоточенности и созерцания, размышления о тех жизненных тропах, по которым по каким-то причинам пройти не удалось, и о тех, которыми еще можно двигаться.

Ранджит Рэй делает глоток из стакана с минеральной водой.

– Обучаясь на последнем курсе политехнического факультета Индийского университета в Варанаси, я понял, что экономические законы подчинены законам физики. Физические процессы, лежащие в основе существования нашей планеты и управляющие жизнью, накладывают непреодолимые ограничения на развитие бизнеса, обозначая верхние границы его развития, подобно тому пределу, который константа скорости света накладывает на возможности нашего познания вселенной. Именно тогда я осознал, что являюсь не просто инженером, а индийским инженером. Исходя из этого, я пришел к выводу, что если мне суждено использовать свои способности и знания для того, чтобы сделать Индию силь-

ной и уважаемой в мире страной, то я должен делать это по-индийски.

Он бросает взгляд на жену и сыновей.

– Члены моей семьи слышали мое сегодняшнее признание уже неоднократно, но я надеюсь, что они простят меня за повторение. Целый год я провел в паломничестве. Я следовал принципам бхакти и совершал пуджу в семи священных городах, я принимал омовения в святых реках и обращался за советом к свами и садху. И каждому из них во всех храмах и святых местах я задавал один и тот же вопрос.

Как может бизнесмен вести праведную жизнь? – спрашивает себя Вишрам. Он ведь на самом деле слышал произносимую сейчас проповедь немыслимое число раз. Проповедь о том, как стоящий перед ними простой индийский инженер использовал крор рупий, предоставленный ему небольшим кредитным объединением, чтобы построить не требующий сложного обслуживания углеродный генератор солнечной энергии, основанный на нанотехнологиях. В дальнейшем таких устройств было произведено около пятидесяти миллионов. Плюс предприятия по очистке спиртового топлива, заводы по производству биомассы, ветровые электростанции, приливные электро- и теплостанции, научно-исследовательский институт, приведший индийских интеллектуалов вплотную к решению проблем нулевой энергетики. В настоящее время «Рэй пауэр» является одной из ведущих индийских компаний Бхарата. Индийских в том смысле, что

она на протяжении всех лет своего существования отличалась предельно щадящим отношением к природе, бережно и с благодарностью принимая дары Земли и вселенной, подчиняясь движению великого колеса сансары. Теперь это компания, решительно и без боязни окунающаяся в мальстрем мирового рынка. Компания, которая заказывает самому модному и талантливому современному индийскому архитектору строительство своего центрального здания из стекла и древесины – и одновременно включает далитов в состав совета директоров.

Впрочем, история, которая звучит сейчас неизвестно в который уже раз, без сомнения, заслуживает всяческого внимания и уважения, но Вишрама в данный момент гораздо больше занимает обтянутая парчой грудь Марианны Фуско. Между ними появляется следующее послание нагло сиреневого цвета.

СЛУШАЙТЕ ОТЦА!

МЕ-Е, МЕ-Е, «ПАРШИВАЯ ОВЦА», – печатает он в ответ.

ВЕДИТЕ СЕБЯ ПРИЛИЧНО! – отвечает она.

О, ИЗВИНИТЕ. ЭТО ВСЕГО ЛИШЬ САРКАЗМ! – парирует Вишрам, выводя большие синие буквы поверх изысканного костюма, и чуть было не пропускает важнейшую часть выступления отца.

– ...вот почему я решил, что вновь наступило время задаться вопросом: что значит вести благочестивую жизнь?

Вишрам Рэй поднимает взгляд. Нервы всех присутствующих напряжены до предела.

– Сегодня в полночь я оставляю пост президента «Рэй пауэр». Я отказываюсь от всего своего богатства, влияния, престижа и, естественно, от всех своих обязанностей. Я оставляю дом, семью и вновь беру посох и котомку садху.

Присутствующие впадают в оцепенение, сходное с последствиями отравления нервно-паралитическим газом. Ранджит Рэй улыбается, пытаясь снять напряжение. Никто не обращает ни малейшего внимания на эту его сострадательную улыбку святого.

– Я хочу, чтобы вы поняли: решение далось мне с большим трудом. Я в течение длительного времени обсуждал его с женой, и она полностью согласна с моим выбором. Шастри, мой помощник и секретарь на протяжении многих десятилетий, присоединится ко мне в моих странствиях – и не в качестве слуги, так как все социальные различия исчезнут для меня сегодня в полночь, а в качестве спутника и соратника в поисках праведного пути.

И вот тут все акционеры вскакивают с мест, кричат, чего-то требуют. Какая-то женщина-далит оглушительно орет что-то на ухо Вишраму о своих клиентах, своих сестрах, но Вишрам вдруг обнаруживает, что абсолютно спокоен, отрешен, прикован к месту чувством неизбежности. У него возникает странное ощущение, будто он знал, что нечто подобное должно произойти, с того самого момента, когда у своей

двери в Глазго нашел авиабилет.

Ранджит Рэй жестом успокаивает присутствующих.

– Друзья мои, прошу вас, не думайте, что я бросаю вас на произвол судьбы. Первое требование к человеку, решившему вести духовную жизнь, состоит в том, чтобы он не оставлял мир безответственно. Вам хорошо известно, что многие другие корпорации стремятся приобрести нашу компанию, но «Рэй пауэр» прежде всего – семейный бизнес, и я ни при каких обстоятельствах не позволю передать его в чужие руки, в чуждую и аморальную систему управления.

Не делай этого, думает Вишрам. И не говори этого...

– Таким образом, я передаю руководство компанией сыновьям – Рамешу, Говинду и Вишраму.

Ранджит Рэй поворачивается поочередно к каждому из названных им, делая благословляющий жест. Рамеш совершенно раздавлен услышанным. Его крупные, покрытые выступающими венами руки лежат на столе так, словно с них заживо содрали кожу. Говинд старается выглядеть уверенно, оглядывает сидящих за столом и уже делит присутствующих на союзников и врагов. Вишрам пребывает в полном оцепенении – словно актер, внезапно забывший текст.

– Я назначил советников, которым полностью доверяю, чтобы они помогали вам в переходный период. Я на вас очень надеюсь, дети мои. Пожалуйста, постарайтесь быть достойными...

Марианна Фуско наклоняется над широким столом и про-

тягивает руку. Рядом с ней на полированной поверхности стола лежит стопка каких-то бумаг. Вишраму бросается в глаза пунктирная линия в самом низу верхней страницы. Здесь должна стоять его подпись.

– Мои поздравления, и добро пожаловать в исследовательский отдел, господин Рэй.

Вишрам пожимает руку, твердое, уверенное и страстное прикосновение которой к собственному члену все еще очень хорошо помнит.

Внезапно он вспоминает «свой текст».

– Король Лир, – почти шепотом произносит Вишрам.

10

Шив

Йогендра выходит из внедорожника посередине улицы – рядом с входом в клуб «Мусст». Полицейские и воры сходны в том, что считают стоянкой любое место, где соблаговолит выйти из автомобиля. Йогендра открывает дверцу хозяину. Велорикши, неистово трезвоня, с обеих сторон объезжают громадную машину.

«Мусст»... потрясающие развлечения... «Тальв» – сообщает яркая неоновая реклама.

С тех пор как практически у каждого появился персональный ди-джей, сарисин с собственными ремиксами, клубы стали рекламировать себя под именами своих барменов. До уик-энда еще далеко, поэтому респектабельных мужчин, подыскивающих себе жен, в клубе нет, но девушек хватает. Шив усаживается на табурет у стойки. Йогендра садится рядом. Шив ставит банку с яичниками на стойку. Специальная подсветка превращает их в некий инопланетный артефакт из какого-нибудь голливудского фантастического блокбастера. Бармен Тальв передвигает стеклянную тарелку с пааном по поверхности из флюоресцентного пластика. Шив берет кусочек, перекачивает его за щекой, смакует.

– Где Прийя?

– Там, в конце зала.

Девушки в сапожках до колен, коротких юбках и облегающих шелковых блузках сгрудились вокруг стола, с которого и начинается клубное многолюдство. В центре в окружении бокалов с коктейлем десятилетний мальчишка.

– Черт, «брахманы», – произносит Шив.

– Внешность обманчива, он уже совершеннолетний, – замечает Тальв, разливая в два стакана содержимое шейкера, который отличается неприятным сходством с трофеем Шива из нержавеющей стали.

– Ведь есть же хорошие мужчины, которые способны дать женщине все, чего она хочет: хороший дом, достойную жизнь – такую, чтобы ей никогда не приходилось работать, – приличную семью, детей, место в обществе, и она отвяжется от этого десятилетки, как теленок от матки, – рассуждает Шив. – Всех бы перестрелял. Просто потому, что такие вещи противостественны.

Йогендра активно закусывает пааном.

– Тот десятилетка может десять раз купить и продать здешний бар. И он еще будет вовсю развлекаться, когда нас с тобой уже опустят в священные воды.

Коктейль приятно холодноватый, он вселяет меланхолию, очень хорошо идет к паану, помогает ему легче проскользнуть в желудок. Шив оглядывает помещение клуба. Из девчонок не на кого сегодня и глаз положить. Те, что не хихикают рядом с брахманом, уставились в экран телевизора.

– На что это они так пялятся?

– Что-то, связанное с модой, – отвечает Тальв. – Тут привезли какую-то русскую модель, ньюта. Юри, кажется.

– Юли, – подсказывает Йогендра.

Его десны уже алы от паана. Освещение в баре имеет голубоватый оттенок, и нитка жемчуга, которую он постоянно носит, начинает отливать каким-то мистическим цветом. Красным, белым, голубым. Американская улыбка. Йогендра ни разу не снимал жемчужные бусы с тех пор, как стал работать с Шивом.

– Таких я бы тоже всех перестрелял, – говорит Шив. – Извращенцы. Что касается брахманов, то они мухлюют с генами, но у них хотя бы понятно, кто мужчина, а кто – женщина.

– Я читал, будто ньюты собираются получить разрешение размножаться клонированием, – мягко замечает Тальв. – Они согласны платить нормальным женщинам, чтобы те вынашивали их детей.

– Ну, это уж совсем мерзость, – говорит Шив.

Когда он поворачивается, чтобы поставить пустой стакан, то на отливающей голубым барной стойке обнаруживает клочок бумаги.

– Что это?

– То, что принято называть счетом, – отвечает Тальв.

– Прошу прощения! С каких пор я должен оплачивать напитки в вашем заведении?!

Шив разворачивает крошечную квитанцию, бросает взгляд на сумму. Еще раз внимательно рассматривает счет.

– Нет, что такое?! У меня здесь уже больше нет кредита? Неужто вы хотите сказать: Шив Фараджи, мы тебе больше не доверяем?!

Девицы у телевизора поднимают головы, привлеченные звуками намечающегося скандала. В голубоватом свете они становятся похожими на дэви. Тальв тяжело вздыхает. Появляется Салман. Он владелец, у него есть связи, которых нет у Шива. Шив потрясает папкой с меню, словно обвинительным актом.

– Я говорил твоей здешней звезде...

– Я уже много слышал о вашей платежеспособности.

– Приятель, меня все уважают в этом городе.

Салман холодным пальцем касается ледяного металла со суда.

– Ваши акции больше уже не... не на подъеме, как раньше.

– Значит, какой-то подонок пытается мне подставить ногу? Ну что ж, скоро я буду хранить его яйца в сухом льду...

Салман отрицательно качает головой.

– Вы ошибаетесь. Проблема исключительно макроэкономического свойства. Тенденции рынка, сэр.

И вдруг весь бар-клуб «Мусст» как-то «отъезжает» от Шива, его стены уходят куда-то вдаль, остается только голова брахмана, громадная, раздувшаяся и покачивающаяся из стороны в сторону, словно праздничный разрисованный и наполненный гелием воздушный шар. Она смеется над Шивом смехом маленького идиота.

У некоторых в подобных случаях перед глазами начинает плыть красноватая дымка. Шив всегда видит синюю. Густую, насыщенную, вибрирующую синеву. Он хватается тарелку с пааном, разбивает ее, прижимает руку Тальва к стойке и заносит длинный кусок острейшего стекла над большим пальцем бармена, словно нож гильотины.

– Посмотрим, как этот беспалый будет смешивать коктейли, – цедит сквозь зубы Шив. – Бармен. Звезда.

– Ну-ну, успокойся, друг, – медленно и с раскаянием в голосе произносит Салман, но Шив понимает, что это шипение кобры... а вокруг – снова синева, дрожащая, пульсирующая синева.

Кто-то кладет руку ему на плечо. Йогендра.

– Ладно, – говорит Шив, ни на кого не глядя. Кладет осколок тарелки, поднимает руки. – Ладно.

– Я постараюсь забыть о случившемся, – говорит Салман. – Но в любом случае я жду оплаты по счетам. Полной оплаты, сэр. В течение тридцати дней. Стандартные условия.

– Ладно. Чувствую, здесь что-то не так, – бормочет Шив, отступая. – Но я обязательно выясню, что именно, и вернусь, чтобы выслушать твои извинения.

Он опрокидывает свой табурет, но не забывает прихватить банку с «препаратом».

По крайней мере Шив добился того, что все девицы разом уставились на него.

Аюрведический ресторан закрывается ровно в восемь, так

как, согласно философии Аюрведы, есть после восьми часов вечера нельзя.

По тому, что происходит в переулке, Шив заключает, что ресторан больше не откроется. У дверей стоят наемный фургон, две тележки, в которые впряжены пони, три трехколесных грузовых мотороллера, а несколько носильщиков выносят какие-то коробки. Старший официант Видеш занимается разборкой столиков и поэтому даже не поднимает глаз на врывающихся в ресторан Шива и маленького «вундеркинда».

Мадам Овариум¹⁴ в своем кабинете, она собирает документы. Шив с грохотом опускает сосуд с «препаратом» на помятую металлическую поверхность.

– Переезжаете?..

– Один из моих «пареньков» направляется к вам.

– Я был в отъезде. По делам. Как видите, у меня есть нужная вам вещь.

Шив открывает наладонный компьютер.

– Шив, разговаривать здесь небезопасно...

Мадам Овариум – маленькая, толстая, почти шарообразная малайка с хвостом грязных волос, который опускается почти до самых ягодиц и который она не расплетала уже лет двадцать. Для своих «пареньков» она – «Аювердическая мадонна», потчующая их соответствующими тинктурами и порошками. Приверженцы учения твердо уверены, что мадам

¹⁴ Яичник (лат.)

обладает способностями настоящей целительницы. Шив передает приготовляемые ею снадобья Йогендре, а тот торгует ими вразнос среди туристов, путешествующих по Гангу. Ресторан мадам пользуется известностью за границей, особенно среди немцев. Местечко это постоянно забито бледными выходцами из Северной Европы, которые отличаются той особой заостренностью черт, что характерна для людей, в течение нескольких недель страдающих проблемами с пищеварением.

– Объясни тогда, в чем дело, – настаивает Шив. – Вы выносите вещи из заведения, а ты внезапно отшатываешься от этого, – он указывает на свой «препарат», – как от проказы! В чем дело?..

Мадам Овариум засовывает несколько листов с бухгалтерскими отчетами в пластиковый портфель. Никакой кожи, ничего из убитых животных. «Произведенное человеком – для человеческого блага» – вот девиз адептов Аюрведы.

Кроме всего прочего, это подразумевает и лечение с использованием стволовых клеток эмбрионов.

– Что вам известно о небластульной технологии применения стволовых клеток?

– Это то же самое, что и обычная зародышевая технология их использования... за исключением того, что с целью выращивания необходимых органов при названной методике могут использоваться любые клетки, а не только эмбриональные... Однако, насколько я знаю, пока этот принцип ни-

где не срабатывал!

– Он великолепно работает с одиннадцати часов сегодняшнего дня. По восточноамериканскому времени. И то, что там у вас лежит внутри банки, стоит меньше самой тары.

Перед глазами Шива вновь проплывает тело, уносимое речным потоком. Он наблюдает, как позади женщины колоколом вздувается сари. Он видит ее на сияющем чистой столешнице во Всеазиатской клинике пластической хирургии – исполосованное тело под ослепительно ярким светом ламп. Шив не любит работать впустую. Но особенно ему претит, когда неопытный хирург превращает обычную повседневную операцию по удалению яичников в кровавую баню.

– Всегда найдутся люди, которым не по карману американские технологии. Ведь мы живем в Бхарате...

– Ой, дорогой мой, известно ли вам первое и главное правило бизнеса? Точно определяй момент, когда надо ограничивать расходы. Вы знаете, сколько народу стоит надоесть? И ведь все они – с протянутой рукой: врачи, курьеры, полицейские, таможенные чиновники, члены городского совета... А крах неминуемо приближается. И мне совсем не хочется оказаться под обломками.

– Так. И куда же вы направляетесь?

– Неужели вы думаете, что я вам скажу? Если бы у вас была хоть толика здравого смысла, то давно уже следовало вложить капитал в более надежные отрасли бизнеса.

Однако такой роскоши, как здравый смысл и осторож-

ность, у Шива никогда не было. На всех этапах путешествия от Чанди Басти до этого аюрведического ресторана у него всегда был только один вариант выбора. Мораль существует для тех, кто живет за пределами басти. У Шива не оставалось выбора в ту ночь, когда он ограбил аптеку. Любой придурок мог достать оружие в годы Великого Разделения, но даже Шив Фараджи никогда не поступится своим стилем. Он воспользовался краденым внедорожником марки «ниссан» для того, чтобы протаранить стальные ставни аптеки. Его сестра выздоровела от туберкулеза. Похищенные антибиотики спасли ей жизнь. Он сделал то, что не стал, чего не смог сделать его отец. Шив показал всем, чего может добиться настоящий решительный мужчина. И он ведь не взял ни пайса из аптечной кассы. Раджа берет только то, что ему нужно. Тогда ему было всего двенадцать. На два года моложе своего «лейтенанта» Йогендры, Шив всегда шел вперед, не заботясь о возможностях отступления, и никогда не маневрировал. Точно так же он поступит и сейчас. Единственно правильное решение само придет к нему. И он примет его. Есть только одно, чего Шив не станет делать никогда: отступить. Бегство исключается. Ведь Варанаси – его город.

Мадам Овариум с громким щелчком захлопывает портфель.

– Дайте-ка мне свою зажигалку. Хоть какая-то польза от вас...

Зажигалка у Шива старой американской модели. Она у

него с того самого времени, когда войска США вошли в Пакистан. С тех дней, когда туда послали солдат, которые больше курили, чем стреляли.

Мадам Овариум щелкает зажигалкой. Бумаги вспыхивают и почти мгновенно сгорают.

– С этим местом покончено, – говорит она. – Спасибо за труды. Желаю вам всего хорошего, но только не пытайтесь со мной связаться. Ни при каких обстоятельствах. Больше мы никогда не встретимся, поэтому в нынешней жизни прощайте навеки.

Вернувшись в машину, Шив включает радио. Опять какая-то ди-джейская тарабарщина. Как будто единственный способ доказать, что ты реальный, а не сарисинский ди-джей, заключается в том, чтобы целыми днями нести немыслимую чушь. Подобно Гангу – непрерывный поток дерьма. Ты ди-джей – так играй музыку. Люди хотят слушать твою музыку, она помогает им забыть о проблемах, почувствовать себя лучше. Может быть, они даже немного поплачут.

Шив наклоняется к окну. В слабом мерцании приборного щитка он видит отражение своего лица на фоне человеческих толп на улице. У него возникает странное ощущение, что каждый из этих людей отнимает частицу его собственной души.

Гребаная трескотня.

– Куда ты везешь меня, парень?

– Сегодня ведь бои.

Он прав. По сути, ему больше некуда ехать. Но Шиву не нравится, что сидящий рядом с ним человек находится так близко, не нравится, что он внимательно смотрит, наблюдает за ним, делает выводы.

Бой! Бой!.. — звучит у него в мозгу.

Шив поднимается по узким ступенькам, поправляет манжеты на рукавах, и запах крови, денег и сырой древесины бьет ему под дых. Он любит это место больше всего на свете.

Шив внимательно рассматривает клиентов. Несколько новых лиц. Вон та девица, вверху, у балконной перекладины, с персидским носом, пытающаяся выглядеть такой крутой... Она встречается взглядом с Шивом. Не отводит глаза, а пристально смотрит на него.

Нет, не сегодня. Как-нибудь в другой раз.

Объявляется следующий раунд, и Шив идет к столу букмекера. Где-то там, на Сонарпур-роуд, пожарные машины спешат тушить пожар, вспыхнувший в ресторане — он начался в шкафу, где хранили документы. А тем временем нечто, обладающее анатомией десятилетнего мальчишки и аппетитами взрослого мужчины, запускает свою короткопалую ручонку к священной йони его девушки. И женщина, погибшая без всякого проку, уносится течением Ганга в мокшу... но здесь, рядом с Шивом, люди, движение, свет, смерть, страх, шанс победить — и девушка, носящая по арене великолепно-го серебристого боевого кота.

Шив извлекает из нагрудного кармана бумажник кроко-

диловой кожи, разворачивает веером пачку купюр и выкладывает деньги на стол. Синий цвет. Перед его глазами все еще стоит синяя дымка.

– Один пакх рупий, – произносит Бачхан. Больше ставить нельзя.

Помощник Бачхана пересчитывает банк и выписывает квитанцию. Шив занимает место у самой арены. Зазывала орет не своим голосом. Толпа рычит, вскакивает в едином порыве – и Шив вместе с ней.

...И вот он выплывает из густой темной синей пелены. Куски разорванного на части бойцового кота лежат на песке, а сто тысяч Шива уходят в кожаную сумку букмекера. Ему хочется смеяться. Он вдруг начинает понимать истину садуху: настоящее счастье состоит в том, чтобы ничего не иметь.

В автомобиле Шив больше не может сдерживаться и разражается смехом. Он снова и снова бьется головой в окно. Слезы текут по лицу. Проходит время, прежде чем к нему возвращается способность дышать полной грудью. И способность говорить.

– Вези меня к Мерфи, – приказывает Шив. Теперь им овладел зверский голод.

– На какие шиши?

– В «бардачке» есть мелочь.

Чайная аллея куполами зонтиков покрывает собственные испарения и миазмы. Эти приспособления не имеют никакого отношения к метеорологии. Мерфи заявляет, что зон-

тик защищает его от лунного света, каковой он считает пагубным и зловредным. Мерфи вообще любит делать заявления всякого рода, и первым из них является его имя. По его словам, он ирландец. Да, ирландец, «садху Патрик».

Чайная аллея разрослась благодаря людям, строившим Рананпур. Она верно служила им. За рядами маленьких кафешек, где подают горячую еду, лавок со специями, палаток торговцев фруктами традиционные чайные открывают деревянные ставни, расставляют на дороге жестяные столики и складные стулья. Заглушая мирное клокотание газовых горелок и вопли радиоприемников, транслирующих индийские хиты, из сотен и сотен настенных телевизоров накатывается нескончаемый прибой телесериалов. Десять тысяч календарей с телебогинями свисают с разноцветных гвоздиков.

Шив высовывается из окна и отсчитывает мелочь в обезьянью лапку Мерфи.

– Дай ему несколько пицц.

На взгляд Шива это что-то вроде обезьяньего дерьма, но для Йогендры пицца – воплощение модной западной еды.

– Мерфи-джи, ты говоришь, что можешь сделать конфетку из всего, чего угодно. Попробуй-ка вот из этого.

Мерфи открывает крышку сосуда, отмахивается от испарений сухого льда и пытается угадать, что там внутри.

– Эй, а что там у тебя?

Шив без обиняков объясняет ему. Мерфи с гримасой

омерзения отводит физиономию в сторону и сует сосуд обратно Шиву в руки.

– Нет уж, забирай. Думаю, вряд ли найдутся любители.

Вряд ли дело в кулинарных талантах Мерфи, но после второго проглоченного куска аппетит у Шива пропадает окончательно. Все присутствующие смотрят в одну сторону. Куда-то вбок. Шив бросает газету, на которой лежит его пицца. И на нее тут же набрасываются бродячие собаки. Ему приходится отнимать у них Йогендрино дерьмо.

– Да брось ты это говно и вези меня куда-нибудь отсюда.

Йогендра изо всех сил нажимает на акселератор, выезжает на внезапно опустевшую улицу, и тут что-то опускается на крышу автомобиля с такой силой, что прижимает «мерседес» к земле. Противоударное устройство детонирует подобно гранате, затем следует голубоватая вспышка и начинает вонять перегоревшей проводкой. Автомобиль покачивается на трех оставшихся амортизаторах. Наверху что-то ворочается. Йогендра пытается завести мотор – безуспешно.

– Выходим! Быстро!... – командует Шив, заметив клинок, вспоровший крышу машины.

Длинное, загнутое, как у ятагана, зазубренное, сверкающее, словно скальпель хирурга лезвие пронзает «мерседес» от крыши до передаточного вала.

Едва Шив с Йогендрой успевают выскочить на Чайную аллею, как страшный клинок разрезает, вскрывает и потрошит раздавленную сталь машины, словно жертвенного младенца.

Теперь Шив видит, что именно уничтожило его «мерседес», превратив шестьдесят миллионов рупий в гору немецкого металлолома. Хотя с этого мгновения Шив совершенно разорен, он, как и все вокруг, замирает на месте, буквально парализованный увиденным.

Ветровое стекло автомобиля разлетается вдребезги. Нижние лапы боевого робота хватаются за крышу машины и за просто срывают ее. Тупой фаллос электромагнитной пушки находит Шива среди стоящих на улице и берет его на прицел. Шив во все глаза смотрит на громадный клинок, который, закончив крошить то, что когда-то было «мерседесом» седьмой серии, принимает горизонтальное положение. Боевой робот поднимается на ноги и делает шаг по направлению к Шиву. На боку жуткого механизма видны серийный номер и маленькие звезды и полосы, но Шив понимает, что управляет роботом вовсе не белозубый американский юнец с реакциями мальчишки, выросшего на компьютерных играх и пропитанного метамфетаминами. Здесь не обошлось без какого-нибудь курильщика биди, совершающего над компьютерной клавиатурой киберпассы в смертоносном танце Кали. И Шив ему хорошо знаком.

Шив даже не пытается бежать. Эти штуки способны двигаться со скоростью сто километров в час, и уж если они почувствуют запах нужного ДНК, их без промаха разящий клинок пройдет любое препятствие, но до возжеленной мякоти вашего тела доберется.

Боевой робот встает на дыбы и нависает над Шивом. Уродливая маленькая головка богомола опускается, сенсорная оснастка вращается на шарнирах. Шив может расслабиться. Теперь начался просто спектакль для уличных ротозеев.

– Господин Фараджи. К вашему сведению, на данный момент все долги и налоговые претензии к господину Бачхану переводятся на Агентство Ахимсы.

– Бачхан запрашивает мой счет?! – кричит Шив, глядя на размазанные по тротуару и истекающие спиртовым топливом останки последнего, что связывало его с мечтой о богатстве.

– Верно, господин Фараджи, – говорит робот-убийца. – На вашем счету в «Тотализаторе Бачхана» на данный момент находится восемнадцать рупий. Вам дается одна неделя, начиная с сегодняшнего дня, на покрытие всех долгов. В противном случае будет начато дело о взыскании.

Чудовищный механизм поворачивается на задних лапах, убирает все лишние части и прыгает через хозяев чайных, через коров, проституток и зевак по направлению к перекрестку.

– Эй, ты!.. – кричит Шив ему вслед. – А что там за проблемы с моим счетом?

Он собирает черепки и осколки высокоточных немецких устройств и швыряет их вслед электронному мытарю.

Лиза, Лалл

– Итак, мисс Дурнау, это ваша лучшая идея, – сказал Томас Лалл, сидя за широким столом, на котором лежит папка с ее персональным делом. Через большое окно в венецианском стиле открывается вид на широкие просторы Канзаса в самый жаркий июнь столетия. – И где же вы были, когда она пришла вам в голову?..

Эта сцена всплывает в памяти Лизы, когда она находится на расстоянии двадцати двух часов полета от МКС и двадцати шести – от Дарнли-285. Лиза накачана медикаментами и буквально упакована в мешок, прикрепленный к внутренней стене отделяемого отсека. Она не должна мешать капитану Бет, у которой слегка заложило правую ноздрю – воздух у нее из носа вырывается с ритмическим посвистыванием. Во вселенной Лизы этот назойливый звук дыхания пилота постепенно становится самым существенным раздражителем.

Такого июня раньше не бывало. Об этом с уверенностью говорят сотрудники аэропорта, девушка в агентстве проката автомобилей, мужчина из университетской охраны, у которого она спросила дорогу. Никаких сравнений с горячими водами у берегов Перу или с угасающей энергией Гольфстрима. Здесь климатологи вошли в ту зону неизвестности, в которой любые предсказания теряют смысл. Томас Лалл

пролистал ее автобиографию, взглянул на первый лист личного дела. Когда же она показала ему первый слайд, Томас остановил Лизу сногшибательным вопросом.

Лиза Дурнау до сих пор прекрасно помнит возмущение, которое мгновенно охватило ее. Пришлось положить ладони на бедра и крепко сжать их, чтобы хоть как-то успокоиться. Когда она отняла руки, то на брюках остались два потных отпечатка – словно талисманы от сглаза.

– Профессор Лалл, я стараюсь быть профессионалом. Как мне кажется, вы обязаны выслушать меня хотя бы из вежливости.

Вообще-то Лиза могла остаться в Оксфорде. Ей там очень нравилось. Карл Уокер все на свете отдал бы ради того, что бы удержать ее в Кебле. Из захолустья, где все еще преподавалось интеллектуальное проектирование, совершенно раздавленными возвращались и более блестящие докторанты, нежели она. Но если бы главный центр по исследованию кибержизни располагался на холме в библейском поясе, Лиза Дурнау обязательно поехала бы и туда. Еще до развода родителей она отвергла христианскую вселенную, которой жил ее отец, но пресвитерианское упрямство прочно впечаталось в генетический код Лизы. И она ни при каких обстоятельствах не позволит этому мужчине поколебать ее уверенность в себе.

– Вы можете привлечь мое внимание прежде всего ответом на заданный вам вопрос, – ответил Томас. – Я хочу знать

источник вашего вдохновения. Хочу представлять, как у вас развивается творческий процесс. Ощутить вместе с вами те мгновения, когда вдохновение освещает вашу личную вселенную, подобно яркой вспышке молнии. Мгновения, когда вы можете проработать семьдесят часов подряд на кофе и декседрине, потому что стоит лишь на секунду отвлечься – и все будет потеряно... Мгновения, когда идея вдруг материализуется из абсолютной доселе пустоты. Я хочу знать, как, когда и где она, эта идея, посетила вас. Наука – это творчество. Все остальное меня не интересует.

– Хорошо, я вам отвечу, – говорит Лиза Дурнау. – То, о чем вы спрашиваете, случилось в женском туалете на вокзале Паддингтон в Лондоне, в Англии.

Профессор Томас Лалл расцветает улыбкой и откидывается на спинку кресла.

Группа когнитивной космологии встречалась два раза в месяц в кабинете Стивена Зангера в Имperiал-колледже в Лондоне. Участие в названных собраниях казалось Лизе Дурнау той важной целью, которой она должна была со временем достичь – наряду с такими задачами, как жизнь по средствам и рождение детей. Карл Уокер передавал ей отчеты о работе группы и резюме заседаний. В интеллектуальном смысле все, чем они занимались, было потрясающе интересно, и у Лизы не имелось ни малейшего сомнения в том, что участие в деятельности группы будет способствовать ее карьерному и научному росту.

Однако исследования базировались на квантово-информационных теориях, а мысли Лизы двигались в направлении топологических кривых. Затем в протоколах встреч наметился сдвиг в сторону рассуждений о возможности существования искусственного интеллекта в виде параллельной вселенной, введенной в компьютерный код. Это уже была ее область.

Целый месяц Лиза сопротивлялась, пока Карл Уокер не пригласил ее как-то в пятницу на обед, который завершился в ямайском ресторане в полночь распитием «Гиннеса» и бесконечными медленными танцами. Два дня спустя она сидела в конференц-зале на пятом этаже, жевала круассаны с шоколадом и втихомолку посмеивалась над высказываниями ведущих ученых страны относительно места интеллекта в структуре вселенной.

Но вот кофейные чашки наполнены заново, и обсуждение началось. Лиза с трудом поспевала за дискуссией, развивавшейся с невероятной скоростью. Протоколы не давали даже отдаленного представления о ее широте и разнообразии. Лиза чувствовала себя неповоротливым толстяком в баскетбольной команде, который постоянно теряет мяч. К тому моменту, когда ей удалось получить слово и высказать свое мнение, она уже не могла сказать ничего нового.

Солнце поднималось все выше над Гайд-парком, и Лиза Дурнау почувствовала, как постепенно ее охватывает отчаяние. Коллеги мыслили ярко, блестяще, быстро, но почти все

в их рассуждениях было ложно, ложно, ложно, а ей не удавалось и слова вставить, чтобы поправить их. Дискутирующим уже начинала надоедать тема беседы. Они из нее все выжали и теперь собирались двигаться в другом направлении. А это значило, что Лиза может потерять самое важное для себя. Ей просто необходимо было высказаться – и прямо сейчас.

Правая рука Лизы лежала на широком дубовом столе. Она медленно подняла ее. Взгляды присутствующих невольно устремились на девушку. Внезапно воцарилось странное напряженное молчание.

– Извините меня, – произнесла Лиза Дурнау. – Позвольте вставить словечко? По-моему, вы все глубоко заблуждаетесь.

Вслед за этим она высказала идею о том, что жизнь и разум возникли из неких фундаментальных принципов вселенной – так же, как физические силы и материя. Что Кибер-Земля представляет собой модель иной вселенной, которая может существовать в пространстве поливерсума, то есть вселенной, где разум является не случайно возникающим феноменом, а фундаментальной составляющей, как константа тонкой структуры, как омега, как размерность пространства. Вселенная, которая мыслит. Как Бог, добавила Лиза.

Когда она произнесла эти слова, то тут же узрела массу прорех и натяжек в собственных аргументах и поняла, что все сидящие за столом тоже их заметили. Она слышала свой

задиристый голос, такой наглый, такой уверенный...

Закончила же Лиза жалким извиняющимся бормотанием.
– Спасибо за интересные замечания, – сказал Стивен Зангер. – В вашем выступлении было много полезных мыслей...

Ему даже не дали закончить предложение. Первым с места вскочил Крис Драпье из кембриджского отдела искусственного интеллекта третьего уровня. Он был самым грубым, самым громогласным и придирчивым из присутствующих: кроме того, Лиза уже успела заметить, что он с особым интересом оценивал ее задницу в очереди за кофе. Нет никаких причин для привлечения *deus ex machina*¹⁵ там, где квантовые расчеты все уже давно расставили по местам. Это витализм... нет, хуже – мистика!.. Следующей выступала Викки Макэндриус из Империял-колледжа. Она зацепила одну из слишком явно выбивавшихся нитей в логических построениях Лизы, потянула за нее, и вся конструкция развалилась. У Лизы нет ни топологической модели ее мира, ни даже механизма описания мыслящей вселенной. Все плохо и никуда не годится...

Единственное, что Лиза слышала, – непрекращающееся жалобное подвывание, которое раздается в голове в те мгновения, когда так хочется расплакаться.

Девушка сидела среди пустых кофейных чашек и крошек от круассанов, совершенно уничтоженная. Она ничего не знает. Она совершенно бездарна. Она вела себя нагло, вы-

¹⁵ бог из машины (*лат.*)

зывают и глупо тогда, когда любой здравомыслящий аспирант сидел бы тихо, внимательно слушал, подобострастно кивая, а при необходимости наполнял чашки мэтров свежим кофе и разносил пирожные. Ее звезда закатилась.

Стивен Зангер попытался было сказать несколько утешительных слов, но Лиза уже не слышала его, ибо была полностью и окончательно раздавлена. Девушка горько рыдала, пока шла по Гайд-парку и затем по Бейсуотер до вокзала Паддингтон. В привокзальном ресторане опорожнила половину бутылки десертного вина, так как из всего того, что предлагалось в меню, именно оно, как ей показалось, способно было по-настоящему и достаточно быстро вернуть ее в нормальное состояние.

Лиза сидела за столом, дрожа от стыда, слез и мысли о том, что ее карьера закончена. Она не способна делать то, что они от нее требуют, она вообще не понимает, что они имеют в виду...

За десять минут до отхода поезда Лизе захотелось в туалет. Она сидела в кабине, спустив джинсы до колен, и старалась всхлипывать как можно тише, ибо акустика лондонских вокзальных туалетов такова, что любой звук разносится вокруг с удесятеренной силой.

И тут Лиза увидела это. Девушка не могла конкретно сказать, что именно она увидела, глядя на дверцу кабинки, так как это не имело ни формы, ни очертаний, не выражалось ни в словах, ни в теоремах. Но оно было, оно реально суще-

ствовало – в своей абсолютной полноте и невыразимой красоте. И еще – простота, невероятная простота.

Лиза Дурнау выбежала из кабинки, бросилась к киоску с канцелярскими принадлежностями, купила блокнот и большой маркер. Потом побежала к поезду. Но тот уже ушел. Пронесся мимо нее, будто молния. Впрочем, теперь девушка по крайней мере знала, что именно следует делать. Всклипывая, она опустилась на платформу и дрожащей рукой попыталась записать то, что явилось ей, в виде уравнений. Идеи лились потоком. Люди обходили Лизу, не обращая никакого внимания на происходящее. Все в порядке, хотелось ей сказать им. Все в абсолютном порядке.

Теория «М-звезды». Она была перед ней во всей своей полноте. Как она могла не открыть ее раньше? Одиннадцать размерностей, сложенных в набор структур «Калаби-Яу», три из них расширены, одна подобна времени, семь свернуты...

Однако пробелы в структурах определяли энергетическую суть пространства. Таким образом, гармоника задавали в нем фундаментальные физические константы. Лизе оставалось лишь смоделировать Кибер-Землю как пространство «Калаба-Яу» и показать его эквивалентность физическим возможностям в теории «М-звезды». Все это входило в структуру. Перед ней была реальная вселенная, которая могла быть полностью выстроена на компьютере. Во вселенной Лизы разум являлся самой структурой реальности, а

не хрупким образованием, заключенным в эволюционирующую углеродную оболочку, как на нашем крохотном шарике, в нашем уголке поливерсума. И ведь все просто... Так просто...

Всю дорогу до дома Лиза проплакала от счастья. Вспышки радости заставляли ее частенько выбегать на улицу и блуждать по Оксфорду на протяжении всей недели, в течение которой она пыталась записать свои мысли. Все здания, улицы, магазины и люди, мимо которых проходила Лиза, наполняли ее головокружительным восторгом перед бытием и человечеством. Она была влюблена во всех и вся.

Стивен Зангер листал ее записи, и с каждой страницей его улыбка становилась все шире. Наконец он произнес:

– Хорошо же ты их отделала, этих придурков!..

И теперь, сидя в кабинете Томаса Лалла, Лиза Дурнау все еще ощущала эмоциональные отблески той давней вспышки радости, похожие на микроволновое эхо пламени Большого Взрыва.

Лалл развернул кресло и наклонился к ней.

– Что ж, ладно, – сказал он. – Но я хочу, чтобы вы имели в виду две вещи относительно здешних мест. Климат тут омерзительный, зато люди очень дружелюбны. Будьте с ними повежливей. Они могут вам пригодиться.

Чтобы немного поразвлечь Томаса Лалла, доктор Дариус Готце запасся записью английской классической комедии

«Снова тот человек». Она лежит в багажнике трехколесника, на котором теперь не без труда преодолевает песчаные колеи Теккади.

Дариус предвкушает, как сейчас загрузит файл в компьютер профессора Лалла – и звучный голос запоет песню-заставку к пьесе. «Этой записи уже сто пять лет! – скажет он. – Вот что слушали в подземке, когда немецкие бомбы падали на Лондон».

Доктор Готце коллекционирует старинные радиoproграммы. Он частенько заходит на завтрак к Томасу Лаллу на его лодку, и они сидят под пальмовым навесом, попивая чай и слушая такой чуждый им юмор тараторящих болванов из гиперреальной комедии Криса Морриса. Готце питает особую слабость к радио Би-би-си. Он вдовец, бывший педиатр – и в глубине души классический британец. Доктор очень жалеет, что Томас Лалл не разделяет его любви к крикету. В противном случае можно было бы подробно разобрать с ним комментарии к тесту Ричи Бено.

Доктор едет по тропе, что проложена рядом с заводью, распуская кур и отмахиваясь от обнаглевших собак. Не тормозя, поворачивает старенький красный трехколесник на переходные мостки – и дальше к длинной, крытой листьями и циновками лодке. Данный маневр он проделывал уже много раз. И еще ни разу не свалился в воду.

На крыше лодки Томас Лалл начертал тантрические сим-

волы, а на корпусе – ее название: «Salve Vagina». ¹⁶ Местные христиане воспринимают это как грубое оскорбление в свой адрес. К Лаллу даже приходил священник и намекал на недопустимость подобного. На это Томас возразил, что примет от него (священника) критику и упреки в свой (Томаса Лалла) адрес только в том случае, если они будут высказаны на той же латыни, на какой написано название его лодки...

Небольшая спутниковая тарелка прикреплена к самой высокой точке на покатой крыше. На корме урчит спиртовой генератор.

– Профессор Лалл, профессор Лалл!.. – зовет доктор Готце, заглядывая под низкий навес и высоко подняв плеер. Как обычно, от плавучего дома за версту несет ладаном, спиртом и остатками трапезы. Звучит квинтет Шуберта, самая середина. – Профессор Лалл?..

Доктор Готце находит Томаса в маленькой чистенькой спальне, напоминающей деревянную скорлупу. Рубашки, шорты, носки Лалла разложены на белоснежной простыне. Лалл также обладает умением идеально складывать футболки. Сказывается жизнь, проведенная на чемоданах.

– Что случилось? – спрашивает доктор.

– Настала пора отправляться в путь, – отвечает Томас Лалл.

– Какая-нибудь женщина? – осведомляется Готце. Сексуальные аппетиты и успех Томаса Лалла у девиц с пляжа

¹⁶ «Спаси, влагалище» (лат.)

всегда ставили доктора в тупик. В таком возрасте мужчины должны быть более сдержанными: подобные интрижки выглядят предосудительно.

– Можно и так сказать. Я встретил ее вчера вечером в клубе. У нее был приступ астмы. Я ее спас. Всегда находится какой-нибудь умник, пытающийся подогреть коронарные артерии с помощью сальбутамола. Я предложил научить ее нескольким приемам по методике Бутейко, а она сказала: «Увидимся завтра, профессор Лалл». Ей было известно мое имя, Дариус. Значит, пора уплывать отсюда.

Когда доктор Готце познакомился с Томасом Лаллом, последний работал в антикварном магазине, где продавали старые записи, – обычный пляжный бездельник среди древних компактв и винилов. Готце был пенсионером, незадолго до того овдовел и находил утешение в собирании древностей всякого рода. В этом сардоническом американце он обнаружил родственную душу. Они проводили целые часы за беседой, обменивались записями. Но прошло не меньше трех месяцев, прежде чем доктор решился в первый раз пригласить мужчину из лавки аудиозаписей к себе на чашку чая.

Во время пятого визита на дневной чай, плавно перешедший в вечерний джин, сопровождавшийся созерцанием потрясающего заката на фоне пальм, Томас Лалл сообщил Готце свое настоящее имя и род занятий. Поначалу доктора охватило чувство брезгливости: он подумал, что этот человек попросту патологический лжец. Затем место брезгливо-

сти заняло ощущение ненужной нравственной обузы: он совсем не хотел становиться восприимчиком духовных плодов ненависти этого человека к миру. В конце концов Готце почувствовал себя в некотором смысле избранником судьбы, обладателем секрета международного масштаба, за раскрытие которого новостные студии заплатили бы миллионы. Он ощутил настоящую гордость. А потом подумал, что и сам искал в Томасе Лалле того, кому можно было бы довериться и излить душу.

Доктор Готце опускает плеер в карман пиджака. Никаких старых записей сегодня. Да и вообще – наверное, больше никогда. Томас Лалл берет томик Блейка в твердой обложке, который лежит у него рядом с постелью везде, где бы он ни ночевал. Держит книгу в руке, будто оценивая ее тяжесть, а затем кладет в сумку.

– Заходите, у меня сейчас сварится кофе.

Задняя часть лодки выходит на импровизированную веранду с крышей из вездесущих пальмовых листьев. Доктор Готце молча ждет, пока Томас Лалл нальет две чашки кофе, который он вообще-то не очень любит, и следует за ним к двум уже ставшим такими привычными местам. В воде, которая градуса на три холоднее и чуть-чуть светлее, нежели кофе, плещется детвора.

– Итак, – говорит доктор Готце, – куда же вы направитесь?

– На юг, – отвечает Томас Лалл.

Собственно, до этого момента он по-настоящему не задумывался

мывался о направлении своих дальнейших странствий.

С того мгновения, когда Лалл впервые причалил у берега здешней заводи, он дал понять себе и окружающим, что здесь пробудет недолго: как только ветер переменится, сразу полетит дальше. Ветер дул, пальмы раскачивались под его порывами, облака проносились по небу, не проливая ни капли дождя, а Томас оставался на месте. Ему пришлось по вкусу более или менее оседлая жизнь в лодке, ощущение безответственного бытия человека без каких-либо привязанностей в мире, чувство настоящей свободы...

Но той девице каким-то образом стало известно его имя.

– Может быть, в Шри-Ланку...

– Остров демонов, – замечает доктор Готце.

– Остров пляжных баров, – говорит Томас Лалл.

Звучит Шуберт. Детвора в воде плещется и ныряет: маленькие улыбающиеся лица усыпаны блестящими капельками воды. Но мысль об отъезде уже засела в голове Томаса Лала и теперь не даст ему покоя.

– Возможно, я даже доплыву до Малайзии или Индонезии. Там есть такие острова, где моего лица наверняка никто не знает. Открою маленькую секцию по прыжкам в воду. Да-а. Думаю, что у меня это получится... Черт. В общем, не знаю...

Он круто поворачивается. Доктор Готце тоже что-то по чувствовал. Жизнь на воде формирует в человеке чувствительность к колебаниям не худшую, чем у акулы. «Salve

Vagina» едва заметно покачивается – кто-то идет по мосткам. Вошел на борт его лодки.

– Эй? Не темновато вам здесь? – Аж заглядывает под навес. На ней то же свободное платье серого цвета, что и накануне вечером. При дневном свете ее тилак еще больше бросается в глаза. – О, извините, у вас доктор Готце. Наверное, мне лучше зайти позже...

«Наверное», – повторяет про себя Томас Лалл. Боги дали тебе этот единственный шанс, прогони ее, исчезни сам и больше никогда не оглядывайся... Но она знала, как его зовут, еще до их встречи, а теперь оказывается, что ей известно и имя доктора. Нет, Томасу Лаллу никогда не удастся выбраться из лабиринта загадок.

– Нет-нет, оставайтесь, выпейте кофе.

Аж принадлежит к типу тех людей, у которых улыбка полностью преобразует лицо. Она хлопает в ладоши, по-детски обрадовавшись.

– С большим удовольствием, спасибо.

Он пропал...

На часах появляется цифра «тридцать», и Лиза Дурнау выплывает из глубин воспоминаний. Пространство, решает она, существует лишь для находящихся под кайфом.

– Эй, – хрипло кричит Лиза. – Вода тут есть?

Она чувствует, как затекли все ее мышцы.

– Трубка справа от вас, – отвечает капитан Бет, не пово-

рачивая головы.

Лиза вытягивает шею, чтобы высосать из трубки немного теплой и затхлой дистиллированной воды. Друзки женщины-пилота в заднем отсеке станции весело болтают о чем-то, флиртуя с командиром. Лиза не может не задаться вопросом, а доходит ли у них когда-нибудь до чего-то серьезного? Или же они настолько ослаблены длительным пребыванием в космосе, что едва начнут трахаться, как сразу рассыплются на мелкие кусочки?

Внезапно еще одно воспоминание захватывает Лизу.

Она снова в Оксфорде, на пробежке. Как любила Лиза бегать по этому городу! Как щедр Оксфорд на удобные дорожки и зеленые лужайки!.. И студенты там издавна по-настоящему любят спорт.

Она бежит по своему старому маршруту, вдоль канала, через полянки Крайст-чёрч, по Биар-лейн, а затем, прокладывая дорогу среди прохожих, к воротам церкви Всех Душ, а оттуда – на Паркс-роуд. Этот путь очень нравился Лизе, она чувствовала себя здесь уверенно. Ступни касались знакомой, приятной земли. Сегодня она повернула мимо заднего фасада Мертон через Ботанический сад к колледжу Магдалены, где должна была проходить конференция.

В Оксфорде очень хорошо летом. Студенты группками расселись на траве. Глухой стук мяча и крики – играют в европейский футбол, – звуки, которых ей так не хватало в Америке. Лизе также очень не доставало света, того особого

английского золотистого света, который заполняет окружающий мир, когда день начинает клониться к вечеру, обещая восхитительную ночь.

На тот вечер у нее был запланирован душ после пробежки, быстрый просмотр отчета о совершенно непредвиденном массовом вымирании морских обитателей на Альтерре, а затем обед в столовой университета – вполне официальное мероприятие с фраками и смокингами, завершавшее конференцию. Ах, насколько приятнее находиться здесь, на многолюдной улице, залитой нежным золотистым предвечерним светом, мягким прикосновением скользящим по вашим обнаженным рукам...

В комнате ее ждал Лалл.

– Рад вас видеть, Лиза Дурнау, – сказал он. – Рад вас видеть в этих нелепых облегающих шортах и в такой маленькой-маленькой маечке.

Лалл сделал шаг к ней.

– А сейчас я сам сниму с вас ваши глупые маленькие шортики.

Обеими руками он рванул вниз шорты и трусики. Лиза Дурнау вскрикнула. Одним движением она скинула с себя спортивную майку, сбросила кроссовки и прыгнула на Лалла, обвив его ногами. Так, прижавшись друг к другу, они направились в ванную.

Пока Томас сдирал с себя одежду, проклиная слишком узкие носки, Лиза открыла душ. Он неуклюже последовал за

ней под горячую струю, прижал к кафелю стены. Лиза, работая бедрами, вновь обхватила Томаса ногами, попыталась направить его член себе во влагалище. Лалл отступил, нежно отстранив ее. Лиза опрокинулась навзничь, оперлась на руки и застыла, крепко обхватив ногами Томаса. Он наклонился вперед, вошел в нее языком. Почти захлебываясь в потоке воды и почти теряя сознание от наслаждения, Лиза хотела закричать, но сумела побороть это желание. И от того, что ей удалось сдержаться, она получила еще большее наслаждение.

Девушка задыхалась, тонула в горячем потоке, в висках нестерпимо стучала кровь... Затем Лиза снова крепко сжала Лалла бедрами: он взял ее на руки, мокрую, скользкую, швырнул на постель – и трахал, трахал, трахал под вечерний звон оксфордских колоколов...

В университетском банкетном зале она сидела рядом с аспирантом из Дании, у которого глаза горели от счастья: ведь он получил возможность побеседовать с самой создательницей проекта «Альтерра». Сидя во главе стола, Томас Лалл обсуждал проблемы социал-дарвинизма и генной инженерии с самим Мастером. Лиза лишь однажды бросила взгляд в его сторону, услышав слова: «Уничтожьте брахманов сейчас, пока их не так уж и много». Таковы правила. Интрижка может завязаться на одной конференции, получить развитие во второй и достичь кульминации на третьей. Когда же настанет время для ее неизбежного завершения, то условия

расставания будут оговорены в промежутке между обсуждением двух научных проблем.

Но до той поры секс был восхитителен.

Лиза Дурнау всегда воспринимала секс как вполне приемлемую часть жизни других людей, но в свой жизненный сценарий она его не включала. Она могла превосходно прожить и без этого. И вдруг с самым неожиданным человеком Лиза нашла наслаждение в чувственной любви, которое к тому же подкреплялось и ее природной склонностью к спорту.

Девушке встретился партнер, который любил ее потную, только что прибежавшую с тренировки... Ему нравилось делать это *al fresco*,¹⁷ и *al dente*¹⁸ сдабривая тем, что она хранила в глубинах либидо на протяжении почти двадцати лет. Вряд ли кто-то мог предположить, что спортивная дочурка пастора Дурнау будет заниматься такими вещами, как игры в изнасилование и тантрический секс.

В то время конфиденентом Лизы была ее сестра Клер, жившая в Санта-Барбаре. Они проводили вечера у телефона, в подробностях пересказывая все непристойные моменты, грубо и вульгарно хохоча... Женатый человек. Ее босс. Мнение Клер сводилось к тому, что Лиза смогла реализовать самые сокровенные фантазии только по той причине, что ее отношения с Лаллом были аморальны и покрыты такой тайной.

¹⁷ на открытом воздухе (*ит.*)

¹⁸ зубами (*ит.*)

Все началось в Париже в зале ожидания в аэропорту Шарля де Голля. Вылет в О'Хара задерживался. Какая-то ошибка в авиадиспетчерских системах в Брюсселе ввергла в полный хаос работу всех аэропортов вплоть до Восточного побережья США. Рейс ВАА142 откладывался уже в течение целых четырех часов. Предшествующая неделя оказалась для Лизы и Лалла особенно изнурительной, так как им в столкновении с группой французских неореалистов пришлось яростно отстаивать мысль Лалла по поводу того, что термины «реальное» и «виртуальное» суть совершенно бессмысленные слова. К моменту приезда на аэродром Лизе хотелось только одного: как можно скорее добраться до своей веранды и проверить, исправно ли господин Чекнаворян, сосед девушки, поливал ее цветы.

На табло появилось сообщение, что вылет снова откладывается – на шесть часов. Лиза застонала. Она уже сообщила о своем прибытии по электронной почте. Скорректировала счета. Просмотрела «Альтерру», которая в данный момент переживала относительно спокойную фазу в своем развитии между двумя бурными вспышками эволюции. Было три часа утра, и от усталости, скуки и досады, из-за которых Лизе казалось, что преддверие ада временно перенесли в зал ожидания парижского аэропорта, она опустила голову на плечо Томасу Лаллу. И очень скоро почувствовала, как он тоже придвинулся к ней. Еще мгновение – и они целовались. За этим последовало быстрое перемещение в сторону душевой аэро-

порта; служитель, протягивающий им два полотенца со словами: «Vive le sport!»

Ей всегда было приятно общество Лалла: он являлся великолепным рассказчиком, обладал блестящим чувством юмора. Кроме того, у них имелось много общего во взглядах на жизнь. А еще – любимые фильмы и книги. Даже еда. Легендарные мексиканские пятничные ленчи... Все это, казалось, было бесконечно далеко от того чернушного траханья, которое они устроили на влажном кафеле душевой четвертого авиатерминала.

Впрочем, подумала Лиза, быть может, и не так уж далеко. Где же еще начинается любовь, как не за соседней дверью? Ты влюбляешься в то, что видишь каждый день. В парня, который живет по соседству. В коллегу, сидящего рядом. В друга противоположного пола, который понимает тебя лучше всех остальных...

Лиза знала, что в ней всегда жило какое-то чувство к Томасу Лаллу. Она просто не могла подыскать ему название – или как-то реализовать его до того момента, когда усталость, нервное напряжение и депрессия ослабили ее самоконтроль.

У Лалла было много женщин до нее. Он помнил всех их по именам. Томас рассказал Лизе о них. Среди его возлюбленных никогда не было студенток: жену Лалла слишком хорошо знали и уважали в университете. Обычно он начинал интрижки во время конференций, и связь длилась всего одну ночь в промежутке между двумя днями работы научно-

го форума. Однажды он завязал отношения по электронной почте с писательницей из Сосалито... Слушая все это, Лиза думала, что и она всего лишь очередная зарубка на столбике его кровати. Где и как закончится их роман, девушка, конечно, не знала. Но пока они продолжали страстно любить друг друга. В основном это происходило в различных душевых.

После обеда и приема с коктейлями Томас и Лиза вырвались из бесконечного круга ученой болтовни и направились к Черуэлл-Бриджес, в более дешевый район. Здесь располагались студенческие бары, еще не ставшие жертвой корпоратизации. Одна выпитая пинта легко переходила в две, а затем и в три. Здесь им предложили по шесть гостевых бокалов каждому.

Где-то на четвертой пинте он остановился и сказал:

– Лиза Дурнау. – С первого мгновения их отношений она полюбила звук своего имени в его устах. – Если что-то случится со мной – не знаю, правда, что люди имеют в виду, произнося эту фразу, – так вот если что-то случится со мной, ты обещаешь позаботиться об «Альтерре»?

– Боже, Лалл! – Теперь она произносит его имя. Лалл и Эл. Дурнау. Слишком много звука «л». – Что должно случиться? Ты... ты... у тебя не?..

– Нет-нет. Просто, когда думаешь о будущем, возникает некая неуверенность. Я знаю, что могу полностью довериться тебе в том, что ты не бросишь «Альтерру». И в том, что ты помешаешь им присобачивать долбаные «кока-кольные»

баннеры на облака...

Когда они возвращались в кампус по теплой и шумной ночи, Лиза сказала:

– Конечно же, я позабочусь... Если ты сможешь уладить дело с факультетом, я позабочусь об «Альтерре».

Два дня спустя они прилетели в Канзас-Сити на последнем ночном самолете: за ними сразу же закрыли здание аэропорта. Лиза до такой степени устала, что не заснуть в машине ей удалось только из-за нарушения суточного ритма. Она высадила Томаса Лалла на его огромной зеленой лужайке у дома на окраине.

– Пока, – прошептала Лиза.

Она была не слишком сентиментальной, чтобы ожидать от Томаса прощального поцелуя.

К тому времени, когда девушка поднялась по ступенькам веранды, открыла дверь-ширму, бросила дорожную сумку в прихожей, она почувствовала, как накопившаяся за несколько часов усталость буквально разрывает ее тело на части. Лиза направилась к своей большой постели.

Раздался сигнал наладонника. Поначалу она не хотела отвечать.

Лалл...

– Ты не могла бы приехать? Что-то случилось...

У него никогда раньше не было такого голоса. Испуганная, полная дурных предчувствий Лиза вела машину по тусклым предрассветным кварталам. На каждом перекрест-

ке воображение задавало новый темп ее предчувствиям и страхам, но за всем стояло самое ужасное – их раскрыли.

В доме Лалла во всех комнатах горел свет, а двери были распахнуты настежь.

– Где ты? – громко спросила Лиза.

– Здесь...

Томас сидел на старом раскладном диване, который Лиза помнила по факультетским вечеринкам и по воскресным вылазкам за город. Диван и два книжных шкафа – вот и вся мебель, оставшаяся в комнате. Остальное вынесено. Крюки от картин на стенах смотрелись как висячие испанские вопросительные знаки.

– Нет даже кошек, – сказал Томас. – Даже самой последней игрушечной мышки. Ты можешь в это поверить? Игрушечной мыши... Можешь, если пожелаешь, осмотреть кабинет. Там она основательно поработала. Все книжки перебрала, все диски и папки. Мне кажется, я не столько жалею об уходе жены, сколько о потере коллекции записей итальянской оперы.

– Так ты считаешь, что потерял жену?

– А как иначе можно истолковать то, что сейчас видишь? Я вошел в дом и увидел этот разгром. Вот. – Томас протянул Лизе клочок бумаги. – Обычная ерунда: «Извини, не могла поступить иначе. Не пытайся найти меня». Знаешь, у нее хватило сообразительности удрать самой и вывезти практически все, не предупредив меня ни единым словом. А ведь

раньше, когда нужно было прощаться, она могла чуть ли не пересказать пособие по этикету. Она такая... Такая...

Лалл дрожал.

– Томас. Пойдем, тебе нельзя здесь оставаться. Пойдем ко мне.

Он поднял на нее удивленный взгляд, затем кивнул.

– Да... спасибо... да.

Лиза подняла его дорожную сумку и пошла к машине. Внезапно Лалл показался ей очень старым и неуверенным в себе.

У себя дома она сделала ему горячего чаю, который Томас пил, пока она стелила ему отдельную постель, понимая, что сегодняшнюю ночь они должны провести порознь.

– Ты не против? – спросил Лалл. – Можно мне лечь с тобой? Я не хочу оставаться один...

Он лежал, повернувшись спиной к Лизе, как-то сжавшись, весь во власти мыслей. Яркие, отчетливые воспоминания о разграбленной комнате, о Лалле, униженном и жалком, который сидел на большом диване, словно наказанный мальчишка, не давали Лизе уснуть. Она немного забылась только тогда, когда тусклый сероватый предутренний свет заполнил ее большую спальню.

Пять дней спустя, после того, как все, выразив Томасу сочувствие, сказали, какая же сволочь его жена и как хорошо ему будет без нее, потому что все пройдет, он снова будет счастлив, ведь рядом работа, друзья и прочее, Томас Лалл

покинул реальный и виртуальный миры, не сказав никому ни слова, никого не предупредив.

Лиза Дурнау больше никогда его не видела.

– Простите, но данный способ лечения астмы кажется мне, мягко говоря, несколько необычным, – говорит доктор Готце.

Лицо Аж покраснело, глаза навывкате, пальцы дрожат. Создается впечатление, что ее тилак пульсирует.

– Еще две секунды, – говорит Томас Лалл. – Хорошо, теперь можете вдохнуть.

Аж открывает рот и судорожно, с наслаждением вдыхает воздух.

Томас Лалл быстро закрывает ей рот рукой.

– Через нос. Всегда только через нос. Помните, нос – для дыхания, рот – для беседы.

Он отнимает руку и наблюдает, как медленно вздымается ее маленький округлый живот.

– А не проще было бы принять лекарство? – замечает доктор Готце.

Он осторожно сжимает обеими руками маленькую чашечку кофе.

– Главное преимущество данного метода, – возражает Томас, – именно в том и состоит, что вам больше никогда не понадобится лекарство... И задержите дыхание.

Доктор Готце внимательно рассматривает Аж. Девушка

вновь делает долгий выдох через нос и опять задерживает дыхание.

– Очень напоминает технику пранаямы...

– Эту методику изобрели русские в те времена, когда у них не было средств на покупку антиастматических препаратов... Хорошо, теперь выдох. – Лалл наблюдает за тем, как Аж выдыхает. – И снова задержите дыхание. Все на самом деле очень просто – если только смириться с тем, что прежние способы дыхания принципиально неверны и вредны. Доктор Бутейко считал кислород ядом. Из-за него мы начинаем ржаветь буквально с первого мгновения жизни. Астма не что иное, как реакция нашего организма, пытающегося прекратить поступление ядовитого газа. Несмотря ни на что, мы продолжаем разгуливать, словно наземные киты, с открытыми ртами, заглатывая огромное количество обжигающего легкие O_2 , и убеждать себя, что нам это очень полезно. Метод Бутейко направлен на выравнивание баланса O_2 и CO_2 в организме. Вы должны ограничить поступление кислорода, чтобы увеличить часть углекислого газа, чем как раз и занимается сейчас Аж. Вдох.

Аж с побелевшим от усилий лицом запрокидывает голову назад, втягивает живот и делает вдох.

– Хорошо, дышите нормально, но через нос. Если вас вдруг охватит страх, сделайте пару раз упражнение с задержкой дыхания, но ни в коем случае не открывайте рта. Всегда дышите носом, только носом.

– Ваша методика представляется мне подозрительно простой, – замечает Готце.

– Лучшие идеи всегда очень просты, – возражает Томас Лалл.

Доктор Готце уезжает на велосипеде, а Лалл отправляется провожать Аж до отеля. Грузовики и микроавтобусы мчатся по прямой белой дороге, сигналижая на все лады. Лалл взмахом руки приветствует знакомых водителей.

Ему не следовало идти с ней. Он должен был отослать девушку одну, помахав и улыбнувшись на прощание, а затем быстренько собрать вещи и бежать на автобусную станцию. Но вместо этого он почему-то говорит:

– Вам нужно появиться и завтра, еще на один сеанс. Необходимо время, чтобы полностью овладеть методикой.

– Думаю, мне не нужно приходить завтра, профессор Лалл.

– Почему?

– Вас здесь уже не будет. Я видела чемодан на кровати. Мне кажется, что вы сегодня уедете.

– Почему вы так думаете?

– Потому что я нашла вас.

Лалл молчит. Ему хочется задать вопрос: «Вы что, умеете читать мои мысли?»

Моторное каноэ с аккуратно одетыми школьниками пересекает заводь и подходит к причалу.

– Мне кажется, вы хотите знать, каким образом мне уда

лось вас найти.

– Уверены?

– Да, потому что было бы гораздо проще давно уехать. Но вы до сих пор здесь.

Девушка останавливается и следит за плавным полетом птицы с хищным взглядом и клювом, напоминающим кинжал. Пернатое проносится над пастельно-голубой церковью Святого Фомы и летит среди широких листьев пальм, стволы которых выкрашены в красный и белый цвета – это напоминание водителям о том, что прямо за деревьями начинается река.

– Птица-падди, индийская озерная цапля *Ardeola greyii*, – говорит Аж так, словно слышит эти слова впервые. – Гм...

Она делает шаг вперед.

– Вы явно хотите, чтобы я задал вам вопрос, – говорит Томас Лалл.

– Если это вопрос, то ответ на него будет следующим: я видела вас. Я хотела вас отыскать, но не знала, где вы находитесь. Боги показали мне, что вы здесь, в Теккади.

– Я в Теккади, потому что не хочу, чтобы меня нашли – боги, люди, все равно...

– Я понимаю. Но мне нужно было вас найти не потому, что вы знаменитый профессор Лалл. Все дело в этой фотографии.

Девушка открывает наладонник. Солнечный свет очень ярк, поэтому картинку плохо видно. Фотография сделана в

такой же погожий день, как и сегодня: трое европейцев стоят, прищурившись, у входа в храм Падманабхасвами в Тируванантапураме. Среди них худощавый мужчина с болезненно-желтоватым лицом – и женщина, явно уроженка южной Индии. Мужчина обнимает женщину за талию. Второй мужчина на снимке – Томас Лалл, с широкой американской улыбкой, в гавайской рубашке и жутких шортах. Лалл узнает фотографию.

Фото сделано семь лет назад, после конференции в Нью-Дели, когда он решил совершить месячное путешествие по независимым штатам незадолго до того распавшейся Индии, стране, которая всегда в одинаковой мере восхищала, ужасала и притягивала его. Контрасты Кералы заставили Лалла задержаться еще на неделю. Смесь ароматов пыли, мускуса, опаленных солнцем кокосовых циновок; древнее чувство превосходства над искореженным кастовой системой севером; темные, зловонные, хаотические боги с их кровавыми ритуалами; успешное, хотя и мучительное осознание той истины, что коммунизм есть идеология изобилия, а не скудости; и непрерывный мутноватый поток сокровищ и странников.

– Не стану отрицать, это я, – говорит Томас Лалл.

– А вот вторую пару вы узнаете?

Сердце Лалла сжимается.

– Какие-то туристы, – лжет он. – У них, наверное, осталась точно такая же фотография. А что?

– Мне кажется, это мои настоящие родители. И именно их я пытаюсь найти. Поэтому я просила богов указать мне дорогу к вам, профессор Лалл.

Лалл внезапно останавливается. Мимо них, в облаке дорожной пыли, исторгая слащавые звуки киномузыки Ченнаи, проносится грузовик, украшенный изображениями Шивы, его супруги и сыновей.

– Каким образом к вам попала эта фотография?

– Ее прислала в мой восемнадцатый день рождения одна адвокатская контора из Варанаси в Бхарате.

– А ваши приемные родители?..

– Из Бангалора. Им известно о моих поисках. И они дали мне свое благословение. Они никогда не скрывали от меня, что я их приемная дочь.

– У вас есть еще какие-нибудь подобные фотографии?

Она находит в памяти палма еще одну фотографию. Девочка-подросток сидит на веранде, крепко обхватив руками плотно сжатые колени, словно намереваясь любой ценой защитить свою девственность. На девочке нет тилака Вишну. За спиной у нее стоят мужчина и женщина, по виду выходцы из южной Индии, лет около пятидесяти, одетые по-европейски. Они производят впечатление людей открытых, честных и вполне цивилизованных, которые никогда не станут мешать дочери в ее попытках отыскать свои корни.

Лалл касается палма и возвращается к фотографии с храмом.

– И вы утверждаете, что это ваши настоящие родители?

– Мне так кажется.

«Невероятно!» – хочет сказать Лалл. Но он молчит, и молчание еще больше стягивает его оковами лжи. Такова уж твоя судьба, Томас Лалл. Куда ни повернись, везде приходится лгать. Вся жизнь состоит из лжи.

– Я их не помню, – признается Аж. Ее голос звучит спокойно, без всяких эмоций, чем-то напоминая те цвета, которые она предпочитает в одежде. Таким голосом люди говорят о заполнении налоговой декларации. – Когда я получила фотографию, то совершенно ничего не почувствовала. Но все-таки одно воспоминание я сохранила. Оно такое давнее, что напоминает сон. Я помню скачущую галопом белую лошадь. Она подбегает ко мне и поднимает передние ноги вверх, словно танцует, специально для меня. О, я так хорошо это помню!.. Мне очень нравилась та лошадь. Видимо, поэтому только она и сохранилась у меня в памяти.

– А что, адвокаты не прислали никаких объяснений?

– Никаких. Я надеялась, что вы поможете мне. Но, кажется, я ошиблась. Поэтому мне придется поехать в Варанаси и искать тех адвокатов.

– Я слышал, там начинается война.

Аж хмурится. На ее тилаке появляются морщинки. Томас Лалл чувствует, как все сжимается у него внутри.

– Я верю, что боги защитят меня от любой беды, – говорит девушка. – Они указали мне ваше местонахождение, они же

направят меня по безопасному пути и в Варанаси.

– Какие у вас могущественные боги!.

– О да, профессор Лалл. До сих пор они ни разу меня не подводили. Боги подобны ауре вокруг всего, что меня окружает. Конечно, я очень долго не понимала, что далеко не все люди способны их видеть. Поначалу я думала, что дело в правилах хорошего тона, что не следует вслух говорить о многом из того, что ты видишь. И самой себе я казалась очень грубой и невоспитанной девчонкой. И только потом я поняла, что большинство людей вообще ничего не видят и не знают.

Словно семилетний несчастный малыш по имени Уильям Блейк, который обратил внимание, что на лондонском платане буквально кишат ангелы... И только заступничество матери предотвратило серьезную трепку, которую ему собирался устроить отец. Нахальная самоуверенность и ложь. Прошла почти целая жизнь, и великий провидец, посмотрев на солнце, увидел бесчисленное множество Сил Небесных, поющих: «Свят, свят, свят, Господь Бог всемогущий...»

Томас Лалл в отличие от Уильяма Блейка каждое утро, прищурившись, всматривался в канзасское солнце, но не видел ничего, кроме ядерной топки и проблем, связанных с неопределенностью квантовой теории...

Лалл ощущает растущее напряжение в нижней части живота, но оно совсем не похоже на пробуждение древнего змия, предвкушающего сексуальные наслаждения, – ощущение

ние, знакомое ему по интрижкам с загорелыми туристками. Это нечто принципиально иное. Какая-то зачарованность... и – страх.

– Вокруг всего, что вас окружает?..

Аж делает своеобразное движение – нечто среднее между европейским кивком и индийским покачиванием головой.

– В таком случае кто это такой?

Лалл указывает на палатку торговца пальмовым соком, где сидит господин Суппи и отгоняет мух мятым экземпляр-ом «Тируванантапурам таймс».

– Сандип Суппи. Он торговец пальмовым соком и живет в доме 1128 по Дороге Народной Радости.

Томас Лалл чувствует, как сжимается от страха его мошонка.

– И вы никогда раньше не видели его?..

– Никогда. Я никогда не встречала и вашего друга доктора Готце.

Мимо проносится желто-зеленый автобус. Аж снова де-лает неопределенное движение головой и бросает хмурый взгляд на написанный от руки номер.

– Это автобус принадлежит Налакату Моханану, но ведет его кто-то другой. Срок эксплуатации машины давно вышел. Я бы никому не посоветовала ездить на ней...

– Да-а... – говорит Лалл.

Голова у него идет кругом, как будто Томас хватил лиш-него «Непали», которым втихомолку приторговывает госпо-

дин Суппи.

– Но я одного не могу никак взять в толк, как же получается, что ваши боги по одному взгляду на номер автобуса могут во всех подробностях расписать состояние тормозов, но совершенно не способны ничего сообщить о тех людях, которых вы считаете своими настоящими родителями?

– Я не вижу их, – отвечает Аж. – Они словно слепое пятно в поле моего зрения. Каждый раз, когда я смотрю на них, все покрывает тьма, и я ничего не вижу.

– Ага... – произносит Лалл. Волшебство всегда страшно, но «прореха» в волшебстве – это уж просто жутко. – Что вы хотите сказать? Вы их вообще не видите?

– Я вижу их как людей, но не вижу ауры, не могу получить никакой информации...

Поднимающийся ветер шевелит листья пальм и вносит еще большее замешательство в душу Лалла. Вокруг него собираются какие-то незримые силы, замыкая его внутри мандалы судеб и загадочных совпадений. Тебе надо бежать отсюда – и как можно скорее, парень. Не позволяй этой женщине втянуть тебя в паутину своих тайн. Ты солгал ей, но не можешь вынести того, что она говорит тебе правду.

– Я не сумею вам помочь, – говорит Томас Лалл.

Они стоят у ворот «Палм империал». Он слышит приятные ритмичные звуки – где-то играют в теннис. Шепот ветра в зарослях бамбука: сегодня снова будет сильный прибой. Томасу так не хочется покидать здешние места.

– Мне жаль, что вы приехали сюда напрасно.

Лалл оставляет девушку в вестибюле отеля. Дождавшись, пока она поднимется в номер, он просит Ахутанадана, менеджера отеля, предоставить ему сведения о ней.

Ажмер Рао. Валаханка-роуд, район Силвер-Оук, Раджан-кунте, Бангалор. Восемнадцать лет. Счета оплачивает «черной» карточкой промышленного банка Бхарата. Финансовое оружие слишком крупного калибра для девушки, работающей на сеть Бхати-клубов в Керале...

Банк Бхарата. Почему не Первый Карнатский или не Объединенный Южный банк? На первый взгляд очень маленькая загадка среди сонма сияющих божеств...

Томас пытается выследить их, возвращаясь домой по белой дороге, заметить краем глаза, узреть их молниеносный полет. Но деревья остаются всего лишь деревьями, грузовики непреклонны в стремлении быть только грузовиками, а озерная цапля горделиво расхаживает среди плавающей на поверхности воды кокосовой скорлупы.

Вернувшись на борт «Salve Vagina», Томас Лалл бросает стопку аккуратно сложенных рубашек поверх томика Блейка и закрывает сумку. Беги – и не оглядывайся назад. Оглянувшийся превращается в соляной столп.

Лалл оставляет записку и немного денег для доктора Готце, чтобы тот нашел какую-нибудь местную женщину и помог ей упаковать оставшиеся вещи в ящики. Когда Томас обоснуется на новом месте, он пришлет за ними.

Выйдя на дорогу, он ловит проезжающего мимо авторикшу, который довозит его до автобусной станции. Лалл сидит, крепко держась за саквояж. Автобусная станция – наиболее полное выражение широты индийской души. Старенькие «таты» используют широкий участок дороги для разворота и делают это, не обращая ни малейшего внимания на здания, пешеходов и другой транспорт. Аляповато разукрашенные автобусы неторопливо лавируют между будками механиков, киосками торговцев закусками и вездесущими продавцами пальмового сока. «Марути» с грохочущими вентиляторами и открытые пикапы «махиндра», на все лады вопя клаксонами, пробираются сквозь местную суету. В пяти автобусах оглушительно соревнуются между собой последние музыкальные хиты.

Автобус до Нагеркойла отправляется только через час, по этому Томас Лалл покупает себе пальмового сока, садится на корточки на грязную маслянистую землю под зонтиком торговца и наблюдает, как водитель и кондуктор ругаются с пассажирами. Микроавтобус «Палм империал» подлетает с обычной для него головокружительной скоростью. Боковые двери распахиваются, и оттуда выходит Аж. У нее в руках маленькая серая сумка. Девушку сразу же окружают подростки, хватаются за багаж, предлагая свои услуги в качестве носильщиков.

Томас Лалл встает, выходит из-под широкого зонтика, подходит к Аж и берет сумку.

– Автобусы на Варанаси сюда, мадам.

Водитель сигналил. Последнее «прощай» югу. Последнее «прощай» спокойствию и мечте о плавательной секции. Томас Лалл ведет девушку сквозь толпу тощих мальчишек прямо к экспрессу на Тируванантапурам.

– Вы передумали?

– Прерогатива настоящего джентльмена. И мне всегда хотелось увидеть войну с близкого расстояния.

Он вспрыгивает на подножку, тянет за собой Аж. Они протискиваются по проходу, находят свободное место. Лалл усаживает девушку у оконной решетки. На лице Аж появляется тень в клеточку. Невыносимая духота. Водитель сигналил в последний раз, и автобус отправляется.

– Профессор Лалл, я вас не понимаю.

По мере того как автобус набирает скорость, короткие волосы Аж начинает шевелить легкий ветерок.

– Я тоже себя не понимаю, – отвечает Томас, с отвращением оглядывая забитый до отказа салон. Рядом с ним беспокойно ерзает маленькая козочка. – Но знаю одно: как только акула перестает двигаться, она тонет. И может так случиться, что возникнет ситуация, в которой ваши боги не смогут вам помочь. Пошли.

– Куда вы? – спрашивает Аж.

– Я не собираюсь проводить пять часов в жуткой тесноте в такой день, как сегодня.

Лалл стучит по стеклянной перегородке, отделяющей ка-

бину водителя от салона. Шофер сдвигает свой паан за левую щеку, кивает и останавливает автобус.

Томас Лалл взбирается по лесенке на крышу и протягивает руку Аж.

– Забрасывайте багаж сюда.

Аж толкает сумку. Двое мальчишек-носильщиков, сидящих на крыше, хватают ее и засовывают среди тюков ткани для сари. Придерживая одной рукой солнцезащитные очки, Аж взбирается наверх и садится рядом с Лаллом.

– О, как здесь чудесно! – восклицает она. – Мне отсюда все видно!

Томас Лалл стучит по крыше:

– На север!

Автобус, исторгнув черное облачко мерзкого биодизельного выхлопа, отправляется дальше.

– Ну а теперь перейдем к следующей ступени нашего обучения по методу Бутейко...

Лиза Дурнау уже не помнит точно, сколько раз капитан Бет связывалась с ней, но салон модуля залит ярким светом, по коммуникационным каналам идут непрерывные переговоры, а в атмосфере чувствуется напряженное ощущение приближения чего-то очень важного.

– Мы на подходе?

– Да, проводится завершающая корректировка, – отвечает маленькая женщина с бритым черепом.

Лиза чувствует легкий толчок – «отрыжку» позиционных двигателей.

– Можно перевести информацию на мой хёк?

Она не желает пропустить ни одной подробности встречи человечества с настоящим, «сертифицированным» Загадочным Артефактом Инопланетян. Капитан Бет подвешивает устройство у Лизы за ухом, находит на черепе зону наилучшего восприятия, затем прикасается к освещенной приборной панели.

Сознание Лизы вырывается в космическое пространство. У девушки возникает абсолютно реальное ощущение, что ее тело – это космический корабль, что она полностью перенеслась во вселенскую пустоту. Лиза парит, подобно ангелу, посреди медленного танца компонентов космической инженерии: ступенчатых крыльев мощных солнечных батарей, розетки пленочных зеркал, напоминающих ореол из миниатюрных солнц... Прямо у нее над головой – антенна широкого диапазона, а мимо проносится космический челнок. Вся сложная техническая структура, соединяемая кабельной паутиной с «пауком», находящимся в черной сердцевине – Дарнли-285, – купается в ослепительно ярком свете. Пыль, собиравшаяся на нем в течение миллионов лет, сделала его лишь чуть-чуть более светлым по сравнению с окружающей космической чернотой. Зеркала смещаются, и у Лизы перехватывает дыхание от великолепия серебристого света, отбрасываемого расходящимися лучами трилистника, распо-

ложившегося на поверхности астероида. Удивление уступает место смеху: наверное, кто-то забросил логотип «Мерседеса» на этот блуждающий по просторам вселенной камень. Кто-то... Но кто? Не человек...

Трискелион¹⁹ громаден: длина каждого луча метров двести. Вселенский вальс замедляется, как только капитан Бет приводит скорость вращения в соответствие со скоростью вращения астероида, а Лизе удастся произвести психофизиологическую переориентировку. Чувство стремительного падения проходит. Астероид находится у нее под ногами, и девушка спокойно опускается на него.

На расстоянии полукилометра от поверхности Лиза видит пучки света, исходящие от базы землян. Купола и списанные баки покрыты толстым слоем пыли, притягиваемой статическим электричеством. И только внеземной трискелион источает яркое, ничем не замутненное сияние.

Челнок движется в красном свете навигационных маяков. Несколько роботов усердно работают манипуляторами, очищая лампы и лазерные линзы пускового устройства. Взглянув вверх, Лиза видит, как они движутся вверх и вниз по силовым и коммуникационным кабелям. Дочери священника сразу же вспоминается библейская история о лестнице Иакова.

– Я вас отключаю, – звучит голос капитана Бет.

¹⁹ Фигура, состоящая из трех изогнутых линий, лучей или других фигур, исходящих из единого центра

Лиза на мгновение теряет ориентацию, а затем вновь оказывается в тесной рубке модуля. Счетчики обнуляются, и де-вушка понимает – они сели на астероид. Некоторое время ничего не происходит. Затем начинают доноситься лязг, бряцание, глухие удары, свист, шипение. Капитан Бет расстегивает молнию на скафандре Лизы, и в нос бьет острый запах немытого тела. Сила тяготения на Дарнли-285 гораздо меньше земной, но вполне достаточна для того, чтобы дать представление о том, где верх, а где низ.

Начинается процесс ментальной переориентировки. Лиза висит головой вниз, словно летучая мышь. Перед ее глазами поворачиваются люковые задрайки, открывая короткий трубообразный проход, узкий, словно родовые пути. Распахивается еще один люк. В отверстие просовывает голову и плечи коренастый плотный мужчина. По его внешности можно с уверенностью сказать, что он является обладателем обширного запаса полинезийских генов, совсем недавно привнесенных в его семейное древо. На скафандре сверкает эмблема армии Соединенных Штатов.

Протягивая руку Лизе, мужчина улыбается великолепной улыбкой.

– Доктор Дурнау, меня зовут Сэм Рейни, я директор проекта. Добро пожаловать на Дарнли-285 или, как наши коллеги-археологи любят его называть, Скинию!..

Господин Нандха, Парвати

Теперь, когда карсеваки устроили постоянный лагерь у находящейся в опасности статуи Ганеши, уличное движение совершенно вышло из-под контроля, а господина Нандху, Сыщика Кришны, к тому же больше, чем обычно, терзает грибковая инфекция. Но еще хуже то, что ему предстоит брифинг с Виком в Отделе информационного поиска.

Господина Нандху в Вике раздражает абсолютно все, начиная от придуманного им самим для себя прозвища Вик (что дурного он нашел в «Викраме», хорошем имени с великолепными историческими ассоциациями?) до его «эмтвишного» стиля. Для господина Нандхи он – противоположная крайность тем фундаменталистам, которые сейчас собрались на перекрестке. Если Саркханд представляет атавистическую Индию, то Вик является жертвой погони за суперсовременным и преходящим. Но окончательно испортила господину Нандхе день его ссора с Парвати.

Утром она смотрела телевизор и смеялась, всплескивая руками, своим привычным извиняющимся смехом, над болтовней приглашенных в студию многословных глуповатых телезнаменитостей.

– Этот счет... Мне кажется, что сумма... несколько... несколько... великовата.

– Счет?

– Да, за капельное орошение.

– Но оно же необходимо. Как можно вырастить бринджал без орошения?

– Парвати, есть люди, которым не хватает воды, чтобы сварить горсть риса.

– Именно поэтому я и решила использовать капельное орошение. Это очень эффективно. Экономия воды – наш патриотический долг.

Господин Нандха сумел сдержать тяжелый вздох – пока не вышел из комнаты. По палму он отправил поручение об оплате, а его сарисины сообщили, что Вик запрашивает господина Нандху о встрече, и указали ему новый, незнакомый маршрут на работу в объезд Саркханда.

Он вернулся в комнату, чтоб попрощаться с Парвати, и обратил внимание, что жена смотрит главные новости часа.

– Ты слышал? – спрашивает она. – Дживанджи заявляет, что он оседлает рат ятру и помчится на ней по стране, подобно Раме, пока миллион крестьян не соберется на развязке Саркханд.

– Этот Дживанджи – известный популист и любитель устраивать беспорядки. Нам необходимо национальное единство перед лицом опасности со стороны Авадха, а не миллион нищих карсезаков, грязной толпой идущих на Ранapur.

Он целует Парвати в лоб. Настроение у господина Нандхи

немного улучшается.

– До свидания, моя бюль-бюль. Ты будешь работать в саду?

– О да. Кришан придет в десять. Доброго пути. И не забудь забрать костюм из прачечной. Мы приглашены к Дава-рам сегодня вечером.

Господин Нандха спускается в стеклянном лифте по стене высотного дома Ваджпайи. У него вдруг резко повысилась кислотность. Перед глазами проплывает неприятная картина: он растворяется изнутри, клетка за клеткой, орган за органом.

– Викрам.

Викрам не очень высокого роста, да и фигура у него не ахти какая, что, однако, не мешает ему буквально во всем следовать моде. Он стильное создание: широкая майка без рукавов с бессмысленными текстами, сверкающими на дорогой материи – с помощью подобных надписей, как гласит учение, можно достичь состояния «случайного дзен», – модного покроя бриджи со спортивным облегающим трико под ними. И еще найковские «предейторы» – стоимостью в месячную зарплату честного сикха у входной двери.

Господин Нандха воспринимает подобные вещи как просто недостойные. Недопустимым же надругательством ему кажется и узкая бородка, тянущаяся от нижней губы до кадыка Викрама.

– Кофе?..

У Вика на столе постоянно стоит кофе в никогда не остывающей чашке. Господину Нандхе нельзя пить кофе. От него желудок Сыщика Кришны приходит в волнение. Он отдает пакетик с аюрведическим чаем молчаливому помощнику Викрама, имя которого никак не может запомнить. Процессор тоже стоит на столе у Вика. Это стандартный прозрачный голубой куб. Вик подключил его к самым разнообразным мониторам.

– Ну что ж, – произносит он и щелкает пальцами. Из громкоговорителей доносится шепот театра Бладда. Звук несколько приглушен из уважения ко вкусам любящего Монтеверди господина Нандхи. – Было бы гораздо легче, если бы вы хотя бы время от времени оставляли нам что-то, над чем мы могли поработать.

– Я принял ясное сообщение о серьезной опасности, – отвечает господин Нандха, и его внезапно осеняет: Вик, модный Вик, «технологический Вик», поклонник «транс-металла», завидует ему. Он тоже жаждет настоящих заданий, первоклассного сопровождения, министерских костюмов, оружия, способного убивать двумя способами, и набора аватар.

– На сей раз вы оставили даже меньше информации, чем обычно, – говорит Вик. – Впрочем, ее вполне достаточно для проведения нескольких нанопроб и получения почти полного представления о том, что происходит. Я полагаю, что программист...

– Он оказался самой первой жертвой.

– Так всегда и бывает. Было бы совсем неплохо, если бы он сумел в точности рассказать нам, почему его сарисин, призванный заниматься бухгалтерией маленького заводика, работал с фоновой программой по торговле на международном венчурном рынке.

– Пожалуйста, объяснитесь, – просит господин Нандха.

– Морва в Налоговом отделе объяснит это лучше меня, но создается впечатление, что «Паста Тикка», сама не ведая того, переводила горы рупий на счета компании с венчурным капиталом под названием «Одеко».

– Мне действительно необходимо поговорить с Морвой, – решает господин Нандха.

– Но одно я могу сообщить вам прямо сейчас...

Указательным пальцем Вик касается черты на плоском голубом экране.

– А, – произносит господин Нандха, скривив губы в едва заметной улыбке.

– Наш старый друг джайн Джашвант.

Парвати Нандха сидит в беседке из амаранта на крыше своего дома. Прикрыв глаза ладонью, она наблюдает за тем, как еще один военный транспорт плавно появляется на востоке и исчезает где-то за небоскребами крупных компаний Нью-Варанаси. Только военные, да еще черные коршуны, залетающие очень высоко, нарушают мир и покой ее сада в самом центре города.

Парвати подходит к краю, смотрит через парапет. Там, десятью этажами ниже, улица полнится народом, как артерия кровью. Затем она проходит по выложенному кафелем патио к грядкам, приподнимает сари, чтобы не испачкаться, и, наклонившись, рассматривает сеянцы кабачков. Пластиковый тент над ними весь затуманился от влаги. Температура воздуха здесь, на крыше, уже тридцать семь градусов, а небо тяжелое, непроницаемое, карамельного желтого цвета – из-за смога, – источающее нестерпимую духоту. Заглядывая в промежуток между пленкой и почвой, Парвати вдыхает запах земли, мульчи, влаги и первых ростков.

– Пусть они сами растут.

Кришан – очень крупный мужчина, но умеет двигаться тихо и незаметно. Но Парвати уже почувствовала у себя на шее холодок от его тени, словно росу на листочках саженцев.

– О, как вы меня испугали! – восклицает она с притворной застенчивостью и волнением.

Игра, в которую Парвати так любит с ним играть.

– Простите меня, госпожа Нандха.

– Ну?..

Кришан вынимает бумажник и достает оттуда сто рупий.

– Как вы догадались?

– Это же очевидно, – отвечает Парвати. – Тот человек должен был оказаться Говиндом, в противном случае зачем ему выслеживать ее в доме с дурной репутацией в Восточном Брахмапуре? Просто чтобы посмеяться и поиздеваться

над ней? Нет-нет, только настоящий муж отыщет свою жену, простит ее и возвратит домой. Я знала, что это Говинд, с того мгновения, как он появился на пороге салона тайского массажа. Маскировка под летчика не могла меня обмануть. Семья, конечно, может ее отвергнуть, но настоящий муж – никогда. И теперь главное для него – отомстить директору шоу «Сапа сингинг стар»...

– Хуршиду.

– Нет, Хуршид – владелец ресторана. Директор – Арвинд. Говинд, конечно, отмстит, если только раньше его не прикончат китайцы из-за проекта с казино.

Кришан поднимает руки в знак полной капитуляции. Он небольшой любитель «Города и деревни», но будет смотреть сериал и делать ставки на развитие его невероятно запутанных сюжетных линий, только бы угодить клиентке. Странный заказ – огород на крыше многоэтажного жилого дома в центре города. Но необходимо идти на компромиссы. Как сложны и непредсказуемы часто бывают эти браки города и деревни.

– Я скажу повару, чтобы он приготовил для вас чаю, – говорит Парвати.

Кришан наблюдает за ней. Она подходит к лестнице и зовет кого-то снизу. В ней есть сельская грация. Город славен внешним блеском, село – мудростью. Кришан задается вопросом о ее муже. Он в курсе, что господин Нандха – государственный служащий и все счета оплачивает в срок и без

всяких возражений. Зная так мало о нем, Кришан пытается пред ставить, на чем основаны их семейные взаимоотношения, влечение друг к другу. Да и собственно, над чем тут особенно думать? Кришан иногда спрашивает себя, удасться ли ему когда-нибудь найти жену, если даже девушки из самых низших каст без особых усилий находят себе мужей из среднего класса. Огород... Заработай деньги, посади его, вырасти и заработай еще больше. Купи «марути» и переезжай в Лотосовые Сады. И там ты сможешь жениться – если, конечно, найдешь подходящую жену.

– Сегодня, – заявляет Кришан, допив чай и поставив стакан на деревянную стенку огородика, – я подумал, что этим бобам и гороху необходима защита. Они открыты слева. И вот здесь нужно организовать четверть грядки для салатных овощей в западном стиле. Они очень хороши для званых обедов. Пока вы развлекаете гостей, повар сможет нарезать свежие овощи.

– Мы никого не принимаем, – говорит Парвати. – Но сегодня вечером Давары устраивают большой прием. Очень крупное мероприятие. У них так мило. Так много деревьев. Но господин Нандха считает, что это очень неудобно, слишком далеко. Слишком долго ехать. И я могу получить все то, что там есть, но с гораздо большими удобствами.

Кришану, чтобы занести две деревянные шпалы для ограждения грядок, приходится дважды спуститься вниз и снова подняться на крышу. Он прикидывает, каким образом

будет удобнее их уложить, затем подрезает пленку и устраивает все наилучшим образом. Парвати Нандха сидит на краешке грядки с томатами и перцем, наблюдая за его работой.

– Госпожа Нандха, а вы не пропустите свой сериал? – спрашивает Кришан.

– Нет-нет, сегодня очередную серию перенесли на 11:30 из-за финального матча с Англией.

– Ах вот оно что, – отвечает Кришан, обожающий крикет. Когда Парвати уйдет, он сможет включить приемник. – Не обращайтесь на меня внимания.

Он начинает сверлить отверстия в шпалах, постоянно ощущая на себе пристальный взгляд сидящей у него за спиной госпожи Нандха.

– Кришан, – вдруг окликает она.

– Да, госпожа?

– Сегодня такой... такой приятный день, а когда я сижу у себя внизу, то слышу, как вы таскаете что-то, стучите, сверлите, но я ни разу не видела, как вы работаете, а вижу только готовый результат вашего труда.

– Понимаю, – отвечает Кришан. – Вы мне не мешаете.

Но он лжет, ее присутствие нервирует его.

– Госпожа Нандха, – говорит Кришан, укладывая последнюю шпалу. – Мне кажется, вы можете пропустить свою программу.

– Да? – восклицает Парвати. – О, я никогда не замечаю времени. Впрочем, ничего страшного, я посмотрю повтор

вечером.

Кришан берется за мешок с компостом, вскрывает его садовым ножом, и часть жирного коричневого удобрения проливается у него между пальцами на поверхность крыши.

От горящей собаки исходит омерзительный маслянистый дым. Джайн Джашвант и мальчишка-подметальщик стоят с закрытыми глазами. Закрыты ли они в молчаливой молитве или просто от возмущения, господину Нандхе не дано знать. Через несколько мгновений пес превращается в маленький клубок огня. Другие собаки продолжают, твякая, беззаботно прыгать у ног Сыщика Кришны. Они слишком глупы, подчинены жестким программам, вложенным в них создателями, чтобы понять, какая опасность им угрожает.

– Вы подлый и жестокий человек, – говорит джайн Джашвант. – Ваша душа черна, как уголь, вам никогда не достичь чистого света мокши.

Господин Нандха сжимает губы и направляет оружие на новую жертву – маленького скуби с печальными глазками и желто-коричневым мехом с фризским рисунком. Почувствовав внимание к себе, существо начинает махать хвостиком и ковыляет, весело помахивая высунутым языком, к Сыщику Кришны, пробираясь между немислимым множеством других собачек-роботов. Господин Нандха считает организацию Обществ защиты животных недопустимым социальным излишеством. В Варанаси нечем кормить детей, что

уж тут говорить о брошенных собаках и кошках. А убежища для киберлюбимцев вызывают у него просто откровенное возмущение.

– Садху, – спрашивает господин Нандха, – что вам известно о компании под названием «Одеко»?

Это не первый визит представителя полиции в Приют сострадания к искусственной жизни. В джайнизме идет непрекращающаяся дискуссия относительно того, наделены ли так называемые киберлюбимцы и человеческие творения с искусственным интеллектом душой. Джашвант принадлежит к старой школе Дигамбары. Все, что живет, движется, поглощает пищу в том или ином ее виде и способно к воспроизводству, – это джива. И потому, если человеческих деток утомляют их киберскуби или если верный друг цепной киберпес по восемнадцать раз за ночь вызывает полицию, для всех подобных существ есть место, где о них позаботятся, а не только рамнагарская свалка. Здесь находят прибежище многие отработавшие свой срок сарисины. За последние три года господин Нандха со своими аватарами дважды навещался сюда, чтобы произвести массовое уничтожение киберхлама.

Джашвант ожидал его на пороге своего грязного магазинчика, расположенного в оживленном деловом районе Джанпура. Кто-то или что-то успело его заранее уведомить о приходе полиции. Значит, господин Нандха явно здесь сегодня ничего не найдет. Пока Джашвант медленным шагом при-

ближается к Сыщику Кришны, чтобы приветствовать представителя министерства, подметальщик, десятилетний мальчишка, с завидным усердием сметает метелкой с пути святого насекомых и всякую другую живую мелочь. Во всем следуя учению Дигамбары, Джашвант не носит никакой одежды. Он очень крупный мужчина, с обилием жира на животе, сильно страдающий от кишечных газов из-за диеты с высоким содержанием углерода.

– Садху, я расследую трагический инцидент, в котором погибли люди. В нем замешан нелегализованный сарисин. Наши данные указывают, что он был загружен из здешних мест.

– В самом деле? Мне трудно в это поверить. Но если уж вы считаете необходимым, то пожалуйста – проверяйте все наши компьютерные системы. Я уверен, что у нас все в полном порядке. Мы занимаемся помощью несчастным живым существам, господин Нандха, а не противозаконными спекуляциями.

Впереди идет мальчик-подметальщик. На нем только коротенькое дхоти, и кожа у него блестит, как будто ее натерли маслом, смешанным с золотыми блестками. Господин Нандха видел таких же мальчиков и во время прежних визитов. Все они одинаковые – с тусклым, ничего не выражающим взглядом и каким-то избытком кожи.

Внутри самого помещения стоит тот же гул, который Сыщик Кришны помнит по своим предыдущим посещениям.

На цементном полу – тысячи киберсобачек, кружащих по комнате. Металлические стены звенят от их скрипа, лая, завывания и даже своеобразного пения.

– Больше тысячи за последний месяц, – сообщает Джашвант. – Наверное, из-за того, что все боятся войны. В грешные времена люди начинают переоценивать ценности. Много из прежде любимого выбрасывается как ненужное.

Господин Нандха вытаскивает пистолет и прицеливается в приземистую крошечную комнатную собачонку, которая сидит на задних лапах, высунув розовый пластиковый язычок и помахивая передними лапами и хвостом. Стреляет в нее. Индра-Громовержец медленно приближается к киберскуби.

– Садху, скажите мне прямо, вы поставляли искусственный интеллект первого уровня в компанию «Паста Тикка»?

Джашвант ворочает головой, словно от боли, но это не ответ. Выстрел из пистолета подбрасывает собачонку на полтора метра в воздух. Она падает на спину, дергается и начинает дымиться.

– Плохой, злой человек!..

Подметальщик поднимает метелку так, словно собирается вымести господина Нандху вместе со всеми его грехами.

Не исключено, что внутри метлы есть отравленные иглы. Сыщик Кришны пристальным презрительным взглядом приводит мерзкого мальчишку в смущение.

– Садху.

– Да! – отзывается Джашвант. – Конечно. И вам это хорошо известно. Но он оставался в нашей сети...

– Куда он пошел от садху? – спрашивает господин Нандха и снова поднимает свое оружие.

Он прицеливается в идущую вразвалочку стальную таксу, такую добродушную, затем переводит дуло пистолета на великолепную киберколли, абсолютно неотличимую от реальной, идеально аутентичную во всем, начиная от пластиковой шерсти и заканчивая интерактивными глазами. Джайн Джашвант издает едва слышный вопль ужаса и душевной муки.

– Садху, я вынужден настаивать.

Джашвант как будто хочет что-то сказать.

Индра выбирает жертву, прицеливается и стреляет – в то мгновение, когда у господина Нандхи появляется подобное намерение. Киберколли издает долгий пронзительный стон, заставляющий умолкнуть лай и тявканье кругом, изворачивается дугой, от которой мгновенно сломался бы позвоночник у любой реальной собаки, и падает на цементный пол.

– Ну, садху?

– Прекратите, прекратите, ведь вы за это попадете прямоком в ад!..

Господин Нандха снова прицеливается и вторым выстрелом добивает несчастную киберколли. Следующей жертвой становится роскошная полосатая визла.

– Бадринат!.. – кричит Джашвант. Господин Нандха слышит, как несчастный джайн от ужаса громко испускает га-

зы. – Сундарбан Бадринат!..

Господин Нандха сует пистолет в карман пиджака.

– Вы мне очень помогли. «Рэй пауэр». Весьма интересно. Пожалуйста, оставайтесь здесь и никуда не выходите. Сюда скоро придет полиция.

Уходя, господин Нандха отмечает, что мальчишка очень ловко управляется и с огнетушителем.

Рам Сагар Сингх, главный комментатор крикетных матчей в Бхарате, вещает о последних новостях из радиоприемника, работающего на солнечных батарейках. Кришан задремал у решетки с гибискусом, погрузившись в воспоминания. Всю жизнь с ним беседовал этот медленный голос, который был для него ближе и мудрее голоса бога.

В один из школьных дней отец разбудил Кришана до рассвета.

– «Нареш инженер» стоит сегодня у калитки²⁰ в Уль-Хаке!

Их сосед Тхакур вез обувную кожу одному покупателю в Патну и с радостью взял отца и сына Кудрати в свой пикап. Не очень комфортно, но вполне вероятно, что «Нареш инженер» в последний раз стоит у калитки...

Свою землю Кудрати получили от Ганди и Неру. Землю, отнятую у заминдара и переданную земледельцам Бихарипура. История этой земли – предмет гордости, не просто на-

²⁰ термин в крикете

следство семейства Кудрати, а наследие всей страны. И имя ей – Индия, а не Бхарат, не Авадх, не Маратха, не Бенгальские Штаты. Вот почему отец Кришана обязательно должен увидеть величайшего бэтсмана²¹ Индии своего поколения. Ради чести семьи.

Кришану было восемь лет, и он впервые приехал в город. До того он видел матчи только по спортивным каналам «Стар Эйша», но они не давали даже отдаленного представления о количестве народа, окружившего стадион «Мойн Уль-Хак». Ему никогда раньше не приходилось видеть такое количество людей в одном месте. Отец уверенно вел Кришана сквозь кружащуюся во множестве водоворотов разноцветную толпу, чем-то напоминающую яркую ткань.

– Куда мы идем? – спросил Кришан, почувствовав, что они движутся наперекор общему потоку, устремленному к турникету.

– Билеты у Рама Виласа, моего двоюродного брата, племянника твоего дедушки.

Он помнит, как оглядывался по сторонам на бесконечный рой лиц, постоянно чувствуя прикосновение руки отца. И тут понял, что толпа значительно больше, чем показалось сначала. Мечтая о широком зеленом поле, о трибунах в отдалении, об аплодисментах тысяч болельщиков, он забыл конкретно договориться с кузенком Рамом Виласом о месте встречи. Теперь ему придется обходить по кругу тер-

²¹ отбивающий мяч в крикете

риторию «Уль-Хака» и, если потребуется, всматриваться в каждую попадающуюся по пути физиономию.

Проходит целый час в нестерпимой жаре, толпа редет, но отец Кришана продолжает упорный поиск. Внутри громадного бетонного овала выкрики громкоговорителей начинают представлять игроков. У индийцев принято приветствовать их громом аплодисментов и радостными возгласами. И тут отец с сыном понимают, что «дедушкина племянника» здесь не было и в помине. Так же как не было и никаких билетов. В похожей на шатер тени главной трибуны стоит маленький торговец съестным. Господин Кудрати снова хватается за сына за руку и тащит его по асфальту. Когда до них начинается запах прогорклого горячего масла, Кришан вдруг видит то, что так возбуждало его отца. На стеклянном прилавке стоит радиоприемник, исторгающий глупейшую поп-музыку.

– Сынок, настрой на матч, пожалуйста, – невнятно бормочет отец продавцу горячей снеди. Он сует ему горсть рупий. – И немного этих паппади.

Торговец заворачивает какую-то еду в кусок газеты.

– Нет, нет, нет! – в отчаянии почти вопит отец Кришана. – Вначале настрой. А потом давай еду. На волне 97,4...

Сквозь шум помех пробивается голос Рама Сагара Сингха. Великолепное британское произношение, голос поставлен на Би-би-си... Кришан усаживается на землю с кульком горячих паппади, прислоняется спиной к теплой стальной

тележке и начинает слушать репортаж.

Да, таковы его воспоминания о последних иннингах «Нареш инженер»: он сидит у тележки торговца паппади под стенами крикетного стадиона «Мойн Уль-Хак», слышит Рам Сагара Сингха и слабый, почти воображаемый стук биты, а затем нарастающий рев толпы у себя за спиной. И так почти целый день, пока на автомобильную стоянку не начинают опускаться предвечерние тени.

Кришан Кудрати улыбается во сне. Тень от вьющегося гибискуса падает на его закрытые веки, холодное дуновение проносится по лицу. Он открывает глаза. Над ним стоит Парвати Нандха.

– Мне следовало бы отругать вас за то, что вы спите в рабочее время, за которое я вам плачу.

Кришан бросает взгляд на часы на приемнике. У него еще есть десять минут, но он встает и выключает радио. Игроки ушли на перерыв, а Рам Сагар Сингх, как обычно, проходит по своему громадному компендиуму фактов из истории крикета.

– Мне просто хотелось узнать, что вы думаете о моих новых браслетах, которые я собираюсь надеть на сегодняшний прием, – говорит Парвати, одну руку положив на бедро, словно танцовщица, а другой размахивая перед Кришаном.

– Если вы не будете трясти ею, возможно, я разгляжу их и скажу вам свое мнение...

Металл сверкает на солнце, ослепляя Кришана. Инстинк-

тивно он протягивает вперед руку. И вот его рука уже обнимает госпожу за талию. Понимание того, что он делает, на мгновение парализует Кришана. Он высвобождает руку и говорит:

– Очень красиво. Они золотые?

– Да, – отвечает Парвати. – Моему мужу нравится дарить мне золото.

– Ваш муж очень вас любит. Вы будете первой звездой на вечеринке.

– Спасибо.

Парвати наклоняет голову, теперь она немножко стыдится своей несдержанности.

– Вы очень добры ко мне.

– Вовсе нет, я просто говорю правду. – Солнце и тяжелый аромат земли делают Кришана смелее. – Простите, но мне кажется, что вы слышите ее не так уж часто, как вы того заслуживаете.

– Вы слишком безапелляционны! – мягко укоряет его Парвати. – Вы слушали репортаж с крикетного матча?

– Да, из Патны. У нас двести восемь на пять.

– В крикете я совсем ничего не понимаю, – отвечает Парвати. – Это такой сложный вид спорта... и в нем так непросто выиграть.

– Стоит только начать разбираться в правилах и стратегии, и он покажется вам самой увлекательной игрой, – возражает Кришан. – Крикет ближе всего из английских ново-

введений к дзен.

— Мне хотелось бы побольше о нем узнать. О нем так много говорят на светских вечеринках. И я чувствую себя такой дуручкой, когда стою там и ничего не могу ответить. Скорее всего я не смогу осилить политику и экономику, но вот крикет — совсем другое дело. Вы мне поможете?..

Господин Нандха едет по Нью-Варанаси по направлению к «Дидоне и Энею», магазину, где продаются записи английской камерной оперы.

Господину Нандхе он нравится за хороший выбор английского барокко. На краю его сенсорного конверта, словно слух о муссоне, напоминание о сегодняшней вечеринке у Даваров. Как бы он обрадовался любому предлогу, который позволил бы ему отказаться от приглашения. Господин Нандха боится того, что Санджай Давар объявит о счастливом зачатии наследника. Брахмана, как он подозревает. Это вновь заведет Парвати. Он несколько раз объяснял ей свою точку зрения по данному вопросу, но она понимает только одно — муж не хочет подарить ей ребенка.

Настроение господина Нандхи вновь портится.

Какой-то шум в его слуховых зонах: звонок от Морвы, из налогового управления. Из всех сотрудников министерства Морва — единственный, к кому господин Нандха чувствует уважение. Есть какое-то изящество и даже красота в способности выслеживать преступление по бумагам. Здесь име-

есть дело с расследованием в его самой чистой и сакральной форме. Морве никогда не нужно покидать кабинет, не нужно бродить по улицам, он никогда не сталкивается с насилием, не носит оружия. Зато стоит ему сделать всего несколько легких жестов и моргнуть глазами, как его мысль летит с двенадцатого этажа, где расположен кабинет, во все концы света. Чистый интеллект, исторгнутый из тела, проносящийся из холдинг-компании туда, где укрываются от налогов, где происходит оффшорное сокрытие данных, а оттуда – к счетам условного депонирования. Абстрактный характер этой работы восхищает господина Нандху. Сущность без всякой физической оболочки. Чистый поток. Движение нематериальных денег через мельчайшие кластеры информации.

Ему удалось выследить «Одеко». Компания оказалась весьма загадочной, занимающейся туманными инвестициями. Зарегистрирована где-то на Карибах и, по многим свидетельствам, склонна разбрасываться астрономическими суммами на самые невероятные проекты. Среди прочего в Бхарате «Одеко» инвестирует Центр искусственного интеллекта при университете Варанаси; проектно-конструкторский отдел при «Рэй пауэр» и несколько «тепллиц» по производству сарисинов низкого уровня – по сути, практически нелегальных. Однако это совсем не те сарисины, которые способны, сорвавшись с цепи, устроить погром того типа, с которым Сыщик Кришны столкнулся в цехах «Пасты Тикка». Даже такие часто рискующие венчурные компании, как «Одеко»,

не пойдут на столь опрометчивый шаг и не вступят в отношения с сундарбанами.

Американцы боятся подобных джунглей – как, впрочем, всего, что находится за пределами их границ, и потому охотно нанимают господина Нандху и ему подобных для ведения бесконечной войны с нелегальными сарисинами. Но у господина Нандхи торговцы информацией вызывают восторг. У них есть энергия и предприимчивость. Им есть чем гордиться. Слава о сундарбанах Бхарата, Бенгальских Штатов, Бангалора и Мумбаи, Нью-Дели и Хайдарабада идет по всему миру. Они – обитель мифического поколения три-сарисинов, способных к чувствам, намного превосходящим человеческие чувства, сарисинов, чей разум во много раз выше человеческого и подобен разуму богов.

Сундарбан Бадринат занимает всего лишь скромный пятнадцатый этаж на Видьяпите. Соседи торговца информацией скорее всего даже не подозревают, что рядом с ними живет кибернетический дэв. Пробиваясь к месту парковки и истошно сигналив, господин Нандха вызывает свои аватары. Джашванта кто-то предупредил. Торговцы информацией располагают таким количеством разведывательных каналов, которые чувствительными щупальцами пронизывают всю мировую паутину, что их можно считать ясновидящими. Запирая автомобиль, господин Нандха видит, как улицы и небо наполняются божествами – каждый из них величиной с гору. Шива просматривает беспроводной трафик, Криш-

на – экстра– и интранет, Кали заносит серп над спутниковыми антеннами Нью-Варанаси – с тем, чтобы мгновенно обрубить от Бадрината все, что задумает само воспроизводиться. «Вред – наша радость, шалости – наша работа», – поет хор.

И вдруг все исчезает. Всплеск статического электричества. В небе больше нет богов. «Дидона и Эней» замирает на середине мелодии. Господин Нандха вырывает хёк из уха.

– Дорогу! Дорогу!... – кричит он пешеходам.

В первую же неделю работы в министерстве господин Нандха на собственной шкуре почувствовал, что такое полномасштабный электромагнитный импульс. У него нет ни каких сомнений относительно того, откуда исходит угроза. Взяв по ступенькам в фойе и лихорадочно набирая запрос о помощи на лопочущем что-то нечленораздельное палме, Сыщик Кришны вдруг понимает, что мимо пронесется нечто, слишком большое для птицы и слишком маленькое для самолета, почти мгновенно растворившееся на ярком небе Варанаси. Несколькими секундами позже весь пятнадцатый этаж вспыхивает и рассыпается в прах.

– Бегите! Спасайтесь!... – кричит Нандха, а дымящиеся обломки падают прямо на оцепеневших от неожиданности зевак.

В голове у Сыщика Кришны остается одна громадная, вытесняющая все остальное мысль: ему, по-видимому, не удастся сегодня забрать свой костюм у Мукхерджи.

Шахин Бадур Хан, Наджья

Премьер-министр Саджида Рана сегодня в золотом и зеленом. Члены ее кабинета знают, что когда премьер одевается в цвета национального флага, следует ожидать рассмотрения вопросов, имеющих непосредственное отношение к сохранению престижа страны. Саджида Рана стоит у восточного конца длинного тикового стола в сияющем мраморном министерском зале Бхарат Сабхи. По стене развешены живописные полотна в позолоченных рамах, изображающие ее предшественников на посту премьер-министра и великих политических деятелей прошлого. Среди них портрет ее отца, Дилджита Раны: он в судейском облачении. Ее дед – Шанкар Рана, в шелковой мантии члена Совета при английской королеве. Джавахарлал Неру в костюме изысканного покроя, с отчужденным и немного испуганным лицом, как будто предвидящий, какую цену придется заплатить грядущим поколениям за его поспешную и грязную сделку с Маунтбетеном.²² Махатма, Отец индусов. Лакшми Баи, воительница Рани, стоя в стременах, командует войсками, наступающими на Гвалиор. И – правители из другой могущественной индийской династии с именем Ганди: Соня; убиен-

²² Английский дипломат, последний вице-король Индии

ный Раджив; мученица Индира, Мать Индии.

На мраморных стенах и потолке зала заседаний кабинета министров искусно изображены сцены из индуистской мифологии. При всем том акустика в помещении великолепная. Даже шепот мгновенно разносится по всему залу. Саджида Рана опускает руки на полированное дерево.

– Мы выдержим, если первыми нанесем удар по Авадху?

В. С. Чаудхури, министр обороны, обращает из-под тяжелых век взгляд ястребиных глаз на руководителя страны.

– Бхарат выдержит. И Варанаси выдержит. Варанаси вечен.

В гулком зале ни у кого не возникает ни малейших сомнений относительно того, что могут означать его слова.

– Но сможем ли мы победить?..

– Нет. На это нельзя рассчитывать. Вы же видели, как Шривастава, получив статус наибольшего благоприствования, жал руку Маколею в Белом доме.

– Следующим будет Шанкар-Махал, – говорит Ваджубхай Пател, министр энергетики.

– Американцы постоянно что-то вынюхивают вокруг «Рэй пауэр». Авадхам даже не нужно будет побеждать, они просто смогут нас купить. Старый Рэй, как мне стало недавно известно, находится в гхате в Маникарне и делает сурья намаскар.

– А кто же управляет всем его чертовым заведением? – спрашивает Чаудхури.

– Астрофизик, производитель упаковочных материалов и эстрадный комик.

– Да помогут нам боги!.. В таком случае есть только один выход – сразу сдаться, – бормочет Чаудхури.

– Я не могу согласиться с тем, что слышу за этим столом, – говорит Саджида Рана. – Людям нужна война.

– Людям нужен дождь, – суровым тоном возражает Бисванат, министр охраны окружающей среды. – Единственное, что им по-настоящему нужно, – это муссон.

Саджида Рана смотрит на помощника. Шахин Бадур Хан увлечен разглядыванием мрамора, его внимание поглощено вульгарными древними божествами, ползающими друг по другу, по стенам залы и по потолку. В воображении он стирает наиболее грубые детали – слишком выпирающие конусы грудей, вызывающий выступ лингама. Бадур Хан сводит все в андрогинное смешение мраморной плоти, время от времени приобретающее то одну, то другую не слишком значимую форму. Его фантазии вдруг переключаются на увиденный мельком в коридоре аэропорта изгиб скул, элегантный поворот шеи, идеальные очертания безволосого черепа...

– Господин Хан, ваше мнение о ситуации в Бенгале?

– Их планы – утопия, – отвечает Шахин Бадур Хан. – Как и всегда, бенгалцы хотят продемонстрировать, что способны найти высокотехнологическое решение любой проблемы. Айсберг – не более чем пиаровский ход. У них примерно такие же трудности с водой, как и у нас.

– Да-да, именно так.

Теперь говорит Ашок Рана, министр внутренних дел. Шахин Бадур Хан не собирается демонстрировать свое неприятие nepoтизма, но считает, что нужному человеку должность необходимо подбирать по его возможностям.

Делая вид, что он тщательно проанализировал все нюансы проблемы, Ашок готовится произнести короткую речь в поддержку точки зрения сестры, какой бы она ни была.

– Людям нужна вода, и если для этого потребуется начать войну...

Шахин Бадур Хан издает вздох – едва заметный, но все же достаточно громкий для того, чтобы Ашок его услышал.

В дискуссию вступает министр обороны Чаудхури. У него высокий голос со сварливыми интонациями, неприятным эхом отдающийся от мраморных поверхностей стен, от сплетающихся фигурок богов.

– Наилучший вариант, который предлагается Стратегическим управлением сухопутных сил, заключается в нанесении превентивного удара по самой плотине. Нужно по воздуху перебросить туда небольшой отряд десантников, чтобы они захватили ее и удерживали до последнего, а затем отступили к границе. Тем временем мы окажем нажим на ООН с требованием размещения международных сил в данной зоне.

– Если американцы раньше нас не потребуют введения санкций, – возражает Шахин Бадур Хан.

Вокруг длинного черного стола катится гул одобрения.

– Отступать?.. – Ашок Рана не может поверить своим ушам. – Наши отважные джаваны наносят мощный удар по авадхам, а затем убегают, поджав хвост. Как это воспримут на улицах Патны? Неужели Стратегическое управление сухопутных сил окончательно лишилось иззата?

Шахин Бадур Хан чувствует, как меняется настроение в зале. Болтовня о гордости, отважных солдатах и трусости возбуждает присутствующих.

– Можно мне высказать свою точку зрения? – произносит он во внезапно воцарившейся абсолютной и немного страшноватой тишине.

– Мы всегда рады выслушать ваше мнение, – говорит Саджида Рана.

– Мне представляется, что главная опасность для нынешнего правительства кроется вовсе не в спорах с Авадхом по поводу плотины, а исходит от тех, кто инсценирует демонстрации на развязке Саркханд, – осторожно произносит он.

Со всех концов стола слышатся возражения. Саджида Рана поднимает руку, и воцаряется тишина.

– Продолжайте, господин Хан.

– Я вовсе не настаиваю на том, что войны не будет. Хотя, вероятно, моя позиция относительно нападения на Авадх уже достаточно ясна всем присутствующим...

– Бабья позиция, – прерывает его Ашок Рана. Шахин слышит, что Ашок добавляет шепотом помощнику: – Позиция мусульманина.

– Я говорю об опасностях для правительства. Мне представляется достаточно очевидным, что главнейшая угроза – это внутренние распри и гражданская война, разжигаемая Шиваджи. Пока наша партия пользуется массовой поддержкой населения, в том числе и в вопросе любых военных действий против Авадха, все переговоры будут вестись именно нашим кабинетом. Насколько я помню, мы пришли к соглашению, что военные силы можно использовать только для того, чтобы заставить авадхов сесть за стол переговоров, то есть для нас они лишь инструмент инициации мирного процесса, как бы высоко ни ставил Ашок доблесть наших войск.

Шахин Бадур Хан выдерживает взгляд Ашока Рана достаточно долго, чтобы дать тому понять, что считает его болваном, не по заслугам занявшим свой пост.

– Тем не менее если авадхи и их американские покровители найдут поддержку политической альтернативе у населения Бхарата, Дживанджи сможет выступить в роли миротворца. Он приобретет славу человека, остановившего войну, заставившего вновь течь Ганг, посрамившего горделивых Ранов, которые опозорили Бхарат. И тогда на протяжении жизни целого поколения наша партия не сможет переступить порог этого кабинета. Вот что стоит за спектаклем на развязке Саркханд, а вовсе не праведный гнев индуистов Бхарата, вызванный фактом попраения древних традиций. Дживанджи планирует поднять против нас толпы черни. Он мечтает о том, чтобы, проехав на священной колеснице Кришны

по бульвару Чандни, въехать на ней прямо в этот зал!

— Есть ли какая-нибудь информация, на основании которой мы могли бы его арестовать? — спрашивает Дасгупта, министр иностранных дел.

— Задолженности по выплате налогов? — под приглушенный смех присутствующих отпускает шутку Випул Нарвекар, советник Ашока Раны.

— У меня есть предложение, — невозмутимо продолжает Шахин Бадур Хан. — Я предлагаю дать Дживанджи то, чего он хочет, но только тогда, когда мы сами этого захотим.

Премьер-министр Рана наклоняется вперед.

— Объясните, пожалуйста, что вы имеете в виду, господин Хан.

— Именно то, что я сказал. Давайте позволим ему собрать миллион своих верных последователей. Давайте позволим ему проехаться на боевой колеснице, и пусть его шиваджисты пляшут, следуя за ней. Пусть он станет голосом индуистов, пускай его агрессивные речи пробудят в толпе чувство оскорбленного достоинства. Пусть он вовлечет страну в войну. И если мы выступим в роли голубей, то Дживанджи станет ястребом. Мы знаем, что он способен довести толпу до настоящих бесчинств. Но в приграничных городах эту агрессию можно будет направить против авадхов. А те, в свою очередь, обратятся к Дели с просьбой о помощи, и начнется эскалация конфликта. И не потребуется слишком много усилий, чтобы заставить господина Дживанджи направить свою

грозную колесницу прямо на плотину Кунда Кхадар. Конечно, авадхи нанесут ответный удар. Но как раз тогда мы и вмешаемся в качестве пострадавшей стороны. Вина падет на Шиваджи, так как они все и начали. Авадхи вместе с американскими покровителями окажутся в крайне не ловкой ситуации и без всяких проволочек будут готовы сесть за стол переговоров с нами – как со стороной, представляющей разум, здравомыслие и по-настоящему взвешенный подход.

Саджида Рана резко встает.

– Вы, как всегда, великий дипломат, господин Хан.

– Я просто служу народу...

Шахин Бадур Хан покорно опускает голову, но замечает взгляд, брошенный на него Ашоком Раной. Тот явно вне себя от гнева.

Слово берет Чаудхури:

– При всем уважении к вам, секретарь Хан, я должен сказать, что вы, как мне кажется, недооцениваете силу воли на рода Бхарата. Бхарат – это нечто гораздо большее, чем Варанаси и проблемы, связанные со строительством станций метро. Я знаю, что в Патне живут простые и любящие родину люди. Там считают, что война объединит общество, и это выбросит Дживанджи на политическую обочину. И мне представляется весьма опасной тактикой разыгрывать столь тонкие дипломатические сценарии во времена серьезной угрозы для существования государства. Мимо нас течет тот же Ганг, что и мимо вас, и вы не единственный, кто чув-

ствуется жажда. Как вы сказали, госпожа премьер-министр, людям нужна война. Я не хочу начинать ее, но считаю, что мы должны это сделать, то есть первыми нанести стремительный удар.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.